

ФИННО-УГОРСКИЙ МИР
FINNO-UGRIC WORLD

ISSN 2076-2577 (Print)
ISSN 2541-982X (Online)

2025

Том 17, № 1
Vol. 17, no. 1

ISSN 2076-2577 (Print), 2541-982X (Online)

Финно-угорский мир

Научный журнал

Том 17, № 1. 2025

doi: 10.15507/2076-2577

doi: 10.15507/2076-2577.017.2025.01

Журнал основан в 2008 г.
Периодичность издания – 4 раза в год

Зарегистрировано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
Реестровая запись ПИ № ФС77 - 70644
от 3 августа 2017 г.

Территория распространения журнала –
Российская Федерация, зарубежные страны

Подписной индекс – 42059

Учредитель и издатель:
федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва».
430005, Российская Федерация,
Республика Мордовия,
г. Саранск, ул. Большевикская, 68

Адрес редакции:
430005, Российская Федерация,
Республика Мордовия,
г. Саранск, ул. Большевикская, 68
Телефон: +7 8342 481424
www: <https://csfu.mrsu.ru>
E-mail: finno-ugric.world@mail.ru

Главный редактор Н. П. Макаркин

Дата выхода 31.03.2025.
Формат 70 × 108 1/16. Усл. печ. л. 11,55.
Тираж 1 000 экз. (1-й завод – 100 экз.).
Цена свободная. Заказ № 135

Отпечатано в типографии
Издательства Мордовского университета
430005, Российская Федерация,
Республика Мордовия,
г. Саранск, ул. Советская, 24

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2025

The journal was founded in 2008.
Periodicity: Quarterly

Registered by The Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(Roskomadzor)
Registry Entry PI No. ФС77 - 70644
August 3, 2017

Distributed in Russian Federation
and foreign countries

Subscribe index – 42059

Founder and Publisher:
Federal State
Budgetary Educational
Institution of Higher Education
“National Research
Ogarev Mordovia
State University”
68 Bolshevistskaya St., Saransk
430005, Republic of Mordovia,
Russian Federation

Editorial board:
68 Bolshevistskaya St., Saransk
430005, Republic of Mordovia,
Russian Federation
Phone: +7 8342 481424
www: <https://csfu.mrsu.ru>
E-mail: finno-ugric.world@mail.ru

Editor-in-Chief N. P. Makarkin

Released on March 31, 2025.
Format 70 × 108 1/16. Press sheets 11.55.
Circulation 1,000 copies (1st – 100 copies).
Free price. Order No. 135

Printed in the Publishing House of National
Research Ogarev Mordovia State University
24 Sovetskaya St., Saransk
430005, Republic of Mordovia,
Russian Federation

© National Research Mordovia State University, 2025

Finno-Ugric World
Academic Journal

Финно-угорский мир

«Финно-угорский мир» – рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий оригинальные научные статьи, посвященные результатам исследований лингвистических, исторических и этнографических, культурологических проблем финно-угорских народов.

Миссия журнала – распространение на территории Российской Федерации и за рубежом научных знаний о финно-угорских народах, популяризация их языков, народной культуры и искусств, истории.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.6.1. Отечественная история

5.6.4. Этнология, антропология и этнография

5.6.7. История международных отношений и внешней политики.

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.6. Языки народов зарубежных стран (финно-угорские и самодийские)

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.10.1. Теория и история культуры, искусства

Редакция научного издания «Финно-угорский мир» осуществляет рецензирование («двойное слепое») всех поступающих в редакцию материалов. Рукопись статьи направляется на рецензирование для оценки ее научного содержания несколькими ведущим специалистам соответствующего профиля, имеющим научную специализацию, наиболее близкую к тематике статьи.

В состав редакционного и экспертного советов входят ученые, организаторы науки, представители государственной власти, национальных общественных объединений, деятели культуры и искусств финно-угорских регионов Российской Федерации, Финляндии, Венгрии, Эстонии, Франции и Литвы.

Редакция журнала реализует принцип нулевой толерантности к плагиату и осуществляет мониторинг некорректного цитирования.

Журнал придерживается стандартов редакционной этики в соответствии с международной практикой редактирования, рецензирования изданий и авторства научных публикаций и рекомендациями Committee on Publication Ethics (COPE).

Издание предоставляет открытый доступ к полным текстам публикаций, исходя из следующего принципа: открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Журнал индексируется и архивируется в следующих базах данных:

Russian Science Citation Index (RSCI)

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

ERIH PLUS

Ulrich's Global Serials Directory

Журнал является членом Committee on Publication Ethics (COPE), Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Finno-Ugric World

Journal “Finno-Ugric World” is a peer-reviewed open access scientific journal publishing original scientific articles devoted to the results of research on linguistic, historical, ethnographic and cultural problems of Finno-Ugric peoples.

The mission of the journal is to disseminate scientific knowledge about Finno-Ugric peoples in the Russian Federation and abroad, popularize their languages, folk culture and arts, history.

The Editorial Board reviews (double-blind review) all incoming papers. The manuscript of the article is sent for review to several leading specialists of the corresponding profile, who have scientific specialization closest to the subject of the article, to evaluate the scientific content.

The editorial board includes scholars, academics, representatives of State Bodies, National

Public Associations, and representatives of culture and arts of the Finno-Ugric regions of the Russian Federation, Finland, Hungary, Estonia, France and Lithuania.

The Editorial Board follows the principle of zero tolerance to plagiarism. Plagiarism checking is carried out by using Anti-Plagiarism and iThenticate software.

The journal adheres to editorial ethics standards following international practice of editing, reviewing, publishing and authorship of scientific publications and recommendations of the Committee on Publication Ethics (COPE).

The journal offers direct open access to full-text issues based on the following principle: open access to research results contributes to the increase of global knowledge sharing.

The journal is indexed and archived in:
Russian Science Citation Index (RSCI)
Russian Index of Science Citation
ERIH PLUS
Ulrich’s Global Serials Directory

The journal is a member of the Committee on Publication Ethics (COPE),
Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Directory of Open Access Journals (DOAJ),
Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP) and CrossRef

The journal’s materials are available under the Creative Commons
“Attribution” 4.0 Global License

All the materials of the “Finno-Ugric World” journal are licensed under
a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Редакционная коллегия

Макаркин Николай Петрович – главный редактор, председатель совета, доктор экономических наук, профессор, президент МГУ им. Н. П. Огарёва, руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения (г. Саранск, Российская Федерация), makarkin@mrsu.ru

Мосина Наталья Михайловна – заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации МГУ им. Н. П. Огарёва (г. Саранск, Российская Федерация), natamish@rambler.ru

Никонова Юлия Николаевна – ответственный секретарь редакции научных журналов Высшей школы развития научно-образовательного потенциала МГУ им. Н. П. Огарёва (г. Саранск, Российская Федерация), ulanikonova@yandex.ru, finno-ugric.world@mail.ru

Бахлова Ольга Владимировна – доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения МГУ им. Н. П. Огарёва (г. Саранск, Российская Федерация), olga.bahlova@mail.ru

Бояркин Николай Иванович – доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения МГУ им. Н. П. Огарёва (г. Саранск, Российская Федерация), bojarkin_ni@mail.ru

Братчикова Надежда Станиславовна – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорской филологии МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Москва, Российская Федерация), n.bratchikova@mail.ru

Вичинене Дайва – доктор гуманитарных наук, профессор, заведующий кафедрой этномузыкологии Литовской академии музыки и театра (г. Вильнюс, Литва), daivarster@gmail.com

Жеребцов Игорь Любомирович – доктор исторических наук, профессор, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Российская Федерация), zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

Илоха Ольга Павловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Российская Федерация), iljuha@krc.karelia.ru

Кауппала Пекка – доктор философии, доцент Центра изучения России и Восточной Европы Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия), pekka.kauppala@saunalahti.fi

Кондратьева Наталья Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания Удмуртского государственного университета (г. Ижевск, Российская Федерация), nataljakondratjeva@yandex.ru

Корнишина Галина Альбертовна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России МГУ им. Н. П. Огарёва (г. Саранск, Российская Федерация), g.kornihina@mail.ru

Луутонен Йорма – доктор философии, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания Туркского университета (г. Турку, Финляндия), luutonen@utu.fi

Мартынова Марина Юрьевна – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра европейских исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, (г. Москва, Российская Федерация), martynova@iea.ras.ru

Матичак Шандор – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорского языкознания Дебреценского университета (г. Дебрецен, Венгрия), maticsak.sandor@arts.unideb.hu

Мишанин Юрий Александрович – доктор филологических наук, профессор, заместитель директора по межэтническим отношениям Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, председатель Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского и эрзянского) народа (г. Саранск, Российская Федерация), mordvarf@mail.ru

Муллонен Ирма Ивановна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Российская Федерация), mullonen@krc.karelia.ru

Нуриева Ирина Муртазовна – доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (г. Ижевск, Российская Федерация), nurieva-59@mail.ru

Попов Александр Александрович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Российская Федерация), doctor_porov@mail.ru

Пустай Янош – доктор филологии, профессор, директор NH «Collegium Fenno-Ugricum» (г. Бадачоньтомай, Венгрия), janos_pusztay@hotmail.com

Ракин Анатолий Николаевич – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Российская Федерация), anatolij.rakin@mail.ru

Сейленталь Тыну – доктор филологии, заведующий финно-угорским отделением Тартуского университета, председатель Программы родственных народов (г. Тарту, Эстония), seilu@ut.ee

Тултаев Петр Николаевич – председатель президиума Совета ООД «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» (г. Саранск, Российская Федерация), afunrf@yandex.ru

Тулуз Ева – доктор философии, профессор Центра исследований Европы и Евразии Национального института восточных языков и цивилизаций (г. Париж, Франция), evatoulouze@gmail.com

Шаланки Жужанна – доктор филологии, доцент кафедры финно-угроведения Университета им. Лоранда Этвеша (г. Будапешт, Венгрия), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu

Шилов Николай Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук и менеджмента Московского социально-педагогического института (г. Москва, Российская Федерация), n_shilov@uni21.org

Шкалина Галина Евгеньевна – доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культуры и искусств Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола, Российская Федерация), gshkalina@mail.ru

Editorial Board

Nikolay P. Makarkin – Editor-in-Chief, Chairman of the Board, Dr.Sci. (Econ.), Professor, President of National Research Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies (Saransk, Russian Federation), makarkin@mrsu.ru

Natalya M. Mosina – Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci. (Philol.), Professor, Department of English for Professional Communication, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), natamish@rambler.ru

Yuliya N. Nikonova – Executive Secretary of the Editorial Board of Scientific Journals of the Higher School of Development of Scientific and Educational Potential, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), ulanikonova@yandex.ru, finno-ugric.world@mail.ru

Olga V. Bakhlova – Dr.Sci. (Polit.), Professor, Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), olga.bahlova@mail.ru

Nikolay I. Boyarkin – Dr.Sci. (Arts), Professor, Leading Researcher, Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), bojarkin_ni@mail.ru

Nadezhda S. Bratchikova – Dr.Sci. (Philol.), Head of the Department of Finno-Ugric Philology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), n.bratchikova@mail.ru

Daiva Vyčinienė – Doctor of Arts, Professor, Head of the Department of Ethnomusicology, Lithuanian Academy of Music and Theater (Vilnius, Lithuania), daivarster@gmail.com

Igor L. Zherebtsov – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Director of the Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation), zherebtsov@mail.illkomisc.ru

Olga P. Ilyukha – Dr.Sci. (Hist.), Lead Research Fellow, History Section, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation), iljuha@krc.karelia.ru

Pekka Kauppala – Ph.D., Associate Professor, Center for the Study of Russia and Eastern Europe, Helsinki University (Helsinki, Finland), pekka.kauppala@saunalahti.fi

Natalia V. Kondratyeva – Dr.Sci. (Philol.), Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation), nataljakondratjeva@yandex.ru

Galina A. Kornishina – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Department of History of Russia, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), g.kornishina@mail.ru

Jorma Luutonen – Ph.D., Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, University of Turku (Turku, Finland), luutonen@utu.fi

Marina Yu. Martynova – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Head of the Center for European Studies, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, (Moscow, Russian Federation), martynova@iea.ras.ru

Sándor Maticsák – Ph.D. (Philol.), Professor, Head of the Department of Finno-Ugric Linguistics, University of Debrecen (Debrecen, Hungary), maticsak.sandor@arts.unideb.hu

Yuri A. Mishanin – Dr.Sci. (Philol.), Professor, Deputy Director for Interethnic Relations of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Chairperson of Interregional Public Organization of Mordovian (Moksha and Erzya) People (Saransk, Russian Federation), mordvarf@mail.ru

Irma I. Mullenon – Dr.Sci. (Philol.), Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation), mullenon@krc.karelia.ru

Irina M. Nurieva – Dr.Sci. (Arts), Leading Researcher, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russian Federation), nurieva-59@mail.ru

Alexander A. Popov – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Senior Research Fellow, Sector of Domestic History, Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation), doctor_popov@mail.ru

János Pusztay – Ph.D. (Philol.), Professor, Director of the Collegium Fenno-Ugricum (Badacsonytomaj, Hungary), janos_pusztay@hotmail.com

Anatoly N. Rakin – Dr.Sci. (Philol.), Senior Research Fellow, Language Sector, Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation), anatolij.rakin@mail.ru

Tõnu Seilenthal – Ph.D. (Philol.), Head of the Finno-Ugric Branch of the University of Tartu, Chairperson of the Kindred Peoples Programme (Tartu, Estonia), seilu@ut.ee

Pyotr N. Tultaev – Chairperson of the Presidium of the Council of Association of Finno-Ugric Peoples of the Russian Federation (Saransk, Russian Federation), afunrf@yandex.ru

Eve Toulouse – Ph.D., Professor, Center for European and Eurasian Studies, National Institute of Oriental Languages and Civilizations (Paris, France), evatoulouse@gmail.com

Zsuzsanna Salánki – Ph.D. (Philol.), Associate Professor, Department of Finno-Ugric Studies, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu

Nikolai V. Shilov – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Department of Social and Humanitarian Sciences and Management, Moscow Social Pedagogical Institute (Moscow, Russian Federation), n_shilov@uni21.org

Galina E. Shkalina – Dr.Sci. (Cult.), Professor, Head of the Department of Culture and Arts, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation), gshkalina@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Языкознание

Матичак Ш. Этимологические пласты названий денежных единиц в мордовских языках	8
Иванова Г. С., Водясова Л. П., Иванова Н. В. Морфонологические особенности в парадигме основного склонения в сузгарьевском типе мокшанских говоров рузаевского ареала	21
Осьмак Н. А. Коллокации с номинацией «Россия» в корпусе финноязычных интернет-травелогов	35
Родионова А. П., Бойко Т. П. Формант -räi (-riäi) в падежах послеложного образования (на примере ливвиковского и людиковского наречий)	47
Конгоева А. А. Наследие карельского некалендарного ономастикона в топонимии Сямозерья	56

История, этнография, археология

Вавулинская Л. И., Яловицына С. Э. Особенности религиозной ситуации приграничья в контексте межконфессиональных и внешних связей (на материалах Республики Карелия, 1940–1980-е гг.)	67
Бикейкин Е. Н., Гусева Т. М., Куршева Г. А. Традиционная культура мордвы Казанской губернии: историко-этнографический аспект	80
Саберов Р. А. Поиск вектора развития института служителей культа марийской традиционной религии в 1950–1960-е гг. (по материалам Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории)	90

Культурология и фольклористика

Пыреськина Е. М., Пивкина С. В., Дементьева К. В. Мордовский переводческий процесс в контексте литературы и печатных СМИ конца XVIII – XX вв.	99
Душенкова Т. Р., Кондратьева Н. В. Почему есть пятна на луне, или К вопросу об астрономических кодах удмуртского народа	112
Информация для авторов и читателей	126

CONTENT

Linguistics

Maticsák S. The Etymological Layers of Currency Unit Names in the Mordovian Languages	8
Ivanova G. S., Vodyasova L. P., Ivanova N. V. Morphological Features in the Paradigm of the Main Declension in the Suzgar Type of Moksha Dialects in the Ruzaevsky Area	21
Osmak N. A. Collocations with the Nomination “Russia” in the Corpus of Finno-Ugric Internet Travelogues	35
Rodionova A. P., Boyko T. P. The Formant -päi (-piäi) in Postpositional Cases (on the Example of Livvi and Ludian Dialects).....	47
Kongoeva A. A. The Legacy of the Karelian Non-Calenderic Onomasticon in the Toponymy of the Syamozerye Region	56

History, Ethnography, Archeology

Vavulinskaya L. I., Yalovitsyna S. E. Religious Dynamics in Border Regions in the Context of Interfaith and External Relations (Based on Materials from the Republic of Karelia, 1940–1980s).....	67
Bikeykin E. N., Guseva T. M., Kursheva G. A. The Traditional Culture of the Mordovians in the Kazan Province: A Historical and Ethnographic Perspective	80
Saberov R. A. Exploring the Developmental Trajectory of the Institution of Clergy in the Mari Traditional Religion in the 1950s–1960s (Based on Materials from the Mari Research Institute of Language, Literature, and History).....	90

Cultural Studies and Folklore Studies

Pyreskina E. M., Pivkina S. V., Dementieva K. V. The Mordovian Translation Process in the Context of Literature and Print Media from the Late 18 th to the 20 th Century.....	99
Kondratieva N. V., Dushenkova T. R. Why Are There Spots on the Moon? – On the Issue of the Astronomical Codes of the Udmurt People	112
Information for authors and readers	126

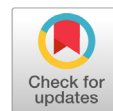
ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.008-020>

EDN: <https://elibrary.ru/ybeiab>

УДК / UDC 336.741.21:811.511.1

Оригинальная статья / Original article

Этимологические пласты названий денежных единиц в мордовских языках

Ш. Матичак

Дебреценский университет,

г. Дебрецен, Венгрия

✉ maticsak.sandor@arts.unideb.hu

Аннотация

Введение. Среднее Поволжье долгое время находилось в подчинении тюркских народов, а затем, в XVI в., вошло в состав Российской империи. Эти обстоятельства оказали влияние на все сферы жизни мордвы, о чем свидетельствует большое количество тюркских и русских заимствований в языке, в том числе и заимствованных названий денежных единиц. Данный пласт лексики не подвергался детальному изучению историками языка. Цель исследования – представить происхождение названий мордовских монет, сгруппировать их согласно трем этимологическим слоям: русскому, тюркскому и мордовскому.

Материалы и методы. В статье проанализирована этимология 19 названий денежных единиц. Данные взяты из мордовских словарей XIX–XXI вв. В процессе исследования применялся историко-сопоставительный метод, благодаря которому удалось разграничить три этимологических слоя.

Результаты исследования и их обсуждение. Мордва рано вступает в контакты с тюркскими народами региона. В ходе торговых отношений с ними в мордовском языке появляется название «теньге». Как денежная единица оно исчезло в начале XX в., но его форма множественного числа до сих пор употребляется в русском языке – «деньги». Из русских наименований денежных единиц используются названия «рубль» и «копейка», но исследование свидетельствует о том, что мордва в определенной степени знала и использовала названия монет «грош», «решёт», «трёшник» и др. На основе словарного материала выявлено, что ряд слов мордовского происхождения также может функционировать или ранее функционировал в качестве названий денег. Особое внимание было уделено эрзянскому слову «ур», первоначальное значение которого «белка». Поскольку беличи шкурки использовались в качестве оплаты до появления действительного денежного оборота, со временем оно приобрело значение «деньги».

Заключение. Дальнейшее исследование проблемы должно включить изучение истории названий денежных единиц других финно-угорских языков России. Это позволит получить полное представление о развитии данного пласта лексики, способах и времени заимствования новых слов, а также об общей мотивированности наименования денег.

Ключевые слова: история мордовской культуры, эрзя, мокша, этимология названий денежных единиц, русские и татарские заимствования

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Матичак Ш. Этимологические пласты названий денежных единиц в мордовских языках. *Финно-угорский мир*. 2025;17(1):8–20. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.008-020>

© Матичак Ш., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

The Etymological Layers of Currency Unit Names in the Mordovian Languages

S. Maticsák

University of Debrecen,
Debrecen, Hungary

✉ maticsak.sandor@arts.unideb.hu

Abstract

Introduction. The Middle Volga region was under the dominance of Turkic peoples for an extended period before becoming part of the Russian Empire in the 16th century. These historical circumstances significantly influenced all aspects of Mordovian life, as evidenced by the substantial number of Turkic and Russian loanwords in the language, including borrowed names for currency units. However, this layer of vocabulary has not been the subject of detailed study by historical linguists. The aim of this research is to trace the origins of Mordovian coin names and classify them into three etymological layers: Russian, Turkic, and Mordovian.

Materials and Methods. The article analyzes the etymology of 19 currency unit names, drawing on data from Mordvinic dictionaries from the 19th to the 21st century. The study employs the historical-comparative method, which has made it possible to distinguish three etymological layers.

Results and Discussion. The Mordovian people established early contacts with the Turkic populations of the region. Through trade relations, the term *tengge* entered the Mordovian language as a designation for currency. While it ceased to function as a monetary unit in the early 20th century, its plural form persists in the Russian language as *dengi* (money). Among Russian currency names, *ruble* and *kopeck* are commonly used in Mordovian, though research indicates that the Mordovian people were also familiar with and to some extent used the names of coins such as *groshe*, *reshet*, and *treshnik*, among others. Lexicographic analysis further reveals that certain words of Mordovian origin have either functioned or previously functioned as currency names. Examples include *ašo* (white), *kičkeře* (crooked), *šav* (awn), and *čapo* (notch). Particular attention is given to the Erzya word *ur*, which originally meant “squirrel”. Since squirrel pelts were used as a means of payment before the advent of formal monetary circulation, the term eventually acquired the meaning of “money”. A similar linguistic development is observed in other Finno-Ugric languages.

Conclusion. Further research on this issue should encompass the study of the etymology of currency names in other Finno-Ugric languages of Russia. Such an approach would provide a comprehensive understanding of the development of this lexical layer, the mechanisms and chronology of lexical borrowings, as well as the underlying motivations behind the naming of currency units.

Keywords: history of Mordovian culture, Erzya, Moksha, etymology of names of currencies, Russian and Tatar loanwords

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Maticsák S. The Etymological Layers of Currency Unit Names in the Mordovian Languages. *Finno-Ugric World*. 2025;17(1):8–20. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.008-020>

Введение

Названия денежных единиц составляют относительно небольшую группу лексики, но содержат в себе информацию о языке и истории культуры. Выделение этимологических пластов мордовских наименований денежных единиц четко отражает общие лингвистические и исторические процессы, протекавшие в Поволжье в последние столетия: в этой лексике присутствуют и элементы внутреннего происхождения. Исследование также показало схожесть мотивировки наименований денег в Поволжье с мотивировкой данной лексики в других языках мира.

Сегодня официальными денежными единицами в стране являются российский рубль и его разменная монета – копейка, однако в XVI–XIX вв. в обращении находились и другие виды денег, в народном языке также существовали различные названия для их обозначения. Во многих случаях значение слова «деньги» и конкретного вида денег размыто (например, рус.¹ *деньга* изначально обозначало денежную единицу, позже форма

¹ рус. – русский язык.

множественного числа *деньги* приобрела обобщающее значение), это также наблюдается и в случае мордовских наименований денежных единиц.

В Поволжье русские завоеватели-поселенцы появились уже в XII–XIII вв. Татарское нашествие задержало их продвижение более чем на два столетия, но с конца XV в. завоевание продолжалось с новой силой. В 1552 г., после падения Казани, все Среднее Поволжье перешло под правление Российской империи. Важной частью построения государственного управления было введение российской налоговой системы наряду с русификацией денежного оборота. Следовательно, большинство наименований денег имеют русское происхождение. Множество иноязычных слов вошло в мордовский язык из другой крупной языковой семьи региона – тюркской, важнейшими представителями которой в Поволжье являются татары и чуваша, однако на рассматриваемый сегмент словарного состава они повлияли незначительно.

Цель исследования – внести существенные дополнения в общий фонд знаний о названиях денежных единиц. В будущем проблема исследования может расширить свои перспективы при подробном описании этимологических пластов названий денежных единиц других финно-угорских и тюркских языков региона.

Обзор литературы

Вопросы нумизматики, т. е. история монетной чеканки, монетного обращения, всегда привлекали внимание ученых, однако о происхождении непосредственно названий денежных единиц существует мало источников, хотя эти наименования содержат достаточно информации, связанной с историей культуры народа. Лингвистический аспект не был подробно рассмотрен не только в общей нумизматической литературе, но и, за исключением нескольких работ автора, не проводилось исследований с финно-угорской направленностью. Следовательно, методические принципы могли быть установлены только на основе общих обзоров и опубликованных словарей наименований денег. В контексте исследуемой проблемы большое значение имеет работа А. Р. Фрея. Автор включил в нее не только официальные, но и разговорные названия, а при описании около 5 тыс. видов денежных единиц привел их этимологию². Множество важных методических приемов содержит книга К. Клютца, опубликованная в 2004 г., где представлено происхождение 3 800 названий денежных единиц на немецком языке³. Г. М. Берлин систематизирует названия денег 203 стран, представляя денежную историю последних 150 лет. Материал организуется по странам, в хронологическом порядке, приводятся этимологические данные⁴. Заслуживают внимания работы И. Г. Спасского и В. Л. Янина о древнерусской системе названий денежных единиц [1; 2].

Автором данного исследования в 2018 г. был опубликован краткий этимологический словарь на венгерском языке, включающий историю происхождения 400 названий денежных единиц от древности до наших дней [3], а также статьи на венгерском языке, посвященные названиям денежных единиц в мордовском и других финно-угорских языках России [4; 5].

Материалы и методы

В работе тесно переплетаются лингвистика и история культуры. Автором составлена база данных на основе большого словаря Х. Паасонена⁵ и двуязычных словарей эрзян-

² Frey A. R. A Dictionary of Numismatic Names. Their Official and Popular Designations. New York : The American Numismatic Society, 1917. 328 p. URL: <https://archive.org/details/dictionaryofnumi00freyrich> (дата обращения: 17.08.2024).

³ Klütz K. Münznamen und ihre Herkunft. Grundriß einer etymologischen Ordnung der Münznamen. Wien : Money trend Verlag, 2004. 346 с.

⁴ Berlin H. M. World Monetary Units: An Historical Dictionary, Country by Country. Jefferson ; London : McFarland, 2006. 237 с.

⁵ Четырехтомный мордовский словарь появился между 1990 и 1996 гг., но материал словаря был собран финским ученым на рубеже XIX–XX вв.; Paasonen H. H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. Bd. 1–4. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1990–1996. 2703 s.

ского⁶ и мокшанского языков⁷. Поскольку работа носит этимологический характер, были использованы этимологические словари (мордовский, финский, финно-угорский, русский и тюркский)⁸. С их помощью были выделены этимологические пласты мордовских названий денежных единиц и создана база данных, включающая 19 названий, которые были разделены автором на три этимологические группы: русские (7), тюркские (2) и мордовские (10) наименования. Данные мордовских словарей, использованных в ходе исследования, рассматривались в первую очередь с этимологической точки зрения с применением историко-сопоставительного метода.

Результаты исследования и их обсуждение

Этимологические пласты названий мордовских денежных единиц:

1. Названия русского происхождения:

грош – э.⁹ *groš* ‘грош / Zweikopekenstück’, *groške* ‘двухкопеечная монета, грош / Zweikopekenstück, Geldstück’¹⁰, *groш* ‘грош (старинная денежная единица); деньги’¹¹, м.¹² *groш* ‘грош’¹³. Изначально во многих странах Европы это была средневековая серебряная монета. С развитием процесса торговли в XIII в. возникла необходимость в выпуске денег более высокой стоимости, чем динар (*denarius, denier*), который Карл Великий сделал основой западноевропейской денежной системы в начале IX в. Этой более дорогой денежной единицей стал флорентийский *florino d'oro*. Название денежной единицы восходит к итал.¹⁴ *florino* ‘цветочек’ (<*fiore* ‘цветок’; *oro* ‘золото’), поскольку на одной из сторон золотой монеты была изображена лилия, присутствующая и на гербе города. Название города Флоренция происходит от латинской формы *Florentia* (<*florens* ‘процветающий, цветущий, влиятельный’ <*flos* ‘цветок’; *Florentiae*) и является предопределяющим именем, данным городу ради его процветания и благополучия. По образцу *florino d'oro* также выпускались золотые монеты во Франции, Англии, Чехии и Венгрии (*forint*). При этом в повседневной экономической жизни требовалась разменная монета меньшей ценности, чем золото, но большей, чем динар. Исходной точкой для этого стал *gros tournois* – монета, отчеканенная в Туре (*Tours*) в 1266 г. во времена короля Людовика Святого, ценой в 12 динаров, полу-

⁶ Русско-эрзянский словарь = Рузонь-эрзянь валкс / Минобрнауки России, ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»; сост. О. Г. Борисова [и др.]; отв. ред. М. В. Мосин. Саранск : Красный октябрь, 2012. 623 с.; Эрзянско-русский словарь / Сост. М. Н. Коляденков, Н. Ф. Цыганов ; под ред. Д. В. Бубриха. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1949. 292 с.; Русско-эрзянский словарь / Морд. НИИ яз., лит. и истории при Совете министров МордАССР ; под ред. М. Н. Коляденкова и Н. Ф. Цыганова, сост. М. Н. Коляденков, Ф. В. Сульдин, Л. Н. Тарасов, Н. Ф. Цыганов. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1948. 416 с.; Эрзянско-русский словарь / сост. Р. Н. Бузакова, Р. С. Ширманкина, Е. Н. Лисина ; под ред. Б. А. Серебренникова [и др.]. М. : Русский язык; Дигора, 1993. 803 с.

⁷ Мокшанско-русский словарь / сост. С. Г. Потапкин и А. К. Имяреков ; под ред. Д. В. Бубриха. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1949. 360 с.; Русско-мокшанский словарь / Сост. С. Г. Потапкин, А. К. Имяреков ; под ред. Г. Я. Меркушкина. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. 688 с.; Мокшанско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова [и др.]. М. : Русский язык; Дигора, 1998. 920 с.

⁸ Вершинин В. И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Т. 1–5. Йошкар-Ола : Стринг, 2004–2011. 546 с.; Цыганкин Д. В., Мосин М. В. Этимологический словарь. Саранск : Мордов. кн. изд-во, Саранск, 1998. 234 с.; Keresztes L. Geschichte des mordwinischen Konsonantismus II. Etymologisches Belegmaterial. Szeged // Studia Uralo-Altica 26. Szeged : Universitatis Szegediensis de Attila József nominata, 1986. 212 s.; Itkonen E. Suomen sanojen alkuperä. Bd. 1–3. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 1992–2000. 1459 s.; Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–3. Budapest ; Wiesbaden : Akadémiai Kiadó, Harrassowitz Verlag, 1986–1991. 906 s.; Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. М. : Русский язык, 1999. 1181 с.; Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–3. Heidelberg : Carl Winter Universitätsbuchhandlung, 1953–1958. 2121 s.; Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkisprachen. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1969. 533 s.

⁹ э. – эрзянский язык.

¹⁰ Паасонен приводит также данные о конструкции *groša-piže* со значением ‘медь красная, медная монета / reines Kupfer, Kupfermünze’. Ср. с *piže* ‘медь’; Paasonen H. H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. S. 422.

¹¹ Эрзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова [и др.]. С. 156.

¹² м. – мокшанский язык.

¹³ Эрзянско-русский словарь / под ред. Д. В. Бубриха. С. 67; Русско-мокшанский словарь / под ред. Г. Я. Меркушкина. С. 106.

¹⁴ итал. – итальянский язык.

чившая свое название от средневековой латинской конструкции *denarius grossus* ‘толстый динар’ и обретшая самостоятельное значение путем переноса значения всего словосочетания на один из его элементов. Этот вид денег вскоре распространился в Италии (*grosso*), через нидерландское посредничество – в Англии (*groat*), германских княжествах (*groschen*), Чехии (*groš*) и Венгрии (*garas*). Он распространился в Восточной Европе (польский *grosz*, литовский *grašis*, русский *грош*, эстонский *kross*) и Балканах (албанский *grosh*, румынский *groș*, болгарский *грош*). В XVII в. попал в Османскую империю, а оттуда – в страны Ближнего Востока, где стал названием некоторых разменных денежных единиц (турецкий *kuruş*, израильский *grush*, эфиопский *ghersh*, египетский *ersh*). Отсюда же происходит и *qirsh*, который сегодня является разменной монетой саудовского рияла, иорданского динара и суданского фунта. В русских источниках *gros tournois* появился в XIV–XV вв. *Грош* упоминается уже в 1410 г. в Новгородской летописи I. В период с 1657 по 1838 г. он стоил две копейки, затем до 1917 г. – полкопейки¹⁵.

копейка – э. *kopijka*, *kopika*, м. *капека* ‘копейка / Кореке’¹⁶, э. *копейка* ‘копейка’¹⁷. Впервые копейка использовалась в денежном обороте Новгородского княжества (на оборотной стороне ранних монет, вероятно, был изображен Святой Георгий, побеждающий змея), затем монета распространилась и в Москве, где мать Ивана Грозного Елена Глинская сделала ее официальной денежной единицей в 1535 г. До 1719 г. на русской копейке изображался правящий царь, держащий в руках копьё. В 1704 г. Петр I ввел десятичную систему, медная копейка стала сотой частью новых официальных серебряных денег – рубля. Копейка была разменной монетой советско-российского (1922 г.), затем советского (1923–1991 гг.) рубля, а сегодня – российского и белорусского рубля и украинской гривны. Название *копейка* произошло путем слияния элементов словосочетания *копейная монета*. Согласно другой, менее распространенной точке зрения, это слово происходит от турецкого *köpek* ‘собака’. Изображение льва на аверсе монеты могло быть ошибочно принято за собаку¹⁸. В качестве примера подобной мотивации можно привести разменную монету швейцарского франка – *rappen*. На ее предшественнице в XIII в. изначально был изображен орел, которого в народе насмешливо называли вороном. Изображение ворона действительно использовалось на денежных единицах в Средние века (средневерхненемецкий *Rappe*, ныне немецкий *Rabe* ‘ворон’). Опорное слово конструкции – рус. *копьё*, ср. ст.-болг.¹⁹ *корье*, серб.-хорв.²⁰ *koplje*, словен.²¹ *kopje*, чешск.²² *kopí*, словацк.²³ *kopija*, польск.²⁴ *kopie*; ср. также лит.²⁵ *karāns* ‘нож’, греч.²⁶ *κοπίς* ‘боевой, жертвенный нож’²⁷. Нередко деньги получали свои названия на основе выбитой на них чеканке (изображение или надпись). Такова, например, бразильская монета *cruzado*, *cruzeiro*, немецкая *kreuzer*, венгерская *krajcár* ‘крест’, португальская *escudo*, французская *écu* ‘щит’, скандинавская

¹⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб. ; М. : М. О. Вольф, 1880. Т. 1. С. 409; Berlin H. M. World Monetary Units: An Historical Dictionary, Country by Country. P. 52; 67; 98; 100; 127; 137; 160; 181; Klütz K. Münznamen und ihre Herkunft. Grundriß einer etymologischen Ordnung der Münznamen. P. 57; 64; 102; 103; 105; 275; 279; Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. S. 311.

¹⁶ Raasonen H. H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. 2703 s.

¹⁷ Русско-эзрянский словарь / отв. ред. М. В. Мосин. С. 228; Эзрянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова [и др.]. С. 291.

¹⁸ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М. : Русский язык, 1999. Т. 1. С. 427.

¹⁹ ст.-болг. – староболгарский язык.

²⁰ серб.-хорв. – сербо-хорватский язык.

²¹ словен. – словенский язык.

²² чешск. – чешский язык.

²³ словацк. – словацкий язык.

²⁴ польск. – польский язык.

²⁵ лит. – литовский язык.

²⁶ греч. – греческий язык.

²⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. С. 159; Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. С. 427; Berlin H. M. World Monetary Units: An Historical Dictionary, Country by Country. P. 21; 130; 182; Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. S. 621.

krone, krona, английская *crown*, венгерская *korona* ‘корона’, итальянская *fiorino*, голландская *florijn*, венгерская *forint* ‘цветок’, итальянская *testone*, английская *testoon* ‘голова’, румынская *leu*, болгарская *lev*, голландская *leeuwendaalder* ‘лев’, швейцарская *rappen* ‘ворон’, гватемальская *quetzal* (квезал сегодня – национальный символ Гватемалы, изображен на флаге и гербе страны).

монета – э. *mañet*, м. *mañeta* ‘рубль; монета / Rubel; Münze’²⁸, э. *монета* ‘монета’²⁹, м. *монета* ‘монета’³⁰. Слово заимствовано из русского языка. Форма этого слова в конечном счете восходит к латинскому *monēta*. Согласно легенде, в 390 г. до н. э., во время нападения галлов, капитолийские гуси предупредили римлян о приближении неприятеля своим гоготаньем. Гуси были священными животными Юноны, поэтому римляне после победы над галлами из благодарности построили храм богини Юноны Монеты (*монета* ‘советующая’). Позже в храме был учрежден первый государственный монетный двор, а на оборотной стороне монет было выгравировано имя Монета. Деньги с изображением Юноны Монеты стали чеканиться после II Пунической войны (218–201 гг. до н. э.). К этому слову возводятся следующие формы: англ.³¹ *money* ‘деньги’, англ. *mint*, голл.³² *tunt* ‘монетный двор’, нем.³³ *Münze* ‘монета, медаль, металлические деньги; монетный двор’, швед.³⁴ норв.³⁵ *mynt*, дат.³⁶ *mønt* ‘монета, (металлические) деньги’, фр.³⁷ *monnaie* ‘деньги, денежные монеты’, порт.³⁸ *moeda* ‘монета’, итал. *moneta* ‘металлические деньги, монета’, исп.³⁹ *moneda* ‘(вид) денег, металлические деньги’⁴⁰. По мнению М. Фасмера, это странствующее слово попало в русский язык с польским посредничеством и впервые встречается в письменных источниках в 1731 г.⁴¹ Еще одни русские заимствованные элементы – *manat* и *maneti*. Первый является с 1993 г. официальной денежной единицей Азербайджана и Туркменистана, последний был в обороте в качестве национальной валюты в Грузии в период между 1919 и 1923 гг.

реши́т – э. *řešot*, *řešota*, *řešata* ‘чеканка (на монете); монета / Prägung (auf einer Münze); Geldstück, Münze’⁴². Слово заимствовано из русского языка – *решетка* ‘лицевая сторона медной монеты’. См. также: *орел или решка?*; *копье аль решето?*⁴³ На одной стороне монеты был изображен Святой Георгий с копьем, а на другой – витиеватая монограмма. Слово *решетка* этимологически связано со словом *решето*⁴⁴.

рубль – э. *rubl’a* ‘рубль / Rubel’⁴⁵, м. *рубль*⁴⁶. Впервые упоминается в новгородских летописях XIII в., первоначально он мог стоять как целую гривну, так и полгривны (в то время новгородская гривна равнялась 200 г серебра). В значении ‘отрубков’ он упоминается уже в «Повести временных лет». Чеканка монет в Москве началась во второй половине XIV в.,

²⁸ Paasonen H. H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. S. 1175.

²⁹ Эзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебrenникова [и др.]. С. 389.

³⁰ Эзянско-русский словарь / под ред. Д. В. Бубриха. С. 167; Русско-мокшанский словарь / под ред. Г. Я. Меркушкина. С. 264; Мокшанско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебrenникова [и др.]. С. 389.

³¹ англ. – английский язык.

³² голл. – голландский язык.

³³ нем. – немецкий язык.

³⁴ швед. – шведский язык.

³⁵ норв. – норвежский язык.

³⁶ дат. – датский язык.

³⁷ фр. – французский язык.

³⁸ порт. – португальский язык.

³⁹ исп. – испанский язык.

⁴⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. С. 351; Berlin H. M. World Monetary Units: An Historical Dictionary, Country by Country. S. 17; 153; 161; 184; Klütz K. Münznamen und ihre Herkunft. Grundriß einer etymologischen Ordnung der Münznamen. S. 161; 173.

⁴¹ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. С. 541; Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. S. 154.

⁴² Paasonen H. H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. S. 1916.

⁴³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. М.: Русский язык, 1882. Т. 4. С. 96.

⁴⁴ Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 2. S. 518.

⁴⁵ Paasonen H. H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. Bd. 1–4. S. 1903.

⁴⁶ Мокшанско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебrenникова [и др.]. С. 587.

а в Новгороде только в 1420-х гг. В 1535 г., во время денежной реформы Е. Глинской, рубль был только расчетной единицей: один московский рубль равнялся 200 московским или 100 новгородским серебряникам. Первые монеты с наименованием *рубль* были отчеканены только в 1654 г., во время денежной реформы Алексея I (в то время рубль стоил всего 64 копейки). Одной из многих реформ царя Петра Великого было преобразование денежной системы, он ввел десятичную систему, а в 1704 г. сделал рубль новой серебряной денежной единицей (один рубль делился на 100 медных копеек). Рубль пережил падение царской России, затем с 1922 г. функционировал как советско-русский, а с 1923 г. – как советский рубль до последних дней существования Советского Союза. Сегодня валютой России является российский рубль. Его разменной монетой по-прежнему остается копейка. Название рубля восходит, вероятно, к русскому глаголу *рубить*, изначально обозначавшему меру веса – так назывался отрезанный кусок серебряного бруска весом в один фунт, *гривну* [1; 2]. Согласно другой точке зрения, последним источником слова является др.-инд.⁴⁷ ‘денежная единица’ (досл. ‘рубленая’), а на территорию России оно попало при арабском (*rub 'ijje*) и персидском (*rupie*) посредничестве⁴⁸. На аналогичном восприятии основывается название использовавшейся в X–XII вв. древнерусской денежной единицы *резаны* (стоимостью 1/50 гривны), название которой происходит от русского глагола *резать*. По схожему мотиву получил свое название и английский *shilling*, который восходит к древнегерманской форме *skillingaz, восходящей, в свою очередь, к индоевропейскому глаголу *(*s*)*kel-* ‘резать’⁴⁹.

трёшник – э. *třošnik* ‘трёшник / Dreikopekenstück’⁵⁰, *трёшник* ‘копейка’⁵¹, ‘грош’⁵², м. *трёшник* ‘трехкопеечная монета, три копейки; одна копейка серебром; копейка’⁵³, ‘копейка; грош’⁵⁴. Слово заимствовано из русского языка. Позже *трёшник* служит и названием серебряного рубля, затем в народной речи стал названием разменной монеты. Основное слово – *три*⁵⁵. Также к числительному «три» восходит древнеримское *tremissis* (< лат. *trē(s)* ‘три’ + *sēmīssis* < *sēmī* ‘половина’), а также польское *dreigrösch* и немецкое название денег *dreiling* < нем. *drei* ‘три’⁵⁶.

целковой – э. *čelkovej* ‘рубль / Rubel’⁵⁷, э. *целковой* ‘целковый’⁵⁸, ‘рубль’⁵⁹, м. *цалковой* ‘целковый, рубль’⁶⁰. Заимствование *целковый* – из русского языка⁶¹. В русских письмен-

⁴⁷ др.-инд. – древнеиндийский язык.

⁴⁸ Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 2. S. 543.

⁴⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. С. 108; Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Русский язык, 1999. Т. 2. С. 125; Berlin H. M. World Monetary Units: An Historical Dictionary, Country by Country. S. 21; 115; 130; 187; 189; 205; Klütz K. Münznamen und ihre Herkunft. Grundriß einer etymologischen Ordnung der Münznamen. S. 227; Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 2. S. 505; 542.

⁵⁰ Paasonen H. H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. Bd. 1–4. S. 2416.

⁵¹ Русско-эзрянский словарь / Сост. О. Г. Борисова [и др.]; отв. ред. М. В. Мосин. С. 228; Эзрянско-русский словарь / под ред. Д. В. Бубриха. С. 224; Русско-эзрянский словарь / под ред. М. Н. Коляденкова и Н. Ф. Цыганова. С. 158; Эзрянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова [и др.]. С. 677.

⁵² Русско-эзрянский словарь / Сост. О. Г. Борисова [и др.]; отв. ред. М. В. Мосин. С. 108; Русско-эзрянский словарь / под ред. М. Н. Коляденкова и Н. Ф. Цыганова. С. 70.

⁵³ Мокшанско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова [и др.]. С. 745.

⁵⁴ Русско-мокшанский словарь / под ред. Г. Я. Меркушкина. С. 106; 224.

⁵⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. С. 441; Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Vol. 3. S. 138.

⁵⁶ Berlin H. M. World Monetary Units: An Historical Dictionary, Country by Country. S. 71; 246; Keresztes L. Geschichte des mordwinischen Konsonantismus II. Etymologisches Belegmaterial. Szeged S. 60; 61; 64; 66; 69; 70; 270; 272; 276.

⁵⁷ Paasonen H. H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. Bd. 1–4. S. 166.

⁵⁸ Русско-эзрянский словарь / Сост. О. Г. Борисова [и др.]; отв. ред. М. В. Мосин. С. 604; Эзрянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова [и др.]. С. 720.

⁵⁹ Русско-эзрянский словарь / Сост. О. Г. Борисова [и др.]; отв. ред. М. В. Мосин. С. 494; Русско-эзрянский словарь / Сост. О. Г. Борисова [и др.]; отв. ред. М. В. Мосин. С. 108; Русско-эзрянский словарь / под ред. М. Н. Коляденкова и Н. Ф. Цыганова. С. 330.

⁶⁰ Мокшанско-русский словарь / Сост. С. Г. Потапкин и А. К. Имярек; под ред. Д. В. Бубриха. С. 295; Мокшанско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова [и др.]. С. 815.

⁶¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. С. 594.

ных источниках оно появилось только в первой половине XIX в., а его первое словарное упоминание датируется 1834 г. Сегодня является уже устаревшим словом со значением ‘серебряная монета достоинством в один рубль’. Корень слова можно возвести к форме *целькъ > целок ‘нечто цельное, непочатое, неломкое’ (ср. *целый*), к которому присоединяется суффикс прилагательного. Таким образом, значение этого слова как названия денежной единицы приблизительно ‘одна единица, один целый (рубль)’⁶².

2. Названия тюркского происхождения:

тенге – э. *tēnge* ‘монета / Geldstück, Münze’, м. *tēnka* ‘фишка, марка (в качестве украшения); монетка / die “Marken” (Spielmarken), die die Mordwinen als Schmuck tragen, Ziermünze; eine kleine Münze, “Groschen”’⁶³, м. *тенька* ‘монета; тонкая плоская пластинка круглой формы, применяемая в женских украшениях; чешуя’⁶⁴. Заимствование из тюркских языков, см. тат.⁶⁵ *тәнкә* ‘монета (деньги, а также женские украшения из монет, гривны); (разг.) рубль’⁶⁶; чув.⁶⁷ *teñkě*, узб.⁶⁸ *tenga*, тадж.⁶⁹ *tanga*, кирг.⁷⁰ *teñgä*⁷¹. Это слово вошло и в русский язык во время господства Золотой Орды в форме *денга*. В письменных источниках впервые упоминается в 1382 г. Слово было древнерусским собирательным названием серебряных денег, его московское княжество переняло от Золотой Орды в середине XIV в. (Новгород того времени располагал собственной, образовавшейся из меры веса, денежной единицей – *гривной*). В 1535 г. монетарную систему унифицировали (см. *рубль*). В ходе денежной реформы Петра I копейка стала сотой частью рубля, тогда как *деньга* равнялась половине копейки. Деньга прекратила свое существование вместе с царской Россией в 1917 г., однако форма множественного числа *деньги* и сегодня служит названием понятия «деньги» в русском языке⁷². Слово из татарского проникло и в другие финно-угорские языки: манси *tenke, tenkä* ‘деньги’, *tēngä* ‘серебряные деньги’⁷³; удм.⁷⁴ *tañka, teñka, teñke* ‘рубль; серебряные деньги’⁷⁵; мар.⁷⁶ *teñge* ‘рубль, серебряные деньги, монета; ювелирная монета на платье (латунь, олово)’⁷⁷. Д. Р. Фокош-Фукс⁷⁸ коми-зыр.⁷⁹ *d’ēnga* ‘деньги’ относит к русским заимствованиям. *Тенге* с 1993 г. – официальная платежное средство в Казахстане, а также разменная монета тюркменского маната⁸⁰.

⁶² Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. С. 363.

⁶³ Raasonen H. H. Raasonens Mordwinisches Wörterbuch. Bd. 1–4. S. 2388.

⁶⁴ Мокшанско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебrenникова [и др.]. С. 714.

⁶⁵ тат. – татарский язык.

⁶⁶ Татарско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 950.

⁶⁷ чув. – чувашский язык.

⁶⁸ узб. – узбекский язык.

⁶⁹ тадж. – таджикский язык.

⁷⁰ кирг. – киргизский язык.

⁷¹ Скворцов М. И. Чувашско-русский словарь = Чавашла-вырăсла словарь. М.: Русский язык, 1982. С. 465; Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. С. 241; Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 318; Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. S. 474.

⁷² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. С. 439; Berlin H. M. World Monetary Units: An Historical Dictionary, Country by Country. S. 64; 179; Klütz K. Münznamen und ihre Herkunft. Grundriß einer etymologischen Ordnung der Münznamen. S. 57; Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. С. 339; Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 3. S. 94.

⁷³ Munkácsi B. Kálmán Béla Wogulisches Wörterbuch. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986. S. 642.

⁷⁴ удм. – удмуртский язык.

⁷⁵ Wichmann Y., Uotila T. E. Korhonen Mikko Wotjakischer Wortschatz. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987. S. 256.

⁷⁶ мар. – марийский язык.

⁷⁷ Moisio A. Saarinen Sirkka Tscheremissisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 2008. S. 791.

⁷⁸ Fokos-Fuchs D. Syrgjänisches Wörterbuch. Vol. 1–2. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1959. S. 162.

⁷⁹ коми-зыр. – коми-зырянский язык.

⁸⁰ Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. С. 318; Berlin H. M. World Monetary Units: An Historical Dictionary, Country by Country. S. 86; 161; 189 Klütz K. Münznamen und ihre Herkunft. Grundriß einer etymologischen Ordnung der Münznamen. S. 270.

ярмак – э., м. *jarmak* ‘деньги, монета / Geld, Münze’⁸¹, э. *ярмак* ‘деньги, монета’⁸², *ярмак* ‘монета’, *ярмакт* ‘деньги’⁸³, м. *ярмак* ‘деньги’⁸⁴, *ярмак* ‘монета’, *ярмакт* ‘деньги’⁸⁵. Х. Паасонен приводит также выражение м. *šijä-jarmak* ‘серебряная монета / Silbermünze’⁸⁶, ср. *šijä* ‘серебро’. Форма *jarmak* имеет тюркское (возможно, татарское) происхождение, ср. чагатайский и восточнотурецкий *jarmak* ‘серебро, золото, деньги’ [6]⁸⁷.

3. Названия мордовского происхождения:

ашо – э. *ašo, ašu, ašā*, м. *akšā* ‘белый; чистый; белокурый; белизна; рубль’ / weiss; rein; blond; die Weisse; Rubel’⁸⁸, э. *ашо* ‘1. белок, бельмо, белизна; белый, чистый, седой, 2. уст. рубль’⁸⁹, м. *акша* ‘белый; белизна; рубль’⁹⁰. Изменение значения: ‘белый’ > ‘серебрянный’ > > ‘деньги серебряного цвета’. *Ашо* является, вероятно, словом финно-угорского происхождения: ф.-у.⁹¹ *aška ‘белый’ > фин.⁹² (диал.) *ahka, haahka*, эст.⁹³ *ahka*, мар. *oš(o)*, хант.⁹⁴ *aš*⁹⁵. Также значением ‘белый’ обладает выпущенная в 1326 г. османо-турецкая серебряная денежная единица – *akçe* (форма турецкого слова *ak* ‘белый’ с уменьшительно-ласкательным суффиксом), а также грузинская разменная монета *tetri*. Названия денежных единиц со значением ‘серебрянный’: лат.⁹⁶ *argenteus* (римская серебряная монета, существовавшая несколько десятилетий с 290-х гг.) < *argentum* ‘серебро’, *birr* (эфиопские деньги), *mönggö* (разменная монета монгольского тугрика), *ngultrum* (денежная единица Бутана). Мансийские параллели: *såjrån-khår* ‘рубль’ (дословно ‘что-то белое’); *åln* ‘серебро, деньги’, *akw-åln* ‘копейка’ (дословно ‘один серебряник’)⁹⁷.

валкс – э. *valks* ‘рубль; денежный знак в тридцать копеек; тридцать копеек / Rubel; Dreissigkopekennote; dreissig Kopeken’; э. *валχ*, м. *valf* ‘рубль; рубль ассигнациями; тридцать копеек / Rubel; Rubelschein; dreissig Kopeken’; м. *valfke* ‘рубль; Rubel’⁹⁸, э. *валкс* ‘рубль’⁹⁹. По мнению Х. Паасонена, слово происходит от корня *вало-* ‘лить, пролить; полить’, к которому присоединился отглагольный именной суффикс *-кс*. Значение слова в этом случае ‘литье’. С лексемой *валкс* ‘словарь’, которая является формой с именным суффиксом *-кс*, *вал* ‘слово’ совпадает лишь по форме. Глагол *вало-* восходит к финно-волжской форме **wala-* ‘налить’, ср. фин. *vala-*, эст. *vala-*¹⁰⁰.

⁸¹ Paasonen H. H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. Bd. 1–4. S. 499.

⁸² Русско-эрзянский словарь / Сост. О. Г. Борисова [и др.]; отв. ред. М. В. Мосин. С. 116; 296; Русско-эрзянский словарь / под ред. М. Н. Коляденкова и Н. Ф. Цыганова. С. 78; 187; Эрзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебrenникова [и др.]. С. 803.

⁸³ Эрзянско-русский словарь / под ред. Д. В. Бубриха. С. 267.

⁸⁴ Там же. С. 918.

⁸⁵ Мокшанско-русский словарь / сост. С. Г. Потапкин и А. К. Имяреков; под ред. Д. В. Бубриха. С. 322; Русско-мокшанский словарь / под ред. Г. Я. Меркушкина. С. 116; 264.

⁸⁶ Paasonen H. H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. Bd. 1–4. S. 500; 2150.

⁸⁷ Вершинин В. И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Т. 1–5. С. 526; Feoktistov A. P. Mordvin languages // Basics of Finno-Ugric Linguistics 2. M., 1975. P. 342.

⁸⁸ Paasonen H. H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. Bd. 1–4. S. 76.

⁸⁹ Русско-эрзянский словарь / Сост. О. Г. Борисова [и др.]; отв. ред. М. В. Мосин. С. 494; Эрзянско-русский словарь / под ред. Д. В. Бубриха. С. 26; Русско-эрзянский словарь / под ред. М. Н. Коляденкова и Н. Ф. Цыганова. С. 330; Эрзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебrenникова [и др.]. С. 66.

⁹⁰ Мокшанско-русский словарь / сост. С. Г. Потапкин и А. К. Имяреков; под ред. Д. В. Бубриха. С. 14; Мокшанско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебrenникова [и др.]. С. 31.

⁹¹ ф.-у. – финно-угорские языки.

⁹² фин. – финский язык.

⁹³ эст. – эстонский язык.

⁹⁴ хант. – хантыйский язык.

⁹⁵ Вершинин В. И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Т. 1–5. С. 11; Bereszki G., Agyagási K., Winkler E. Etymologisches Wörterbuch des Tschermissschen (Mari): Der einheimische Wortschatz. Wiesbaden : Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica, 2013. Bd. 86. S. 178; Keresztes L. Geschichte des mordwinischen Konsonantismus II. Etymologisches Belegmaterial. Szeged S. 36; Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–3. S. 3.

⁹⁶ лат. – латинский язык.

⁹⁷ Munkácsi B. Kálmán Béla Wogulisches Wörterbuch. S. 383b; 515a.

⁹⁸ Paasonen H. H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. Bd. 1–4. S. 2526.

⁹⁹ Русско-эрзянский словарь / Сост. О. Г. Борисова [и др.]; отв. ред. М. В. Мосин. С. 494; Русско-эрзянский словарь / под ред. М. Н. Коляденкова и Н. Ф. Цыганова. С. 330; Эрзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебrenникова [и др.]. С. 102.

¹⁰⁰ Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–3. S. 812.

кичекере – э. *kičkeře*, м. *kitškər* ‘кривой, косо́й; вышивка сзади на женской рубашке; боковой клин рубашки; трехкопечная монета / *krumm, schief; eine Stickerei hinten am Hemdschosse der Frauen; Seitenstück des Hemds; Dreikopekenstück*’¹⁰¹. Данные об этой лексической единице, собранные в с. Новое Суркино в окрестностях Самары, приводит только Х. Паасонен. В других словарях она не фигурирует в таком значении, ср. ‘кривой, корявый; кривизна’¹⁰². Слово имеет финно-волжское происхождение, ср. ф.-в.¹⁰³ *kečke-rä* ‘круглый, кривой’ > фин. *kehkerä*, мар. *kəškär*¹⁰⁴. Мотивацией наименования могла являться форма монеты, ср. *juan* (китайская валюта), *tugrik* (монгольская) ‘круглый, предмет круглой формы’, *kyat* (бурмийская) ‘круглый, плоский’, *ringgit* (малайская) ‘зазубренный’. Финно-угорская параллель: коми-зыр. *gögil* ‘круг; монета, рубль’¹⁰⁵.

о́азарə́и́ šorma – м. ‘деньги, монета / *Geld, Münze*’ = ‘*Schrift (Brief) des Kaisers*’¹⁰⁶. В этой форме и с таким значением на пензенской территории выражение приводит лишь Х. Паасонен. Значение: ‘письмо царя’ < *oázər* (< *oú* ‘большой’ + *azər* ‘барин, властитель’) + *šorma* ‘вышивка, шрифт, письмо’.

сяв, сьавк – э., м. *šav, šavks* ‘деньги; ость / *Geld (koll.); Bart der Ähre*’¹⁰⁷, э. *свят* ‘деньги’¹⁰⁸. Слово финно-угорского происхождения, ср. ф.-у. **šōme (šōme)* ‘рыбья чешуя’ > фин. *suomi*, эст. *soomus*, саам.¹⁰⁹ *šuoьmá*, мд.¹¹⁰ *šav*, мар. *süm*, удм., коми-зыр. *šōm*, хант. *sam*, манс.¹¹¹ *sām*¹¹². Примеры развития значения ‘рыбья чешуя’ > ‘деньги’: коми-зыр. *lėin*¹¹³, манс. *šōm*¹¹⁴, венг.¹¹⁵ *pénz ~ halpénz*¹¹⁶.

сянгурк – э. *šangurks* ‘печаль, горе, скорбь; предмет горя или сочувствия; деньги (тайное слово) / *Betrübheit, Kummer, Herzeleid; Gegenstand des Kummers oder Mitleids; Geld (Geheimw.)*’¹¹⁷. Данные об этом слове в значении ‘деньги’, собранные в с. Старое Вечканово в районе Бугуруслана, относящегося к Самарской губернии, приводит только Х. Паасонен на эрзянском языке. Мотивация наименования не ясна.

ур – э. *ur*, м. *ura* ‘белка; копейка / *Eichhörnchen; Kopeke*’¹¹⁸, э. *ур* ‘1. белка; 2. уст. копейка, грош’¹¹⁹. В мокшанских словарях не имеется данных о значении ‘копейка’: м. *ур* ‘белка’¹²⁰. Слово финно-пермского происхождения, ср. ф.-п.¹²¹ *ora ‘белка’ > фин. *orava*, эст. *orav*, саам. *oar're*, мар. *ur*, коми-зыр. *ur*¹²². Среди народов, живущих охотой

¹⁰¹ Paasonen H. H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. Bd. 1–4. S. 752.

¹⁰² Эрзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова [и др.]. С. 269.

¹⁰³ ф.-в. – финно-волжские языки.

¹⁰⁴ Вершинин В. И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Т. 1–5. С. 150; Itkonen E. Suomen sanojen alkuperä. Bd. 1. S. 335; Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–3. S. 655.

¹⁰⁵ Foks-Fuchs D. Syrjäisches Wörterbuch. Vol. 1–2. S. 234.

¹⁰⁶ Paasonen H. H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. Bd. 1–4. S. 1417; 2174.

¹⁰⁷ Там же. С. 2094.

¹⁰⁸ Русско-эрзянский словарь / Сост. О. Г. Борисова [и др.]; отв. ред. М. В. Мосин. С. 116; Русско-эрзянский словарь / под ред. М. Н. Коляденкова и Н. Ф. Цыганова. С. 78.

¹⁰⁹ саам. – саамский язык.

¹¹⁰ мд. – мордовские языки.

¹¹¹ манс. – мансийский язык.

¹¹² Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–3. S. 476.

¹¹³ Fokos-Fuchs D. Syrjäisches Wörterbuch. Vol. 1–2. S. 947.

¹¹⁴ Munkácsi B. Kálmán Béla Wogulisches Wörterbuch. S. 523b.

¹¹⁵ венг. – венгерский язык.

¹¹⁶ Itkonen E. Suomen sanojen alkuperä. Vol. 3. S. 216; Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–3. S. 476; Вершинин В. И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Т. 1–5. С. 424; Цыганкин Д. В., Мосин М. В. Этимологический словарь. С. 176.

¹¹⁷ Paasonen H. H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. Bd. 1–4. S. 2089.

¹¹⁸ Там же. С. 24; 61.

¹¹⁹ Русско-эрзянский словарь / Сост. О. Г. Борисова [и др.]; отв. ред. М. В. Мосин. С. 116; 228; Эрзянско-русский словарь / под ред. Д. В. Бубриха. С. 233; Русско-эрзянский словарь / под ред. М. Н. Коляденкова и Н. Ф. Цыганова. С. 158; Эрзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова [и др.]. С. 695.

¹²⁰ Мокшанско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова [и др.]. С. 783.

¹²¹ ф.-п. – финно-пермские языки.

¹²² Вершинин В. И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Т. 1–5. С. 462; Bereczki G., Agyagási K., Winkler E. Etymologisches Wörterbuch des Tscheremissischen (Mari): Der einheimische Wortschatz. Bd. 86. S. 297; Keresztes L. Geschichte des mordwinischen Konsonantismus II. Etymologisches Belegmaterial. Szeged S. 176; Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–3. S. 343.

и рыболовством, нередок перенос значения ‘шкура > шкура животного (чаще всего белка), служащая платежным средством > деньги’. Финно-угорские параллели: манс. *šot lëin* ‘рубль’ (дословно ‘сто белок’) ¹²³; хант. *sot taŋɜ3* ‘рубль’ (=сто белок) ¹²⁴; удм. *šizim koñi* ‘две копейки’ (=семь белок), *das koñi* ‘три копейки’ (=десять белок), *das ñil koñi* ‘четыре копейки’ (=четырнадцать белок) ¹²⁵; коми-зыр. *куим ур* ‘копейка’ (=три белки), *вум ур* ‘полторы копейки’ (=пять белок), *сизим ур* ‘две копейки’ (=семь белок) ¹²⁶; мар. *кокыр* ‘полкопейки, грош’ (=две белки); *кумыр* ‘копейка’ (=три белки) ¹²⁷. Первоначальное значение фин. *raha* ‘деньги’ – ‘белычья (шкура)’. Это германское заимствование в балто-финских языках, ср. *skrahā > др.-норв. ¹²⁸ *skrá* ‘сушенная шкура’, исл. ¹²⁹ *skrá* ‘кусочек шкуры’. Из финского языка слово попало в саамский с изначальным значением: юж.-саам. *rähhaa* ‘шкура волка или медведя’, швед.-саам. *raha* ‘дорогая шкура’ ¹³⁰. Название бывшей официальной валюты Хорватии, куны, происходит от слова *куна* ‘куница’ (ср. укр. ¹³¹ *куна*, серб.-хорв., словен., чешск., словацк., польск. *kuna*). Во времена существования Римской империи на территории Паннонии дань собирали считавшимися ценными шкурками куницы (лат. *martus* ‘куница’ > *marturina* ‘дань шкурками куницы’), этот обычай сохранился и в средневековье на территории Хорватии. Дань сначала платили шкурками куниц, затем деньгами. Таким образом, слово «куница» переносится и на название денег. В Хорватии в период между 1255 и 1384 гг. ввели в денежный оборот украшенные куницей монеты ¹³². *Куна* была также старой русской серебряной монетой уже во времена Киевской Руси, находилась в обороте в X–XI вв. Ее стоимость в то время соответствовала 1/25 *гривны*, в дальнейшем эта цифра изменилось на 1/50. После появления *денги* и вследствие чеканки новых видов денег она исчезла из русской денежной системы. Древнерусская *куна* упоминается в «Повести временных лет» в значении ‘деньги, 1/22 гривны’ ¹³³. Кыргызская и узбекская разменная монета *тийин* (*tijin*) также значит ‘белка’. Сюда может быть отнесена также и использовавшаяся в X–XII столетиях русская денежная единица малой ценности, составляющая сотую часть гривны, *веверица*, ср. рус. *веверица* ‘белка’ ¹³⁴.

э́ра – м. ‘деньги (тайное слово) / Geld (Geheimw.)’ ¹³⁵. Сегодня существует лишь его форма с суффиксом прилагательного: э. *šurav* ‘богатый, состоятельный / reich, wohlhabend’ ¹³⁶, *сюнав* ‘богатый, обильный’ ¹³⁷, м. *э́рав* ‘денежный, имеющий много денег / reich an Geld, viel Geld habend’. Слово неизвестного происхождения. В. И. Вершинин ¹³⁸

¹²³ Munkácsi B. Kálmán Béla Wogulisches Wörterbuch. S. 256a.

¹²⁴ Karjalainen K. F. Ostjakisches Wörterbuch / Bearbeitet und herausgegeben von Y. H. Toivonen. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1948. Bd. 1–2. S. 1067a.

¹²⁵ Munkácsi B. A votják nyelv szótára. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1896. S. 185.

¹²⁶ Лыткин В. И., Тимушев Д. А., Колегова Н. А. Коми-русский словарь. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. С. 724.

¹²⁷ Васильев В. М., Саваткова А. А., Учаев З. В. Марийско-русский словарь. Йошкар-Ола : Марийское кн. изд-во, 1991. С. 121; 143; Словарь марийского языка / гл. ред. И. С. Галкин. Йошкар-Ола : Марийское кн. изд-во, 1990–2005. Т. 2. С. 385; Словарь марийского языка / гл. ред. И. С. Галкин. Т. 3. С. 128.

¹²⁸ др.-норв. – древне-норвежский язык.

¹²⁹ исл. – исландский язык.

¹³⁰ Itkonen E. Suomen sanojen alkuperä. Vol. 3. S. 216; Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–3. S. 37.

¹³¹ укр. – украинский язык.

¹³² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. С. 218; Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. С. 454; Berlin H. M. World Monetary Units: An Historical Dictionary, Country by Country. S. 44; 183; 221; Klütz K. Münznamen und ihre Herkunft. Grundriß einer etymologischen Ordnung der Münznamen. S. 142.

¹³³ Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. S. 693.

¹³⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. С. 174; 175; Berlin H. M. World Monetary Units: An Historical Dictionary, Country by Country. S. 86; 90; 168; 189; Klütz K. Münznamen und ihre Herkunft. Grundriß einer etymologischen Ordnung der Münznamen. S. 273; 284; Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 3. S. 176.

¹³⁵ Paasonen H. H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. Bd. 1–4. S. 169; 2198.

¹³⁶ Там же. С. 169; 2198.

¹³⁷ Эрзянско-русский словарь / под ред. Д. В. Бубриха. С. 206; Эрзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова [и др.]. С. 637.

¹³⁸ Вершинин В. И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Т. 1–5. С. 423.

связывает это слово с корнями удм. *чуп-* (*чупрес* ‘бодрый, подвижный’), *зуб-* (*зубыр* ‘дружно, бойко’), а также с мар. *шан*, *тән* ‘быстрый; обильный, хорошо растущий; богатый (рыбой, урожаем)’, но это неприемлемо ни фонетически, ни семантически (последнее марийский словарь определяет его как слово тюркского происхождения)¹³⁹.

чано – э. *čano*, м. *šarǎ* ‘зарубка; разрез; зазубрина; 30 копеек (тайное слово) / Kerbe; Einschnitt; Scharte; 30 Kopeken (Geheimw.)’¹⁴⁰. Данные об этом слове в значении ‘деньги’, собранные в с. Новое Суркино в окрестностях Самары, приводит только Х. Паасонен. В других словарях это значение не встречается, ср. э. *чано* ‘зарубка; полоса, полоска; кайма’¹⁴¹, ‘зарубка’¹⁴², м. *шана* ‘зарубка’¹⁴³. Х. Паасонен считает его словом тюркского происхождения, ср. кирг. *šar* ‘рубить’¹⁴⁴. Этимологический словарь уральских языков¹⁴⁵ определяет его как элемент финно-пермского периода: ф.-п. **šapp3-* ‘нарезывать, сделать надрез’ > саам. *šáppá*, мд. *šaro-*, удм. *šir*, коми-зыр. *šir*. Мотивация наименования денежной единицы может совпадать с мотивацией наименования *рубля* – ‘отрезанный кусок серебрянного бруска определенного веса’.

шаки – м. *šakš* ‘горшок; рубль / (irdener) Topf, Kochtopf; Rubel’¹⁴⁶. Х. Паасонен приводит данные об этой лексической единице в значении ‘деньги’, собранные в дер. Чембар Пензенской губернии, на мокшанской языковой территории. Ср. м. *шаки* ‘горшок’¹⁴⁷, э. *чаки*, *шаки* ‘горшок’¹⁴⁸. Слово может восходить к ф.-в. *šakše ‘корабль’; ср. фин. *haaksi*¹⁴⁹. Мотивация наименования не ясна.

Заключение

Названия денежных единиц – одни из наиболее легко заимствуемых элементов словарного состава, многие из них являются странствующей лексикой. На протяжении веков посредством торговых связей деньги, а вместе с ними и их наименования, попадали в разные концы света. Среднее Поволжье долгое время находилось под господством тюркских народов, а в XVI в. стало частью под Российской империи. Эти исторические события и перемещения народов естественным образом наложили свой отпечаток и на язык: мордовский, как и другие языки региона, испытал на себе тюркское и русское влияние.

Из ранних тюркских наименований денежных единиц на сегодняшний день уже исчезли из обихода *тенге*, *ярмак*, *грош*, *монета*, *решёт*, *трёшник*, *челковой*, а из официальных названий остались лишь *рубль* и *копейка*. Особого внимания заслуживает эрзянская денежная единица *ур*, первоначальное значение которой ‘белка’. Поскольку беличьи шкурки использовались в качестве оплаты до появления настоящих денег, со временем слово приобрело значение ‘денег, деньги’. Аналогичный процесс протекал и в других финно-угорских языках России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Спасский И.Г. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. Л., 1962. 222 с. URL: <https://sheba.spb.ru/za/rus-moneta-1962.htm> (дата обращения: 06.08.2024).

¹³⁹ Moisio A. Saarinen Sirkka Tscheremissisches Wörterbuch. S. 663.

¹⁴⁰ Paasonen H. H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. Bd. 1–4. S. 212.

¹⁴¹ Эрзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова [и др.]. С. 739.

¹⁴² Эрзянско-русский словарь / под ред. Д. В. Бубриха. С. 245.

¹⁴³ Мокшанско-русский словарь / сост. С. Г. Потапкин и А. К. Имярек; под ред. Д. В. Бубриха. С. 302; Мокшанско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова [и др.]. С. 853.

¹⁴⁴ Paasonen H. H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. Bd. 1–4. S. 212.

¹⁴⁵ Itkonen E. Suomen sanojen alkuperä. Vol. 3. S. 216; Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–3. S. 618.

¹⁴⁶ Paasonen H. H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. Bd. 1–4. S. 201; 2212.

¹⁴⁷ Мокшанско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова [и др.]. С. 849.

¹⁴⁸ Эрзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова [и др.]. С. 737; 760.

¹⁴⁹ Вершинин В. И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Т. 1–5. С. 485; Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–3. S. 781.

- Spassky I.G. [The Russian Monetary System. Historical and Numismatic Essay]. Leningrad; 1962. Available at: <https://sheba.spb.ru/za/rus-moneta-1962.htm> (accessed 06.08.2024). (In Russ.)
2. Янин В. Л. Денежно-весовые системы домоногольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М. : Языки славянских культур, 2009. 416 с.
Yanin V.L. [Monetary and Weight Systems of Pre-Mongol Russia and Essays on the History of the Monetary System of Medieval Novgorod]. Moscow: Languages of Slavic Cultures; 2009. (In Russ.)
  3. Maticsák S. A mókusbörtől az euróig. Pénznevek etimológiai szótára. Budapest: Tinta Könyvkiadó; 2018. (In Hung.)
  4. Maticsák S. A mókusbörtől a rubelig. A pénzfajták megnevezése a mordvinban. *Folia Uralica Debreceniensia*. 2016;23:187–209. (In Hung.) Available at: https://finnugor.arts.unideb.hu/fud/fud23/11_maticsak_sandor.pdf (accessed 17.08.2024).
  5. Maticsák S. A finnugor pénznevek nyomában: volgai, permi és obi-ugor pénznevek. In: A nyelvtörténeti kutatások eredményei 12. Szeged; 2024. S. 147–162. (In Hung.) Available at: <https://ebook.ek.szte.hu/index.php/btk-magyar nyelvirodalmi-intezet/catalog/book/345> (accessed 17.08.2024).
  6. Paasonen H. Die türkischen lehnwörter im mordwinischen. *Journal Société Finno-Ougrienne*. 1897;10(2). (In Finn.)

Информация об авторе:

Матичак Шандор, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой финно-угорского языкознания Дебреценского университета (4025, Венгрия, г. Дебрецен, Университетская площадь, д. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9313-1162>, Scopus ID: 56807207300, maticsak.sandor@arts.unideb.hu

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 24.09.2024; одобрена после рецензирования 09.12.2024; принята к публикации 17.12.2024.

Information about the author:

Sándor Maticsák, Ph.D. (Philol.), Professor, Head of the Department of Finno-Ugric Linguistics, University of Debrecen (1 University Square, Debrecen 4025, Hungary), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9313-1162>, Scopus ID: 56807207300, maticsak.sandor@arts.unideb.hu

Author has read and approved the final manuscript.

Submitted 24.09.2024; revised 09.12.2024; accepted 17.12.2024.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.021-034>

EDN: <https://elibrary.ru/wskmuf>

УДК / UDC 81'443:811.511.152.2

Оригинальная статья / Original article

Морфонологические особенности в парадигме основного склонения в сузгарьевском типе мокшанских говоров рузаевского ареала

Г. С. Иванова¹ ✉, Л. П. Водясова², Н. В. Иванова³

¹ МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Российская Федерация

² Мордовский государственный педагогический университет
им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Российская Федерация

³ Морская техническая академия имени адмирала Д. Н. Сенявина,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ galina17-05@yandex.ru

Аннотация

Введение. Мокшанские говоры Рузаевского района Республики Мордовия уникальны в своем составе, поскольку на небольшом расстоянии друг от друга соседствуют говоры всех трех типов: ёкающие, экающие и икающие. До настоящего времени говоры рузаевского ареала изучались недостаточно глубоко, а работы, посвященные морфонологическим особенностям в парадигме именного словоизменения, отсутствуют вообще. Цель исследования – изучить парадигму основного склонения мокшанских говоров сузгарьевского типа и выявить их морфонологические особенности.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили образцы диалектной речи, собранные авторами во время научных экспедиций на территории Рузаевского района Республики Мордовия, а также данные, содержащиеся в словарном кабинете кафедры мордовских языков филологического факультета МГУ им. Н. П. Огарёва. Анализ диалектного материала проводился с применением синхронно-описательного, сравнительно-исторического, а также структурного методов исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ имеющегося диалектного материала показал, что сузгарьевский тип говоров является экающим. Он менее архаичен по сравнению с ёкающими левжинскими говорами. В исследуемых говорах в парадигме основного склонения под действием определенных фонетических процессов при агглютинации реляционных аффиксов исходные основы существительного ведут себя по-разному: в одних случаях встречается сохранение основы, в других – удлинение или сокращение, может наблюдаться восстановление исторической основы, закономерное оглушение конечной звонкой согласной основы, сохранение гласной основы в одних фонетических позициях, ее сужение до гласного среднего подъема – в других, передвижка артикуляции конечной гласной к заднему ряду.

Заключение. Авторами впервые в мордовском языкознании рассматриваются морфонологические особенности говоров данного ареала. Исследование особенностей сузгарьевских говоров в парадигме основного склонения позволит выявить отличительные признаки рассматриваемого типа говоров в области именного словоизменения и в некоторой степени определить становление диалектной системы рузаевского ареала. Статья вносит вклад в изучение диалектной морфонологии мокшанского языка и обогащает общую теорию данного языкового явления.

Ключевые слова: мокшанский язык, говор, парадигма склонения, морфонологические особенности, основа, аффикс, ассимилятивные процессы

© Иванова Г. С., Водясова Л. П., Иванова Н. В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Финансирование: публикация подготовлена в рамках реализации гранта РФФИ № 25-28-00193 «Цифровое описание мокшанских говоров Рузаевского района Республики Мордовия».

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Иванова Г.С., Водясова Л.П., Иванова Н.В. Морфологические особенности в парадигме основного склонения в сузгарьевском типе мокшанских говоров рузаевского ареала. *Финно-угорский мир*. 2025;17(1):21–34. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.021-034>

Morphological Features in the Paradigm of the Main Declension in the Suzgar Type of Moksha Dialects in the Ruzaevsky Area

G. S. Ivanova^a✉, L. P. Vodyasova^b, N. V. Ivanova^c

^a National Research Mordovia State University, Saransk, Russian Federation

^b Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseev, Saransk, Russian Federation

^c Admiral Senyavin Maritime Technical Academy, St. Petersburg, Russian Federation

✉ galina17-05@yandex.ru

Abstract

Introduction. The Moksha dialects of the Ruzaevsky district in the Republic of Mordovia are unique in their composition, as they encompass all three types of dialects – äkaing, ekaing, and ikaing – within a relatively small geographical area. To date, the dialects of the Ruzaevsky region have not been studied in depth, and there is a notable absence of research focused on morphological features in the paradigm of nominal declension. The aim of this study is to examine the paradigm of the primary declension in the Moksha dialects of the Suzgariy type and identify their morphological characteristics.

Materials and Methods. The study was based on dialectal speech samples collected by the authors during field expeditions to the Ruzaevsky district of the Republic of Mordovia, as well as data from the dictionary collection of the Department of Mordvin Languages at the Philological Faculty of National Research Mordovia State University. The dialectal material was analyzed using a combination of synchronic-descriptive, comparative-historical, and structural research methods.

Results and Discussion. The analysis of the available dialectal material has shown that the Suzgar type of speech is an “eka” dialect. It is less archaic compared to the “äka” dialects of the Levzhin region. In the dialects under study, within the paradigm of the primary declension, under the influence of certain phonetic processes during the agglutination of relational affixes, the initial noun stems exhibit varied behavior: in some cases, the stem is preserved, in others, there is lengthening or shortening. Historical stems may be restored, there can be a systematic voicing of the final voiced consonant of the stem, the vowel of the stem is preserved in some phonetic positions, and in others, it is reduced to a mid-height vowel, with shifts in the articulation of the final vowel towards the back of the mouth.

Conclusion. For the first time in Mordovian linguistics, the authors explore the morphological features of the dialects from this region. The study of the features of the Suzgar dialects within the paradigm of the primary declension will reveal the distinguishing characteristics of this dialect type in the area of nominal inflection and, to some extent, contribute to the understanding of the development of the dialectal system of the Ruzaevsky region. This article contributes to the study of the dialectal morphonology of the Moksha language and enriches the general theory of this linguistic phenomenon.

Keywords: Moksha language, dialect, declension paradigm, morphological features, base, affix, assimilative processes

Funding: The publication was prepared within the framework of the implementation of the RSF grant № 25-28-00193 “Digital description of Moksha dialects of the Ruzaevsky district of the Republic of Mordovia”.

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Ivanova G.S., Vodyasova L.P., Ivanova N.V. Morphological Features in the Paradigm of the Main Declension in the Suzgar Type of Moksha Dialects in the Ruzaevsky Area. *Finn-Ugric World*. 2025;17(1):21–34. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.021-034>

Введение

Изучение диалектов мордовских языков и диалектных особенностей непосредственно мокшанского языка было начато в конце XIX – начале XX в. зарубежными исследователями (А. Алквист, Х. Паасонен, П. Равила, В. Штйниц, Э. Итконен и др.¹). Развивали изучение отечественные лингвисты (Д. В. Бубрих, А. А. Шахматов, Б. А. Серебренников, А. П. Феоктистов²) и молодые ученые³ отдела языкознания Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров МАССР. В первой четверти XXI в. были представлены комплексные работы Г. С. Ивановой, М. З. Левиной, Н. Ф. Кукушкиной, И. Я. Жебрatкиной, Н. В. Ивановой по результатам изучения мокшанских диалектов⁴.

А. П. Феоктистов в работе «Мордовские диалекты», представляя диалектную классификацию мокшанского языка, говоры Рузаевского района Мордовской АССР (в частности сс. Левжа (*l'evži*), Перхляй (*pəR'l'ej*), Сузгарье (*suzg'er'g'e*), Трускляй (*turksl'ej*), Пушкино (*puškina*) и др.) отнес к краснослободско-синдровско-шайговско-левжинской подгруппе говоров центрального диалекта, учитывая в том числе и территориальный принцип разграничения. Автор указывает: «Рассматриваемая подгруппа (как, впрочем, и темниковско-аторьевская и рыбкинско-мамолаевская) исторически стала ядром формирования мокшанского письменно-литературного языка...»⁵. Однако при более детальном изучении диалектных особенностей мокшанских говоров рузаевского ареала выявляется их относительная неоднородность как на фонетическом, так и морфологическом уровне [1].

Анализ собранного авторами диалектного материала показал, что сузгарьевские говоры рузаевского ареала представляют собой экающий тип говоров мокшанского языка и территориально находятся в разноязычном окружении: наряду с другими говорами центрального диалекта, с юга соседствуют с икающими говорами инсарского диалекта и Пензенской области, с востока – с эрзянскими говорами Кочкуровского района, с севера и запада – с русскими говорами.

¹ Ahlqvist A. Versuch einer Mokscha-Mordwinischen Grammatik. St. Petersburg : Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1861. 214 s.; Paasonen H. Mordwinische Lautlehre. Akademische Abhandlung. Helsingfors, 1893; Paasonen H. Mordwinische Lautlehre. MSFOu XXII. Helsingfors : Société Finno-Ougrienne, 1903. 123 p.; Paasonen H. Mordwinische Volksdichtung. Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 1938–1981; Ravila P. Ein Beitrag zur Geschichte der Vokalharmonie im Mordwinischen // Nyelvtudományi közlemények: L. Budapest : Magyar Tudományos Akadémia Nyelvtudományi Intézetének, 1936. Köt. 50. P. 381–385; Steinitz W. Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus. Series B, Linguistica 2. Stockholm : Acta Instituti Hungarici Universitatis Hominensis, 1944. 144 p.; Itkonen E. Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen // Finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki, 1946. Bd. XXIX, heft 1–3. P. 222–337.

² Бубрих Д. В. Инструкция и программа по собиранию материала для диалектологического атласа мордовских (эрзя и мокша) языков. Саранск : Мордгиз, 1935. 46 с.; Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1953. 270 с.; Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1910. 848 с.; Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. М. : Наука, 1967. 262 с.; Феоктистов А. П. Мордовские языки и их диалекты // Вопросы этнической истории мордовского народа. М. : Изд-во Акад. Наук СССР, 1960. Т. LXIII. Вып. 1. С. 63–83.

³ Деваев С. З. Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1963. Т. 2. С. 261–433; Бабушкина Р. В. Темяшевский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1966. Т. 4. С. 16–226; Липатов С. И. Рыбкинско-мамолаевские говоры мокша-мордовского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1972. 24 с.; Чудаева О. И. Старо-пшневский говор мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1963. Т. 3. С. 27–49.

⁴ Иванова Г. С. Система гласных в диалектах мокшанского языка в историческом освещении. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2006. 176 с.; Левина М. З. Мокшень диалектологиясь. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2014. 176 с.; Кукушкина Н. Ф. Фонетика мокшанских диалектов (в лингвогеографическом аспекте) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2012. 21 с.; Жебрatкина И. Я. Глушковско-алёксовские говоры в системе мокшанских диалектов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2013. 19 с.; Иванова Н. В. Переходный диалект мокшанского языка (фонетика, словоизменение) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2022. 25 с.

⁵ Feoktistov A. P. Dialects of Mordovian languages // H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki : Suomalais-ugrilainen seura, 1990. Bd. 1. P. 78.

Принятое ученым сообществом понятие «морфонология» неоднозначно⁶, в научное обращение его впервые ввел Н. С. Трубецкой⁷. В современном отечественном языкознании морфонология представляет собой самостоятельный ярус, занимающий промежуточное положение между фонологией и морфологией.

Отметим, что до настоящего времени вопросы морфонологии, имеющие место в мокшанском диалектном ареале, равно как и в мокшанских говорах Рузаевского района, в качестве предмета специального исследования не рассматривались, чем и объясняется актуальность данной работы. Основная задача статьи заключается в выявлении морфонологических особенностей в рассматриваемых говорах при агглютинации словоизменительных аффиксов, что в свою очередь предполагает определение фонетических процессов, действующих на морфемном шве при взаимной адаптации фонем, относящихся к разным морфемам, а также их влияния на варьирование основ имени существительного в разных падежных формах. В качестве сопоставительного материала использовались диалектные данные левжинского типа мокшанских говоров и эрзянского языка.

Цель исследования – описать морфонологические особенности парадигмы основного склонения в мокшанских говорах сузгарьевского типа.

Обзор литературы

Из основных мордовских языков проблемы морфонологии лучше освещены в отношении эрзянского языка. Так, в работах Д. В. Цыганкина дается описание морфонологических явлений в области именного и глагольного словоизменения, а также морфонологии форм категории определенности [2], находящихся различные параллели в диалектном ареале⁸. Термин «морфонология» был впервые использован автором применительно к анализу словоизменительной именной парадигмы. М. Д. Имайкина выявляет фузийные процессы, возникающие на стыке основы слова и падежных суффиксов⁹, большинство из которых также находит отражение в системе категории посессивности в смешанных эрзя-мокшанских говорах Кочкуровского района Республики Мордовия, описанных эрзянскими диалектологами И. Н. Рябовым, Н. А. Агафоновой, Г. В. Рябовой [3]. Авторы сравнивают морфологические маркеры принадлежности и их функционирование в падежных парадигмах говоров. Морфонологические чередования гласных и согласных достаточно последовательно представлены в труде Г. И. Ермушкина «Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (эрзя-мордовский язык)», где отдельно дается описание изоглоссных явлений в корневых и суффиксальных морфемах¹⁰.

Впервые на чередование основ в эрзянском языке обратил внимание Д. В. Бубрих. В процессе рассмотрения парадигмы основного склонения он приходит к выводу о разных морфонологических видах одного и того же слова¹¹.

Объемное исследование морфонологии форм имени существительного в n^2 -овых говорах эрзянского языка представлено в диссертации А. М. Харитоновой, где подверглись анализу морфонологические процессы, происходящие в словоизменительных парадигмах имен существительных в пяти диалектных кустах, сохранивших финно-угорский согласный n^2 , объединенных общими фонематическими и морфологическими особенностями. В частности, среди морфонологических явлений выделяются: «чередование

⁶ Реформатский А. А. Еще раз о статусе морфонологии, ее границах и задачах // Фонологические этюды. М. : Наука, 1975. С. 98.

⁷ Трубецкой Н. С. Некоторые соображения относительно морфонологии // Пражский лингвистический кружок. М. : Прогресс, 1967. С. 115.

⁸ Цыганкин Д. В. Морфонологические особенности диалектного словоизменения (основное склонение) // Вопросы морфонологии эрзянских и мокшанских диалектов (словоизменение и словообразование). Саранск, 1977. С. 60–75; Цыганкин Д. В. Мордовские языки глазами ученого-лингвиста. Саранск : Красный Октябрь, 2000. 316 с.

⁹ Имайкина М. Д. Неень шкань эрзянь келесь. Фонетика. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2008. 326 с.

¹⁰ Ермушкин Г. И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (эрзя-мордовский язык). М. : Наука, 1984. 140 с.

¹¹ Цит. по: Ермушкин Г. И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (эрзя-мордовский язык). М. : Наука, 1984. 140 с.

звуков основы, усечение словоизменительной основы, наложение сочетающихся морфем, интерфиксация, наращение словоизменительной основы, морфонологические процессы в аффиксальных морфах, мотивированные сочетания согласных. Все эти явления приводят к взаимоприспособлению соединяющихся морфем»¹².

Вопросы морфонологии именного словоизменения в диалектах мокшанского языка вообще и в говорах рузаевского ареала в частности до сих пор оставались вне поля зрения ученых, однако в ряде работ по мокшанскому языку в связи с исследованием отдельных проблем фонетики и морфологии нашли отражение и собственно морфонологические модификации в словоформах. Так, морфонология именного суффиксального словообразования в мокшанском языке рассматривается в отдельной главе диссертационного исследования Л. И. Кокнаевой¹³. Автором представлены словообразующие суффиксы для каждой именной части речи и выявлены фонетические изменения, возникающие при их агглютинации. Морфонология мокшанского глагольного словообразования также находит отражение в работах С. И. Моськиной¹⁴, в которых дается морфонологическое описание производных глагольных структур в мокшанском и эрзянском языках и представлены звуковые изменения на морфемном шве. Развитие прафинно-угорской основы в мокшанских диалектах под влиянием разного рода фонетических процессов, приведших к образованию консонантных комплексов на стыке корневой и суффиксальной морфемы, рассматривается в исследованиях Г. С. Ивановой [4], М. В. Мосина, Н. М. Мосиной [5], взгляды авторов совпадают относительно того, что стечения согласных на морфемном стыке – явление инновационное, напрямую связанное с выпадением исторического гласного производящей основы.

В современном финно-угроведении в связи с большим количеством накопленного диалектного материала по финно-угорским языкам и развитием компьютерных технологий исследование диалектов перешло на новый уровень, где, наряду с традиционными [6–9], большое внимание уделяется изоглоссным и диалектометрическим методам [10–12], позволяющим привести многоуровневые диалектные классификации любого языка с возможностью цифровизации данных [13; 14]. Современный подход к исследованию мокшанских диалектов представлен в монографической работе московских диалектологов¹⁵, в которой на материале темниковских говоров охватывается широкий спектр грамматических явлений – от морфонологии именного и глагольного формообразования до вариативного маркирования прямого дополнения и синтаксических особенностей полипредикативных конструкций. Анализ глушковско-алексовских говоров мокшанского языка показал, что они обладают уникальным словоизменительным потенциалом, позволяющим отделить их от других говоров и детерминировать как отдельную группу в системе мокшанских диалектов [15]. Авторы, исследующие архаичные и инновационные явления в падежных парадигмах эрзянских диалектов, приходят к выводу: в парадигмах определенного склонения единственного числа существуют разные наборы падежей и отсутствует единая структура словоформ. Одни парадигмы архаичны, последовательны и логичны, в составе других развились новообразования, появились омонимичные падежные суффиксы и послеложные конструкции [16].

Материалы и методы

В исследовании авторами использовался диалектный материал, собранный во время диалектологических экспедиций и специальных выездов в с. Сузгарье, Палаевка, Левжа, Куликовка Рузаевского района Республики Мордовия в период с 2018 по 2024 г., а также бо-

¹² Харитоновна А. М. Морфология форм имени существительного (н^г-овые говоры эрзянского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1998. С. 14.

¹³ Кокнаева Л. И. Именное словообразование в мокшанском языке (морфонологический способ образования) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1995. 20 с.

¹⁴ Моськина С. И. Сравнительное словообразование и морфонологические описания производных глагольных структур в мокшанском и эрзянском языках. Саранск, 2008. 114 с.; Моськина С. И. Морфонология мокшанского глагольного словообразования. Саранск, 2006. 100 с.

¹⁵ Элементы мокшанского языка в типологическом освещении / под ред. С. Ю. Толдова (отв. ред.), [и др.]. М. : Буки Веди, 2018. 1014 с.

гатый диалектный материал словарного кабинета (МСК) кафедры мордовских языков, собиравшийся в течение нескольких десятилетий во время диалектологических практик. В процессе работы с информантами для сбора диалектных данных был применен вопросник В. Д. Объедкина (1960 г.)¹⁶, а также инструкция по собиранию диалектологического материала Д. В. Бубриха (1935 г.)¹⁷.

Анализ диалектного материала проводился с применением синхронно-описательного, сравнительно-исторического и структурного методов исследования. В качестве информантов были привлечены М. Н. Миронова, 1974 г. р.; Н. Н. Амбаева, 1976 г. р.; А. М. Дивеева, 1965 г. р.; Л. П. Канаева, 1966 г. р.; Г. П. Макаров, 1959 г. р.

Результаты исследования и их обсуждение

В основном склонении мокшанских говоров сузгарьевского типа, как и в мокшанском литературном языке, 13 падежей. Оно отличается от указательного и притяжательного склонений (в которых 3 и 10 падежей соответственно) отсутствием формантов определенности и посессивности, в связи с этим падежные аффиксы присоединяются непосредственно к основе слова. В мокшанском языке, особенно в отдельных его диалектах, падежные форманты в парадигме основного склонения употребляются в нескольких вариантах.

Агглютинация того или иного алломорфа зависит от качества конечного гласного или согласного корневой морфемы исходного слова, а далее на морфемном шве, в результате позиционной мены, под воздействием разного рода ассимилятивных процессов между соседствующими фонетическими единицами в большинстве случаев наблюдается трансформация первичной основы существительного. Следует отметить, что основы слов в мокшанском языке не однотипны. В академической «Грамматике мордовских языков» (1980 г.) все существительные в системе основного склонения подразделяются на два типа: «с основой на конечный гласный (гласная основа) и с основой на конечный согласный (согласная основа)»¹⁸.

В свою очередь, гласные основы существительного в сузгарьевском типе говоров можно разделить на *аовые* и *неаовые* и, в отличие от большинства говоров мокшанского языка, где имеются две аовые основы, на: 1) основы, оканчивающиеся на гласную заднего ряда нижнего подъема *a*; 2) основы, оканчивающиеся на гласную переднего ряда нижнего подъема *ä* (в сузгарьевских говорах имеет место только первая). Неаовых основ в рассматриваемом типе говоров больше, чем в остальных говорах данного ареала, и они могут оканчиваться на гласные *e*, *u*, *i*, *ë* [ə], *ä* [ə].

В парадигме основного склонения перед падежными формантами гласные основы имени существительного ведут себя неодинаково.

Гласный *a* – самый устойчивый к изменениям общемордовский гласный. Основы на *a* одинаково хорошо сохранились в обоих мордовских языках, среди которых есть слова как исконного происхождения, так и давние заимствования, например: *jalga* ‘друг’ < об. мд. ¹⁹ *jalga; *unža* ‘жук, букашка’ < об. мд. *unža; *varma* ‘ветер’ < об. мд. *varma; *lopa* ‘лист’ < об. мд. *lopa; *surna* ‘морда’ < об. мд. *surna; *ava* ‘женщина’ < об. мд. *ava.

В рассматриваемых говорах аовая основа прослеживается во всех падежных формах основного склонения: ном. *jalga*, ген. *jalga-n'*, дат. *jalga-n'd'i*, абл. *jalga-dä*, инес. *jalga-sä*, эл. *jalga-stä*, илл. *jalga-s*, лат. *jalga-v*, прол. *jalga-va*, транс. *jalga-ks*, комп. *jalga-ška*, абес. *jalga-ftämä*, кауз. *jalga-ŋksä*.

После аовой основы (а также звонкого согласного исходной основы, за исключением взрывных *d*, *d'*, *b*, *g*), в аблативе основного склонения на морфемном шве историче-

¹⁶ Объедкин В. Д. Вопросник для собирания сведений по диалектам мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1960. 106 с.

¹⁷ Бубрих Д. В. Инструкция и программа по собиранию материала для диалектологического атласа мордовских (эрзя и мокша) языков. Саранск: Мордгиз, 1935. 46 с.

¹⁸ Грамматика мордовских языков / под ред. Д. В. Цыганкина. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1980. С. 153.

¹⁹ об. мд. – общемордовский язык.

ский глухой согласный аффиксальной морфемы в межвокальном положении озвончился – $*t > d$, в связи с этим под действием закона сингармонизма к аовой основе из четырех алломорфов ($-d\check{a}$, $-d'\check{e}$, $-t\check{a}$, $-t'\check{e} < *ta$) присоединяется вариант со звонким согласным и редуцированным гласным заднего ряда – $-d\check{a}$: *surna-d\check{a}* ‘от морды’, *aka-d\check{a}* ‘от сестры’, *ava-d\check{a}* ‘от женщины’, *varma-d\check{a}* ‘от ветра’.

В пролативе к аовой основе из пяти алломорфов ($-va$, $-ga$, $-ka$, $-ge$, $-ke$), как и в других диалектах, присоединяется вариант со щелевым согласным и гласным заднего ряда $-va$: *paks'a-va* ‘по полю’, *pr'a-va* ‘по голове’, *o\check{z}a-va* ‘по рукаву’, *k\check{e}rga-va* ‘по шее’.

Основы на редуцированные гласные $\check{e}$, $\check{a}$ (в соседнем левжинском говоре им соответствуют гласные $\check{a}$, $\check{a}$) подразделяются на две группы:

1) редуцированному гласному конца основы предшествует одиночный согласный (за исключением взрывного k), сочетание двух сонорных или сочетание согласных со щелевым: (сзг.²⁰ *pil'\check{e}* ‘ухо’, лвж.²¹ *pil'\check{a}*; сзг. *vel'\check{e}* ‘село, деревня’, лвж. *vel'\check{a}*; сзг. *t'i\check{s}\check{e}* ‘трава, сено’, лвж. *t'i\check{s}\check{a}*; сзг. *s'el'm\check{e}* ‘глаз’, лвж. *s'el'm\check{a}*; сзг. *t'el'm\check{e}* ‘веник’, лвж. *t'\check{a}l'm\check{a}*; сзг. *kajm\check{e}* ‘лопата’, лвж. *kajm\check{a}*; сзг., лвж. *va\check{s}\check{a}* ‘жеребенок’; сзг., лвж. *s'ulm\check{a}* ‘узел’; сзг. *s'oks'\check{e}* ‘осень’, лвж. *s'oks'\check{a}*);

2) редуцированному гласному конца основы предшествует сочетание согласных, второй из которых – смычный взрывной (сзг. *pil'g\check{e}* ‘нога’, лвж. *pil'g\check{a}*; сзг. *\check{c}ivg\check{e}* ‘калина’, лвж. *\check{c}ivg'\check{a}*; сзг., лвж. *pand\check{a}* ‘гора’; сзг. *pan'd'\check{e}* ‘грядка’, лвж. *pan'd'\check{a}*; сзг., лвж. *\check{s}aLk\check{a}* ‘нос’).

В первой группе первичная основа на редуцированную гласную сохраняется во всей парадигме: ном. *s'ulm\check{a}*, ген. *s'ulm\check{a}-n'*, дат. *s'ulm\check{a}-n'd'i*, абл. *s'ulm\check{a}-d\check{a}*, инес. *s'ulm\check{a}-s\check{a}*, эл. *s'ulm\check{a}-st\check{a}*, илл. *s'ulm\check{a}-s*, лат. *s'ulm\check{a}-v*, прол. *s'ulm\check{a}-va*, транс. *s'ulm\check{a}-ks*, комп. *s'ulm\check{a}-\check{s}ka*, абес. *s'ulm\check{a}-ft\check{a}m\check{a}*, кауз. *s'ulm\check{a}-\eta ks\check{a}*.

Во второй группе слов редуцированная гласная проявляется следующим образом: в формах номинатива, генитива, датива, пролатива, транслатива, компаратива, каузатива перед сонорными согласными n' , n , η , звонким шумным v , глухим щелевым $\check{s}$ – сохраняется: а) *\check{c}ivg\check{e}*, ген. *\check{c}ivg\check{a}-n'*, дат. *\check{c}ivg\check{a}-n'd'i*, прол. *\check{c}ivg\check{a}-va*, транс. *\check{c}ivg\check{a}-ks*, комп. *\check{c}ivg\check{a}-\check{s}ka*, кауз. *\check{c}ivg\check{a}-\eta ks\check{a}*; в остальных формах перед взрывным согласным аффикса t , а также щелевыми s , s' , f – выпадает, образуя усеченную основу: б) абл. *\check{c}ivk-t\check{a}*, инес. *\check{c}ivk-s\check{a}*, эл. *\check{c}ivk-st\check{a}*, илл. *\check{c}ivk-s*, абес. *\check{c}ivk-ft\check{a}m\check{a}* (информанты: Амбаева, Миронова, Дивеева, Макаров).

В результате выпадения редуцированного гласного усеченная основа наблюдается и в номинативе множественного числа перед взрывными переднеязычными t , t' , которые впоследствии подвергли регрессивному оглушению конечный взрывной согласный усеченной основы: *\check{c}ivg\check{e} – \check{c}ivk-t*; *pil'g\check{e} – pil'k-t*, *pand\check{a} – pant-t*, *pan'd'\check{e} – pan't'-t'*.

В говоре имеется большая группа слов, основа которых оканчивается на гласную полного образования e , которой в левжинском типе говоров рузаевского ареала соответствует гласная $\check{a}$ (сзг. *al'e* ‘мужчина; отец’, лвж. *al'\check{a}*; сзг. *val'me* ‘окно’, лвж. *val'm\check{a}*; сзг. *\check{s}'\check{s}'et'e* ‘дед по матери’, лвж. *\check{s}'\check{s}'\check{a}t'\check{a}* и т. д.).

В синхронном плане конечная гласная исходной основы в одних фонетических позициях сохраняет свое качество, в других наблюдается чередование $e // a$ (в левжинском типе говоров – $\check{a} // a$).

Гласная e сохраняется перед палатализованным согласным аффиксальной морфемы в формах генитива и датива, в остальных падежных формах (аблативе, инессиве, элативе, илллативе, лативе, пролативе, транслативе, компаративе, абессиве, каузативе, в номинативе множественного числа) при позиционной мене в результате регрессивной контактной аккомодации перед твердым парным согласным чередуется с гласным заднего ряда a , как и в левжинских говорах, где аккомодация касается гласной переднего ряда нижнего

²⁰ сзг. – сузгарьевский тип говоров.

²¹ лвж. – левженский тип говоров.

подъема *ä*, сравним: а) ген. сзг. *val'me-n'*, лвж. *val'mü-n'*; сзг. *š's'et'e-n'*, лвж. *š's'ät'ü-n'*; дат. сзг. *val'me-n'd'i*, лвж. *val'mü-n'd'i*; сзг. *š's'et'e-n'd'i*, лвж. *š's'ät'ü-n'd'i*, но б) абл. сзг., лвж. *val'ma-dä*; сзг. *š's'et'a-dä*, лвж. *š's'ät'a-dä*; инес. сзг., лвж. *val'ma-sä*; сзг. *š's'et'a-sä*, лвж. *š's'ät'a-sä*; эл. сзг., лвж. *val'ma-stä*; сзг. *š's'et'a-stä*, лвж. *š's'ät'a-stä*; илл. сзг., лвж. *val'ma-s*; сзг. *š's'et'a-s*, лвж. *š's'ät'a-s*; лат. сзг., лвж. *val'ma-v*; прол. сзг., лвж. *val'ma-va*; сзг. *š's'et'a-va*, лвж. *š's'ät'a-va*; транс. сзг., лвж. *val'ma-ks*; сзг. *š's'et'a-ks*, лвж. *š's'ät'a-ks*; комп. сзг., лвж. *val'ma-ška*; сзг. *š's'et'a-ška*, лвж. *š's'ät'a-ška*; абес. сзг., лвж. *val'ma-ftämä*; сзг. *š's'et'a-ftämä*, лвж. *š's'ät'a-ftämä*; кауз. сзг., лвж. *val'ma-ŋksä*; сзг. *š's'et'a-ŋksä*, лвж. *š's'ät'a-ŋksä*; ном. сзг., лвж. *val'ma-t*; сзг. *š's'et'a-t*, лвж. *š's'ät'a-t* (информанты: Амбаева, Миронова, Дивеева, Канаева, Макаров).

Относительно древности гласной *e* авторы придерживаются мнения, что в говорах сузгарьевского типа она вторична и появилась в результате сужения обшемокшанской *ä* в слабой позиции, а позиция конца слова и положение между палатальными и палатализованными согласными таковыми и являются. Это косвенно подтверждается диалектными соответствиями в работе Х. Паасонена, где часть материала была собрана на территории икающего диалекта мокшанского языка, граничащего с сузгарьевскими говорами, где вместо *e* повсеместно выступает *ä* в таких лексических единицах, как *al'gä* 'старший брат', *al'ä* 'мужчина, мужик', *at'ä* 'дед', *t'äd'ä* 'мама'²² и др., тогда как в настоящее время в ареале распространения икающего диалекта во всех соответствующих позициях вместо *ä* употребляется *e*: *al'ge*, *al'e*, *at'e*, *t'ed'e* / *t'er'e* [1]. В то же время обшемордовское происхождение гласной *ä* в говорах левжинского типа также вызывает сомнение, так как в эрзянском языке мокшанской *ä* соответствует гласная заднего ряда *a*, архаичность которой подтверждается чередованием *ä* // *a* на морфемном шве в сильной позиции. Например: сзг. *kul'ë*, лвж. *kul'ä*, э.²³ *kul'a* «известие» // сзг., лвж., э. *kul'a-t* 'известия'; сзг. *kon'ë*, лвж. *kon'ä*, э. *kon'a* 'лоб' // сзг., лвж., э. *kon'a-t* 'лбы'; сзг. *pac'ë*, лвж. *pac'ä*, э. *pac'a* 'крыло' // сзг., лвж., э. *pac'a-t* 'крылья'.

Нашу точку зрения подтверждает также наличие существительных, пришедших из других языков, в конце которых, по закономерностям мокшанского языка, вместо оригинального *a* развился гласный *ä* – в левжинском типе говоров, *e* – в сузгарьевском типе говоров. Однако перед твердым согласным аффикса *a* проявляется в обоих типах говоров, а в эрзянском языке *a* сохраняет свое качество во всех формах, например: сзг. *kapl'ë*, лвж. *kapl'ä*, э. *kapl'a* 'капля' // сзг., лвж., э. *kapl'a-t* 'капли'; сзг. *van'ë*, лвж. *van'ä*, э. *van'a* 'Ваня' // сзг., лвж., э. *van'a-t* 'Вани'; сзг. *koz'ë*, лвж. *koz'ä*, э. *koz'a* 'богач' // сзг., лвж., э. *koz'a-t* 'богачи'; ср.: тат.²⁴ *хужа*, башк.²⁵ *хожа* 'хозяин, владелец', чув.²⁶ *хоса* (< перс.²⁷ *коджа*), а также в мр.²⁸ *оза*, *хоза*.

Основы на гласные *u*, *i* в рассматриваемых говорах являются усеченными, они взяли свое начало от обшемордовских дифтонгических сочетаний. Существительные с основой, оканчивающейся на *u*, составляют небольшую группу слов, конечный *u* в них восходит к сочетанию *uv: *karu* (< *karuv) 'муха', *kelu* (< *keluv) 'береза', *todu* (< *toduv) 'подушка', *kulu* (< *kuluv) 'зола', *kuc'u* (< **kuc'u*) 'ложка', *šudäžu* (< *šudäžuv) 'репей', *šukštäru* (< *šukštäruv) 'смородина'; большая по численности группа существительных с основой на гласный переднего ряда *i* восходит к сочетаниям *ij (*ij); ср.: *s'el'i* (< **s'el'ij*) 'осина', *mac'i* (< **mac'ij*) 'гусь', *ješ'i* (< **ješ'ij*) 'колодец', *il'i* (< **il'ij*) 'прут', *s'ed'i* (< **s'ed'ij*) 'сердце', *in'äz'i* (< **in'äz'ij*) 'малина', *suväz'i* (< **suväz'ij*) 'глухарь' и др., к ним присоединяются субстантивированные прилагательные и причастия настоящего времени типа

²² Paasonen H. Mordwinische Lautlehre. MSFOu XXII. P. 35; 37; 85.

²³ э. – эрзянский язык.

²⁴ тат. – татарский язык.

²⁵ башк. – башкирский язык.

²⁶ чув. – чувашский язык.

²⁷ перс. – персидский язык.

²⁸ мр. – марийский язык.

s'er'i (< **s'er'ij*) 'высокий', *keli* (< *kelij) 'широкий', *vanī (< *vanij) 'смотрящий', *mol'i* (< **mol'ij*) 'идуший' и др., которые исторически являются производными.

В парадигме основного склонения в рассматриваемом типе говоров полная дифтонгическая основа восстанавливается в форме генитива, датива, каузатива, транслатива перед интерфиксальным гласным, который способствует еще и ее удлинению, например: ном. *kelu* – ген. *keluv-ə-n'*, дат. *keluv-ə-n'd'i*, кауз. *keluv-ə-ŋksä*, транс. *keluv-ə-ks*; ном. *suvəz'i* – ген. *suvəz'ij-ə-n'*, дат. *suvəz'ij-ə-n'd'i*, кауз. *suvəz'ij-ə-ŋksä*, транс. *suvəz'ij-ə-ks* (информанты: Амбаева, Миронова).

Отметим, что аналогичное явление наблюдается и в других склонениях. Например, в притяжательном склонении историческая основа с дифтонгическим сочетанием восстанавливается перед интерфиксальным гласным, возникшим на морфемном шве между основной и аффиксом посессивности в рядах *монь*, *сонь*, *минь*, *тинь* и в форме множественного числа ряда *тонь*. Кроме номинатива, дифтонгическое сочетание имеет место в тех же падежных формах, что и в основном склонении, в то время как в ряде *синь* выступает усеченная основа, например: *keluv-ə-z'ě* 'моя береза', *keluv-ə-n'ě* 'мои березы', *keluf-n'ě* 'твоя береза', *keluv-ə-c* 'его береза', *keluv-ə-nzä* 'его березы', *keluv-ə-n'kě* 'наши березы', *keluv-ə-z'an'*, *keluv-ə-z't'i* и др., но *kelu-c'ě* 'твоя береза', *kelu-snä* 'их березы' (МСК).

В форме множественного числа основного склонения общемордовские дифтонгические сочетания конца основы *uv, **ij(ij)* в рассматриваемых говорах сохраняются, однако согласные *v*, *j*, находясь перед глухими согласными *t*, *t'* аффикса, как и все звонкие согласные, претерпевают регрессивное оглушение – *v* → *f*, *j* → *J*, например: *kelu* < *keluv → *keluf-t* 'береза – березы', *suvəz'i* < **suvəz'ij* → *suvəz'ij-t* 'глухарь – глухари'. В указательном склонении процесс пошел дальше: полная основа выступает во всей парадигме множественного числа перед «скрытым» формантом *t* в суффиксе указательной множественности, который выпал, однако перед выпадением оглушил согласный из дифтонгического сочетания – **ij(ij)* > *iJ(iJ)*; *uv > *uf*: *todu* 'подушка' – *toduf-n'ě* < **toduf-t'n'ě*, *toduf-n'an'* < **toduf-t'n'an'*, *toduf-n'an'd'i* < **toduf-t'n'an'd'i*; *s'ed'i* 'сердце' – *s'ed'ij-n'ě* < **s'ed'ij-t'n'ě*, *s'ed'ij-n'an'* < **s'ed'ij-t'n'an'*, *s'ed'ij-n'an'd'i* < **s'ed'ij-t'n'an'd'i* (МСК).

Согласные основы в сузгарьевском типе говоров в парадигме основного склонения также претерпели изменения. В рассматриваемых говорах много существительных с односложной основой: *lov* 'снег', *pej* 'зуб', *kov* 'луна, месяц', *vir* 'лес', *kel* 'язык', *val* 'слово', *s'er* 'рост', *sur* 'палец', *kež* 'злость'. Относительно происхождения подобных основ в финно-угорском языкознании единого мнения до сих пор нет. Одни исследователи считают, что прафинно-угорские основы были двусложными и оканчивались на гласный, а односложные появились в результате синкопирования исторического гласного основы в период отдельного развития финно-угорских языков²⁹. Однако если учесть, что односложные слова имеются во всех финно-угорских языках, а в мордовских – это большая группа слов, то можно предположить, что слова с односложной основой могли присутствовать и в прафинно-угорском языке. Нам более близка вторая точка зрения, которую высказывал и профессор Д. В. Цыганкин³⁰.

В рассматриваемых говорах в отдельных падежных формах основного склонения в результате интерфиксации наблюдается удлинение односложной основы. Это происходит в формах генитива – *valə-n'*, *pejə-n'*, *kovə-n'*, *s'er'ə-n'*; датива – *valə-n'd'i*, *pejə-n'd'i*, *kovə-n'd'i*, *s'er'ə-n'd'i*; каузатива – *valə-ŋksä*, *pejə-ŋksä*, *kovə-ŋksä*, *s'er'ə-ŋksä*; у небольшой группы слов в форме инессива, например: *kas's'al'anc s'er'ə-sä* 'вырос с отца', *er'ams vir'ə-sä* 'жить в лесу'; элатива – *l'is's'vir'ə-stä* 'вышел из леса'; иллатива – *s'er'ə-s al'a-škanzä* 'ростом со своего отца', *pačkəd'ams vir'ə-s* 'дойти до леса'; компаратива – *al'anc s'er'ə-ška* 'он ростом как отец', *oc'u vir'ə-ška* 'с большой лес (раз-

²⁹ Bartens R. Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys. Helsinki : Suomalais-ugrilaisen Seuran, 1999. 183 p.

³⁰ Цыганкин Д. В. Мордовские языки глазами ученого-лингвиста.

мерами)'. Основа удлиняется за счет вставочного гласного перед сонорным согласным, реже – перед щелевым.

В сузгарьевских говорах, как и в мокшанском литературном языке, в исходе односложных слов (в отличие от двусложных) звонкий согласный свою артикуляцию сохраняет: *kuz* 'ель', *vaz* 'шапка', *kež* 'злость, злоба', *pej* 'зуб', *snav* 'горошина, горох', *kud* 'дом', *s'ed* 'мост', *val* 'слово', *jam* 'каша', *jan* 'тропа', *ur* 'белка', *par* 'кадушка, бочка', *pel* 'кол'; в то время как в двусложных словах звонкие шумные согласные *z*, *z'*, *ž* оглушаются: *saras* 'курица', *kelas* 'лиса', *imǝš* 'ягода, фрукт, овощ' (информанты: Амбаева, Миронова, Канаева).

Односложные основы, оканчивающиеся на звонкий согласный, проявляются по-разному. Так, если в конце основы выступает взрывной *d*, *d'* или *b*, то в форме аблатива, где имеются варианты только с твердыми согласными и заднерядным редуцированным гласным (*-dǎl/-tǎ*), основа присоединяет к себе алломорф не со звонким согласным (*-dǎ*), как все остальные односложные основы, а с глухим – *-tǎ*, как если бы основа оканчивалась на глухой согласный. Согласные *t*, *t'* ассимилируют предыдущий звонкий согласный основы по признаку глухости. Данное явление затрагивает как исконные слова, так и заимствования: *sud* 'кора, суд' – *sut-tǎ*, *ked* 'рука, кожа' – *ket-tǎ*, *strub* 'сруб' – *strup-tǎ*, а также *koš* 'шалаш' – *koš-tǎ*, *flak* 'флаг' – *flak-tǎ*, но *šov* 'пена' – *šov-dǎ*; *ur* 'белка' – *ur-dǎ*; *vaz* 'шапка' – *vaz'-dǎ* и др. (МСК).

Регрессивная ассимиляция по глухости со стороны аффиксального согласного наблюдается и в форме абессива, который имеет только один вариант – *-ftǎmǎ*, который (в нарушение закона сингармонизма) присоединяется как к велярным, так и палатальным основам, в отличие от соседних икающих говоров, где закон сингармонизма при агглютинации вариантов падежного аффикса сохраняется: к велярной основе присоединяется алломорф с гласными заднего ряда и с велярными согласным, к палатальной основе – алломорф с гласными переднего ряда и с палатальными и палатализованными согласными: ик. *sut-ftǎmǎ*, *strup-ftǎmǎ*, но *kit'-ft'ǎmǎ*, *s'it'-ft'ǎmǎ*; ср.: сзг. *sut-ftǎmǎ*, *strup-ftǎmǎ*, *kit'-ftǎmǎ*, *s'et'-ftǎmǎ* (МСК).

Во всех внутриместных падежах (инессиве, элативе, иллативе) на морфемном шве происходит сращение корневой и суффиксальной морфем в результате аффрикатизации конечного взрывного согласного корня (*d*, *d'*) и начального щелевого согласного суффиксальной морфемы (*s*, *s'*), например: в инессиве – *ku[d + s]ǎ* → *ku[c]ǎ*, элативе – *ku[d + s]tǎ* → *ku[c]tǎ*, иллативе – *ku[d + s]* → *ku[c]*; в инессиве – *ve[d' + s]ǎ* → *ve[c]ǎ*, элативе – *ve[d' + s]tǎ* → *ve[c]tǎ*, иллативе – *ve[d' + s]* → *ve[c]* (информанты: Амбаева, Миронова, Канаева). Такое же сращение имеет место и в форме компаратива при агглютинации аффиксальной морфемы с начальным шипящим *-škǎ*, где на морфемном шве соседство смычного *d*, *d'* (корневой морфемы) и шипящего *š* (аффиксальной морфемы) дает велярную аффрикату *č*: *ku[d + š]kǎ* → *ku[č]kǎ*, *ve[d' + š]kǎ* → *ve[č]kǎ*.

В словах, оканчивающихся на звонкий взрывной согласный *d*, *d'* или *b* перед морфемой транслатива *-ks* основа удлиняется, например: *t'ijǎms kudǎ-ks* 'превратить в дом', *moli vid'ǎ-ks* 'поносит кого-либо'.

В заимствованиях из русского языка глухой согласный конца слова языка-оригинала, как в односложных, так и двусложных словах, наоборот, произносится звонко, например: *brad* 'брат', *sǎvad* 'сват', *kravad* 'кровать', *kr'oz* 'крест', *klaz* 'класс' и др. (информанты: Амбаева, Миронова, Макаров).

При склонении конечные звонкие щелевые согласные основы сохраняются во всей парадигме основного склонения; основы на взрывные *d*, *d'*, *b* ведут себя так же, как и исконные слова, оканчивающиеся на эти же согласные.

Парадигма множественного числа основного склонения в мокшанском языке состоит всего из одного падежа – номинатива с показателем *-t/-t'*, который в словах с гласными заднего ряда и велярными согласными выступает в твердом варианте *-t*, а в словах с гласными переднего ряда и палатализованными согласными – в варианте *-t'*. В двенадцати

косвенных падежах единственное и множественное число представлено одной формой и различается контекстуально.

Отличительной особенностью мокшанского языка является то, что в форме множественного числа основного склонения перед глухим согласными *t*, *t'* аффикса все звонкие согласные конца основы под действием регрессивной контактной ассимиляции оглушаются. В рассматриваемых говорах отклонений от данной закономерности не наблюдается – основа существительного перед аффиксом множественного числа глухая: *b* → *p*, *v* → *f*; *d* → *t*, *d'* → *t'*, *ž* → *š*, *z* → *s*, *z'* → *s'*, *l* → *L*, *l'* → *L'*, *r* → *R*, *r'* → *R*, *j* → *J*; *m* → *p*, *n* → *t*, *n'* → *t'*, например: *snav* – *snaf-t* ‘горошина, горох – горошины’, *klub* – *klup-t* ‘клуб – клубы’, *kud* – *kut-t* ‘дом – дома’, *s'ed* – *s'et'-t* ‘мост – мосты’, *kež* – *keš-t* ‘злость, злоба’, *kuz* – *kus-t* ‘ель – ели’, *vaz'* – *vas'-t* ‘шапка – шапки’ и др. (МСК).

Именно в данной форме на морфемном шве в период самостоятельного развития мокшанского языка появились глухие пары у сонорных согласных *l*, *l'*, *r*, *r'*, *j*, пополнившие фонологическую систему языка на пять фонем – *L*, *L'*, *R*, *R*, *J*: *val* – *vaL-t* ‘слово – слова’, *mel'* – *meL'-t* ‘желание – желания’, *pej* – *peJ-t* ‘зуб – зубы’, *ur* – *uR-t* ‘белка – белки’, *par'* – *paR'-t* ‘кадушка, бочка – кадушки, бочки’, которые, употребляясь лишь в позиции середины слова, выполняют смысловоразличительную функцию: *val-ně* – *vaL-ně* ‘мои слова – эти слова; твои слова’, *mel'-t* – *meL'-t* ‘этого желания – желания’, *pej-n'ən* – *peJ-n'ən* ‘моих зубов – этих зубов; твоих зубов’. Оглушение наблюдается даже в основах, оканчивающихся на сонорные *m*, *n*, *n'*, которые, не имея глухих пар, заменяются артикуляционно близкими глухими согласными: *m* ~ *p*, *n* ~ *t*, *n'* ~ *t'*, например: *š š'am* – *š š'ap-t* ‘одежда’, *jan* – *jat-t* ‘тропа – тропы’, *ulman'* – *ulmat'-t* ‘золовка (сестра мужа) – золовки’ (информанты: Амбаева, Миронова).

Заключение

Анализ имеющегося диалектного материала позволил нам выявить морфонологические особенности мокшанских говоров сузгарьевского типа. Обращение к этим говорам не было случайным, так как на территории Рузаевского района в непосредственной близости проживают носители мокшанских говоров всех трех типов – äкающие, экающие и икающие.

Сузгарьевский тип занимает промежуточное положение между более архаичными äкающими и менее архаичными икающими говорами, поскольку они в своем развитии сохранили некоторые элементы историчности, например йотацию в начале слова или дифтонгические сочетания перед сонорным, в то же время приобрели новые, к которым относится нарушение закона сингармонизма при агглютинации падежных аффиксов в формах аблатива, пролатива, абессива. Рассматриваемый тип говоров, по сравнению с соседним левжинским, более инновационен и в плане вторичности некоторых фонем, что нашло отражение в лексических и грамматических морфемах. В области гласных основ встречается одна аовая (в левжинском типе говоров их две) и четыре неаовые основы. В парадигме основного склонения изменения в первую очередь коснулись неаовых основ (исходная основа оканчивается на гласные *e*, *i*, *u*, *ě*, *ä*).

Аовая основа (оканчивается на гласную *a*) представлена одним вариантом – она сохранилась во всех формах: *jalga* – *jalga-n'*, *jalga-dä*, *jalga-t*.

Основы на редуцированные гласные сзг. *ě*, *ä* // лвж. *ä*, *ä* ведут себя неодинаково. Так, после одиночного согласного, сочетания сонорных или любого согласного со щелевым встречаются два варианта основ: *pil'ě-/pil'ä-*; *s'ulmā-/s'ulmā-* (гласная основа во всех падежных формах сохраняется). Если редуцированный гласный оказывается после сочетания любого согласного со взрывным (кроме *d*, *d'*, *t*, *t'*), то перед нами предстают три варианта основ: *čivgě-/čivgä-/čivk-*; *šalkä-/šalkä-/šalk-*. В форме номинатива, генитива, каузатива перед сонорным аффикса гласный сохраняется; в форме аблатива, инессива, элатива, иллатива, абессива и в форме номинатива множественного числа перед взрывными *t*, *t'*, и щелевыми *s*, *f* он выпадает, образуя усеченную основу на согласный, который сам впоследствии подвергается регрессивному оглушению): *čivgě* – *čivgä-n'* – *čivgä-n'di* – *čivgä-ŋksä*; *čivk-ä* – *čivk-*

să – čivk-stă – čivk-ftămă – čivk-t. Самое большое количество вариантов (четыре) у основ на редуцированный гласный, которому предшествует сочетание согласных со взрывным *d, d', t, t'*: *pandă-/pandə-/pant-/pan-*. Четвертый, усеченный, вариант *pan-* появляется после выпадения редуцированного гласного основы и последующей аффрикатизации $[d, d', t, t'] + [s] \rightarrow [c]$ на морфемном стыке в формах инессива, элатива и иллатива, что в итоге приводит к ее переразложению: *pandă – pandə + -să → pan[d + -s]ă → pan + [c]ă*.

Основа на гласную сзг. *e < ä // лвж. ä*, где *e* – вторичная гласная, восходящая к об. мк.³¹ **ä < об. мд. *a*, имеет два варианта: *val'me-/val'ma-*. Гласная исходной основы *e* сохраняется перед мягким согласным аффикса в форме генитива и датива, а в аблативе, инессиве, элативе, иллативе, лативе, пролативе, транлативе, компаративе, абессиве, каузативе, в номинативе множественного числа, под действием регрессивной контактной аккомодации со стороны последующего твердого согласного чередуется с *a* (сзг. *e*, лвж. *ä // a*): *val'me // val'mä – лвж. сзг. val'me-n', лвж. val'mä-n'*, но сзг., лвж. *val'ma-dă, val'ma-t*; ср.: э. *val'ma – val'ma-t*. Соответствие сзг. *e*, лвж. *ä // a* в эрзянском языке гласного заднего ряда *a* подтверждает архаичность *a*.

Основы на гласные *u, i (î)* имеют по три варианта: *kelu-/keluvə-/keluf-*; *s'el'i-/s'el'ijə-/s'el'iJ-*; *ješî-/ješîjə-/ješîJ-*. В исходной форме они являются усеченными и восходят к общемордовским дифтонгическим сочетаниям **uv, *ij (*îj)*: *karu < *karuv, s'el'i < *s'el'ij, ešî < *ešîj*, которые восстанавливаются в форме генитива, датива, каузатива, транслатива перед интерфиксальным гласным, способствующим удлинению исторической основы в положении между консонантами разных морфем: *kelu – keluvə-n'*; *suvəz'î – suvəz'ijə-n'd'î*. В форме множественного числа согласные *v, j* сохранились, однако подверглись, как и все звонкие согласные, регрессивной ассимиляции по глухости – $v \rightarrow f, j \rightarrow J$: *kelu → keluf-t, suvəz'î → suvəz'iJ-t'*.

Согласные основы, в зависимости от качества исходного консонанта и конкретной фонетической позиции, имеют следующие варианты: 1) *val-/valə-/vaL-*; 2) *kud/kudə-/kut-/ku-*; 3) *saras-/sarazə-/saraz-*; 4) *loman'-/loman'ə-/lomat'-*; 5) *san-/sanə-/sat-*; 6) *acam-/acamə-/acap-*. Все согласные основы в генитиве, дативе, каузативе перед аффиксальным сонорным в результате интерфиксализации удлиняются: *valə-n', pejə-n'd'î, kovə-ŋksă*. В основах на сонорные *r, r'* удлинение наблюдается также в инессиве, элативе, иллативе, компаративе перед щелевыми *s, š*: *vir'ə-să, vir'ə-stă, vir'ə-s, vir'ə-ška*. Односложные основы на звонкий согласный (*kuz, vaz', kež, pej* и др.) сохраняют качество конечного согласного во всех падежных формах (за исключением основ на *d, d'* и *b*), включая номинатив единственного числа. Конечные *d, d', b, g* претерпевают регрессивное оглушение в форме аблатива и абессива: *sud – sut-tă, sut-ftămă; strub 'сруб' – strup-tă, strup-ftămă*. Во внутриместных падежах и в форме компаратива на морфемном шве в результате аффрикатизации наблюдается сращение корневого *d, d'* с аффиксальным щелевым (*c, c'; š*) и переразложение основы: $ku[d + s]ă \rightarrow ku[c]ă, ku[d + š]kă = ku[č]kă$. В исходе двусложных слов звонкие шумные *z, z', ž* оглушаются: *iməš, но iməžə-n'*; *kelas', но kelaz'ə-n'*. В форме множественного числа перед аффиксальными *t, t'* все звонкие согласные конца основы оглушаются: $b \rightarrow p, v \rightarrow f, d \rightarrow t, d' \rightarrow t', ž \rightarrow š, z \rightarrow s, z' \rightarrow s', l \rightarrow L, l' \rightarrow L', r \rightarrow R, r' \rightarrow R, j \rightarrow J$; непарные сонорные заменяются ближайшими глухими согласными: $m \rightarrow p, n \rightarrow t, n' \rightarrow t'$: *š'š'am – š'š'ap-t, jan – jat-t*.

Таким образом, в статье выявлены и описаны морфонологические особенности в парадигме основного склонения в сузгарьевском типе мокшанских говоров рузаевского ареала. Диалектный материал констатирует варьирование исходной основы существительного в разных падежных формах в зависимости от качества ауслатной фонемы, а также ее фонетического окружения. Теоретический и практический материал позволит обогатить имеющиеся знания по диалектам мокшанского языка, дальнейшее исследование которых с применением современных методов позволит создать кластерную классификацию мокшанского языка.

³¹ об. мк. – общемокшанский язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Иванова Г.С., Водясова Л.П. Словоизменительный потенциал указательного склонения в переходном диалекте мокшанского языка. *Вестник угроведения*. 2023;13(1):63–72. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-1-63-72>
Ivanova G.S., Vodyasova L.P. Inflectional Potential of the Demonstrative Declension in the Transitional Dialect of the Moksha Language. *Bulletin of Ugric Studies*. 2023;13(1):63–72. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-1-63-72>
2. Цыганкин Д.В. Ареальная морфонология форм категории определенности. *Linguistika Uralica*. 1991;27(1):51–56. <https://doi.org/10.3176/lu.1991.1.09>
Tsygankin D.V. Die Areale Morphologie Von Formen Der Kategorie Der Bestimmtheit. *Linguistika Uralica*. 1991;27(1):51–56. (In Russ., abstract in Germ.) <https://doi.org/10.3176/lu.1991.1.09>
3. Рябов И.Н., Агафонова Н.А., Рябова Г.В. Сравнительная характеристика выражения посессивных отношений в эрзянских говорах Кочкуровского района Республики Мордовия. *Финно-угорский мир*. 2024;16(4):392–407. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.392-407>
Ryabov I.N., Agafonova N.A., Ryabova G.V. A Comparative Analysis of the Expression of Possessive Relations in the Erzya Dialects of the Kochkurovo District, Republic of Mordovia. *Finno-Ugric World*. 2024;16(4):392–407. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.392-407>
4. Мосин М.В., Мосина Н.М. Система согласных в середине финно-угорской основы слова в мордовских языках. *Вестник угроведения*. 2020;10(2):282–291. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2020-10-2-282-291>
Mosin M.V., Mosina N.M. The Consonant System in the Middle of the Finno-Ugric Word Stem in the Mordovian Languages. *Bulletin of Ugric Studies*. 2020;10(2):282–291. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2020-10-2-282-291>
5. Иванова Г.С. О происхождении консонантных комплексов в мордовских языках. *Сибирский филологический журнал*. 2021;(4):168–180. <https://doi.org/10.17223/18137083/77/13>
Ivanova G.S. On the Origin of Consonant Complexes in the Mordovian Languages. *Siberian Journal of Philology*. 2021;(4):168–180. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17223/18137083/77/13>
6. Безенова М.П. Диалектная основа первых удмуртских переводов Евангелия от Иоанна. *Урало-алтайские исследования*. 2023;(3):7–22. URL: <https://ural-altai.ru/userfiles/files/publications/Uralaltai-50-8-23.pdf> (дата обращения: 02.01.2025).
Bezenova M.P. Dialect Basis of the First Udmurt Translations of the Gospel of John. *Ural-Altai Studies*. 2023;(3):7–22. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://ural-altai.ru/userfiles/files/publications/Uralaltai-50-8-23.pdf> (accessed 02.01.2025).
7. Карпова Л.Л. Фонетические маркеры верхнечепецкого диалекта удмуртского языка. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2023;17(4):462–473. URL: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/8340> (дата обращения: 02.01.2025).
Karpova L.L. Phonetic Markers of the Upper Cheptsá Dialect of the Udmurt Language. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2023;17(4):462–473. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/8340> (accessed 02.01.2025).
8. Муллонен И.И., Новак И.П. Древнекарельские языковые особенности в памятниках письменности второй половины XVII – начала XVIII в. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2024;21(3):720–740. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.312>
Mullonen I.I., Novak I.P. Old-Karelian Language Features in Written Language Heritage of the Second Half of the 17th – Early 18th Centuries. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2024;21(3):720–740. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.312>
9. Норманская Ю.В. Северо-западное наречие – это горный или луговомарийский язык? *Урало-алтайские исследования*. 2024;(1):86–97. <https://dx.doi.org/10.37892/2500-2902-2024-52-1-86-97>
Normanskaja J.V. Does the North-West Dialect Belong to Meadow or Hill Mari? *Ural-Altai Studies*. 2024;(1):86–97. (In Russ., abstract in Eng.) <https://dx.doi.org/10.37892/2500-2902-2024-52-1-86-97>
10. Жебряткина И.Я., Иванова Н.В. Особенности словообразования в мокшанских переходных говорах рузавского ареала. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022;15(4):1113–1117. <https://doi.org/10.30853/phii20220175>
Zhebratkina I.Ya., Ivanova N.V. Peculiarities of Word Formation in the Moksha Transitional Dialects of the Ruzaevka Area. *Philology. Theory & Practice*. 2022;15(4):1113–1117. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30853/phii20220175>
11. Архангельский Т.А. Применение диалектометрического метода к классификации удмуртских диалектов. *Урало-алтайские исследования*. 2021;(2):7–20. EDN: **TTGGDM**
Arkhangelskiy T.A. Application of Dialectometric Method to the Classification of Udmurt Dialects. *Ural-Altai Studies*. 2021;(2):7–20. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: **TTGGDM**
12. Новак И. П. Применение методики кластеризации в решении проблем диалектного членения карельского языка (на примере дистрибуции переднеязычных шелевых согласных). *Урало-алтайские исследования*. 2021;(2):103–132. <https://dx.doi.org/10.37892/2500-2902-2021-41-2-103-132>
Novak I.P. Application of the Clustering Technique to Dialect Division of the Karelian Language (Case Study of the Distribution of Front Fricative Consonants). *Ural-Altai Studies*. 2021;(2):103–132. (In Russ., abstract in Eng.) <https://dx.doi.org/10.37892/2500-2902-2021-41-2-103-132>
13. Кондратьева Н.В., Пушина Н.И. Функционирование финно-угорских языков Российской Федерации в эпоху цифровизации. *Вестник угроведения*. 2022;12(2):377–385. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-2-377-385>

- Kondratyeva N.V., Pushina N.I. Functioning of the Finno-Ugric Languages of the Russian Federation in the Epoch of Digitalization. *Bulletin of Ugric Studies*. 2022;12(2):377–385. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-2-377-385>
14. Стриелковски В., Корнеева Е.Н., Шерстобитова А.А., Платицын А.Ю. Стратегическое управление университетом в контексте цифровизации: опыт ведущих университетов мира. *Интеграция образования*. 2022;26(3):402–417. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.108.026.202203.402-417>
Strielkowski W., Korneeva E.N., Sherstobitova A.A., Platitzyn A.Yu. Strategic University Management in the Context of Digitalization: The Experience of the World's Leading Universities. *Integration of Education*. 2022;26(3):402–417. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/1991-9468.108.026.202203.402-417>
  15. Иванова Г.С., Жебряткина И.Я. Словоизменительный потенциал имени существительного в языках агглютинативного типа (на материале диалектов мокшанского языка). *Язык и культура*. 2020;(49):66–82. <https://doi.org/10.17223/19996195/49/4>
Ivanova G.S., Zhebratkina I.Ya. The Inflectional Potential of a Noun in the Payovsko-Adashevsky Accents of the Moksha Language. *Language and Culture*. 2020;(49):66–82. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17223/19996195/49/4>
  16. Цыганкин Д.В., Агафонова Н.А., Рябов И.Н. Архаичные и инновационные явления в падежных парадигмах эрзянских диалектов Заволжья и Южного Урала. *Финно-угорский мир*. 2021;13(3):254–264. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.013.2021.03.254-264>
Tsygankin D.V., Agafonova N.A., Ryabov I.N. Archaic and Innovative Phenomena in the Case Paradigms of the Erzya Dialects in the Volga Region and the Southern Urals. *Finno-Ugric World*. 2021;13(3):254–264. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.013.2021.03.254-264>

Информация об авторах:

Иванова Галина Софроновна, доктор филологических наук, профессор кафедры мордовских языков МГУ им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевицкая, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7717-543X>, SPIN-код: 9672-5363, galina17-05@yandex.ru

Водясова Любовь Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры родного языка и литературы Мордовского государственного педагогического университета им. М. Е. Евсевьева (430007, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Студенческая, д. 11А), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6767-6337>, SPIN-код: 8388-6461, LVodjasova@yandex.ru

Иванова Наталья Васильевна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка Морской технической академии имени адмирала Д. Н. Сенявина (198260, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, пр-т Народного Ополчения, д. 189), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6860-1003>, nataliva1990@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Г. С. Иванова – формулирование идеи исследования, целей и задач; создание и подготовка рукописи; критический анализ черновика рукописи, внесение замечаний и исправлений членами исследовательской группы, в том числе на этапах до и после публикации.

Л. П. Водясова – формулирование идеи исследования, целей и задач; разработка методологии исследования.

Н. В. Иванова – осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 02.01.2025; одобрена после рецензирования 16.02.2025; принята к публикации 22.02.2025.

Information about the authors:

Galina S. Ivanova, Dr.Sci. (Philol.), Professor, Department of the Mordovian Languages, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7717-543X>, SPIN-code: 9672-5363, galina17-05@yandex.ru

Lyubov P. Vodyasova, Dr.Sci. (Philol.), Professor, Department of the Native Language and Literature, Mordovia State Pedagogical University named after M. E. Evseviev (11A Studencheskaya St., Saransk 430007, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6767-6337>, SPIN-code: 8388-6461, LVodjasova@yandex.ru

Natalja V. Ivanova, Cand.Sci. (Philol.), Lecturer, Department of the English Languages, Admiral Senyavin Maritime Technical Academy (189 Narodnogo Opolcheniya Prospect, St. Petersburg 198260, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6860-1003>, nataliva1990@mail.ru

Authors contribution:

G. S. Ivanova – ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims; preparation and creation of the published work by those from the original research group, specifically critical review, commentary or revision – including pre- or post-publication stages.

L. P. Vodyasova – ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims; development of methodology.

N. V. Ivanova – conducting a research and investigation process, specifically performing the data.

All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 02.01.2025; revised 16.02.2025; accepted 22.02.2025.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.035-046>

EDN: <https://elibrary.ru/vbsesv>

УДК / UDC 81-13

Оригинальная статья / Original article

Коллокации с номинацией «Россия» в корпусе финноязычных интернет-травелогов

Н. А. Осьмак

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*

✉ nataliaosmak@herzen.spb.ru

Аннотация

Введение. Образ России в зарубежном дискурсе неоднократно становился объектом внимания ученых, однако финноязычный материал, в том числе особенности путевых заметок и их современного аналога (интернет-травелогов), является недостаточно изученным. Цель исследования – выявить основные доминанты, формирующие представление о России в интернет-травелогов, через анализ коллокаций с единицами, репрезентирующими страну на финском языке.

Материалы и методы. Материалом исследования послужил подкорпус финноязычных интернет-травелогов о России, собранный вручную в сети Интернет методом сплошной выборки, в который вошел 31 текст общим объемом 24 288 словоупотреблений. В работе применялись методы дискурсивного анализа; путем автоматического сентимент-анализа и экспертной оценки определена тональность текста.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ коллокаций, связанных с концептом «Россия», показал их аксиологическую нагрузку. Частотное использование словоформы Venäjä ‘Россия’ способствует стереотипизации образа страны как культурного пространства для туризма, а также выявляет дестереотипизацию через личные переживания путешественников; номинация Neuvostoliitto ‘Советский союз’ делает акцент на эпохе. Сентимент-анализ позволил продемонстрировать нейтральность коллокаций, формирующих многогранный образ России в интернет-травелогов.

Заключение. Результаты работы уточняют и дополняют исследования в области репрезентации концепта «Россия» в финской лингвокультуре. Данные, полученные в ходе сентимент-анализа контекстов и их экспертной оценки, могут быть использованы в дальнейшей разработке алгоритмов автоматического анализа тональности текста.

Ключевые слова: руссоцентрический дискурс, финский язык, Россия, коллокации, сентимент-анализ

Финансирование: исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена; грант ИВГ «Универсальные и лингвоспецифические механизмы иноязычного описания русской культуры».

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Осьмак Н.А. Коллокации с номинацией «Россия» в корпусе финноязычных интернет-травелогов. *Финно-угорский мир*. 2025;17(1):35–46. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.035-046>

© Осьмак Н. А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Collocations with the Nomination “Russia” in the Corpus of Finno-Ugric Internet Travelogues

N. A. Osmak

*Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg, Russian Federation*
✉ nataliaosmak@herzen.spb.ru

Abstract

Introduction. Despite the fact that the image of Russia in foreign discourse has repeatedly been the subject of scholarly attention, the Finno-Ugric material, including the peculiarities of travel notes and their modern counterpart (internet travel blogs), remains insufficiently explored. The aim of this study is to identify the key dominant elements that shape the perception of Russia in internet travel blogs by analyzing collocations with terms representing the country in Finnish.

Materials and Methods. The study is based on a subcorpus of Finnic-language internet travelogues about Russia, manually compiled from the internet using a full-sampling method. The corpus includes 31 texts, comprising a total of 24,288 word occurrences. The research employed discourse analysis methods, with sentiment analysis conducted automatically and text tone evaluated through expert assessment.

Results and Discussion. The analysis of collocations related to the concept of “Russia” revealed their axiological significance. The frequent use of the word form Venäjä (Russia) contributes to the stereotyping of the country as a cultural space for tourism, while also highlighting the de-stereotyping process through the personal experiences of travelers. The term Neuvostoliitto (Soviet Union) emphasizes the historical era. Sentiment analysis demonstrated the neutrality of the collocations, which together form a multifaceted image of Russia in online travel blogs.

Conclusion. The results of this study refine and complement research in the field of the representation of the concept of “Russia” in Finnish linguistic culture. The data obtained through sentiment analysis of contexts and their expert evaluation may be used in the further development of algorithms for automatic text sentiment analysis.

Keywords: Russocentric discourse, Finnish, Russia, collocations, sentiment analysis

Funding: The research was supported by an internal grant of the Herzen State Pedagogical University of Russia; grant 1VG “Russian culture through the prism of foreign languages: universal and language-specific mechanisms”.

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Osmak N.A. Collocations with the Nomination “Russia” in the Corpus of Finno-Ugric Internet Travelogues. *Finno-Ugric World*. 2025;17(1):35–46. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.035-046>

Введение

Россия является традиционным предметом интереса исследователей разных областей как среди восточных, так и среди западных стран. К ее образу обращаются писатели, художники и композиторы. Этот феномен, констатируемый в иноязычных медиа, можно связать с неоднозначностью образа страны и его дуализмом, что справедливо и в отношении русских людей¹. Изучению тенденций в представлении иностранцами образа России и ее народа посвящены многочисленные исследования, рассматривающие особенности концептуализации образа страны в английском [1; 2], французском [3], немецком [4] и других языках. При этом традиционно материалом анализа являются тексты СМИ, наиболее оперативно отражающие изменения современной языковой ситуации. В последнее время появляются и работы сопоставительного характера, выявляющие тенденции репрезентации концепта «Россия» в разных языках [5] или схожих концептов в одной лингвокультуре [6].

Ряд исследователей отмечает, что Россия как культурное пространство в финноязычном дискурсе является «одновременно знакомым и незнакомым, своим и чужим» [7]. Можно предположить, что именно этим фактом, наряду с географической близостью, богатой

¹ Raittila P. Venäjä kansalaismielipiteessä // Näin naapurista: median ja kansalaisten Venäjä-kuvat. Tampere, 2011. S. 125–168; 162.

историей культурно-экономических связей, объясняется притягательность страны для финских туристов. По России издавна путешествовали представители творческой интеллигенции и академической среды, фиксируя свои впечатления в путевых заметках или травелогах. По мнению Н. В. Коржиковой, «автор не просто описывает свое путешествие, но пропускает национальный колорит через призму своего восприятия, открывает уникальное, необычное, не-массовое, элитарное» [8].

С развитием интернет-коммуникации, жанра блога появляются и интернет-травелогги, представляющие собой синтез традиционных путевых заметок, блога и в некоторых случаях рекламного текста [9]. Уникальность же их с точки зрения изучения образа России заключается в том, что они отражают впечатления обычного человека, оказавшегося в новой стране и стремящегося поделиться своим опытом с широкой публикой. При этом в современной ситуации особый интерес представляют финноязычные интернет-травелогги, с одной стороны, рассказывающие об опыте поездок в соседнюю страну с богатой историей и культурой, с другой – создающие возможности для опосредованного туризма в условиях перераспределения туристических потоков в мире.

Целью исследования является определение основных доминант в конструировании образа России в финноязычных интернет-травелогах посредством анализа коллокаций с единицами, репрезентующими страну в финском языке.

Обзор литературы

Исследование опирается на принципы и положения ряда научных подходов.

В центре интерлингвокультурологического подхода В. В. Кабакчи и Е. В. Белоглазовой лежит изучение руссоцентрического дискурса и изменений выразительных средств языка, описывающих явления внешней культуры². Таким образом, исследуемый в работе интернет-травелог представляет собой особый вид руссоцентрического дискурса, объединяющего в себе характерные черты жанра травелога и отражающего особенности интернет-коммуникации.

При этом языковая специфика такого дискурса будет проистекать из реализации вторичной культурной ориентации языка (в данном случае финского), т. е. адаптации его средств в область внешней (русской) культуры³. Фиксация источника материала в интернет-пространстве позволяет говорить о смещении черт собственно травелогов, репрезентующих впечатления от путешествия, и интернет-коммуникации, однако не в полном объеме. Например, такая особенность, как анонимность, не оказывает влияния на исследуемый материал, поскольку все травелогги являются авторскими. Более релевантными будут являться опосредованность, мультимедийность, поликодовость, гипертекстуальность, разнообразие специфических жанровых воплощений [10]. Также в интернет-травелогах можно отметить использование письменной речи, максимально приближенной к разговорному варианту (использование сленга, языковой игры, каламбуров) [11] и сильную индивидуализацию и авторрепрезентацию (самовыражение, самоутверждение) [12].

Для исследования важна комбинаторная лексикология. В центре нее стоит изучение коллокаций, определение которых разнится в зависимости от области изучения. Так, в корпусной лингвистике под коллокацией понимаются «слова, вероятность появления которых вместе статистически намного выше, чем предполагает случайность»⁴. Однако в данной работе, вслед за М. В. Влавацкой, термин «коллокация» рассматривается в широком смысле как «комбинация из двух или более слов, характерным признаком которых является их “совместная встречаемость”» [13]. Существует разработанная классификация, согласно которой выделяются следующие типы коллокаций:

² Кабакчи В. В., Белоглазова Е. В. Введение в интерлингвокультурологию. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2023. 253 с.

³ Там же. С. 25.

⁴ Woolard G. Collocation Encourages Learner Independence // Teaching Collocation: Further Development in the Lexical Approach. Oxford : Oxford University Press, 2000. P. 28–46.

- 1) традиционные (общеупотребительные), которые используются в официально-деловых, публицистических и разговорных текстах;
- 2) экспрессивные, используемые для выражения эмотивно-экспрессивного значения;
- 3) окказиональные, т. е. индивидуально-авторские словосочетания, зачастую представляющие сложность при переводе на другой язык и являющиеся национально-специфичными, передающими отношение автора к предмету действительности;
- 4) этнокультурные, отражающие социально-значимые реалии и содержащие в себе национально-культурную специфику;
- 5) терминологические коллокации – словосочетания, относящиеся к определенной области знаний и выражающие одно понятия [13].

В контексте изучения специфики представления образа России в финноязычном дискурсе травелога особый интерес представляют экспрессивные, окказиональные и этнокультурные коллокации, поскольку они содержат коннотативные и национально-специфические характеристики, что позволит сделать выводы о доминантах при конструировании образа страны.

Отметим важность понятия «семантическая просодия», базирующегося на концепции семантического поля, в рамках которого слова выстраивают определенные отношения между собой⁵. Отношения между словами отражаются в коллокациях ключевого слова, комплекс которых составляет кластер. Склонность слов к совместному употреблению в рамках семантического поля иногда называют также семантическим предпочтением⁶.

Информация о коллокациях исследуемой единицы используется для определения семантической просодии, которая может быть положительной, отрицательной и нейтральной [14]. В связи с тем, что влияние тональности коллокации чаще всего выходит за ее пределы и масштабируется на более объемный контекст, М. Стаббс предлагает использовать термин «дискурсивная просодия»⁷. Изучение дискурсивной просодии позволяет делать выводы об отношении говорящего, если в тексте или речи нет намеренной иронии⁸. Исследование коллокаций, элементом которых является номинация страны, формирует суждение о дискурсивной просодии определенного жанра руссоцентрического дискурса, в нашем случае – интернет-травелога, а также дает представление об отношении авторов текстов к предмету описания. Сведения о тональности дискурсивной просодии также позволяют определить аксиологический фон репрезентации концепта «Россия» в финноязычной культуре.

Теоретические основания исследования базируются на интерлингвокультурологическом подходе, позволяющем глубже анализировать руссоцентрический дискурс и его языковые особенности. Достижения комбинаторной лексикологии и понятие семантической просодии определяют принципы отбора материала и подход к анализу аксиологического фона контекстов.

Материалы и методы

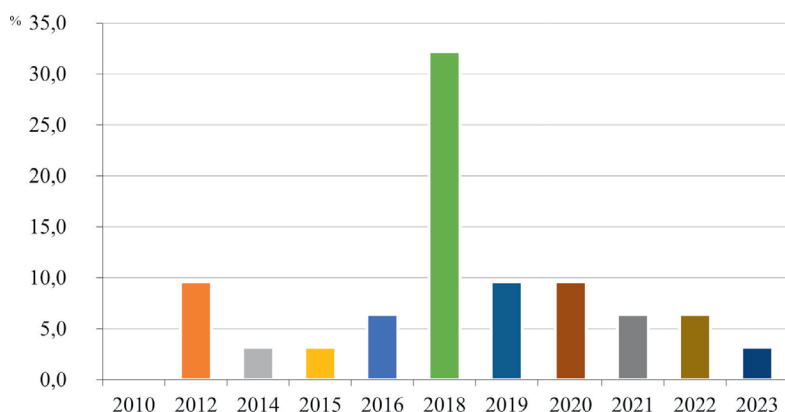
Материалом исследования послужил подкорпус финноязычных интернет-травелогов о России, собранный вручную в сети Интернет методом сплошной выборки, состоящий из 31 текста объемом 24 288 словоупотреблений. Временные рамки создания текстов – 2010–2023 гг. Процентное соотношение объема текстов по годам публикации отражено на рисунке 1.

⁵ Stubbs M. *Words and Phrases. Corpus Studies of Lexical Semantics*. Malden Massachusetts : Blackwell Publishers, 2001. P. 36.

⁶ Kyröläinen A., Laippala V. Määrällinen korpuslingvistiikka // *Kielentutkimuksen menetelmiä*. 2020. I–IV. S. 487–524. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1qp9hgb.18>

⁷ Stubbs M. *Words and Phrases. Corpus Studies of Lexical Semantics*. P. 36.

⁸ Louw B. Irony in the Text or in Insincerity in the Writer. The Diagnostic Potential of Semantic Prosodies // *Text and Technology*. In Honour of John Sinclair. Amsterdam : John Benjamins Publishing, 1993. P. 157–176.

Р и с. 1. Соотношение текстов по годам создания

Fig. 1. Distribution of texts by year of creation

Источник: здесь и далее в статье все рисунки составлены автором..

Source: Here and further in the article, all figures are compiled by the author.

Из гистограммы видим превалирование текстов 2018 г., однако балансировка по времени создания не являлась требованием, поскольку возникновение интернет-травелогов связано с социально-экономической и политической обстановкой в регионе.

Из полученного корпуса при помощи корпусного менеджера *AntiConc* были отобраны все контексты, включающие в себя словоформы *Venäjä* ‘Россия’, *Neuvostoliitto* ‘Советский союз’, *itänaapuri* ‘восточный сосед’, поскольку именно они представляют собой номинации страны в материале. Из числа выборки были исключены контексты с употреблением коллокации *venäjän kieli* ‘русский язык’ или *venäjä* в значении ‘русский язык’, поскольку они не соответствуют заявленным критериям. Таким образом, было получено 148 контекстов с коллокациями одного из вариантов номинации «Россия».

Следующим шагом стала обработка полученного исследовательского подкорпуса с применением методов дискурсивного анализа, затрагивающих поверхностные и глубинные уровни. Для определения тональности семантической просодии по каждому контексту использовался метод автоматического сентимент-анализа с использованием совмещенных моделей *FinBERT* и *FinSentiment* [15], а также экспертная оценка с привлечением 10 носителей языка.

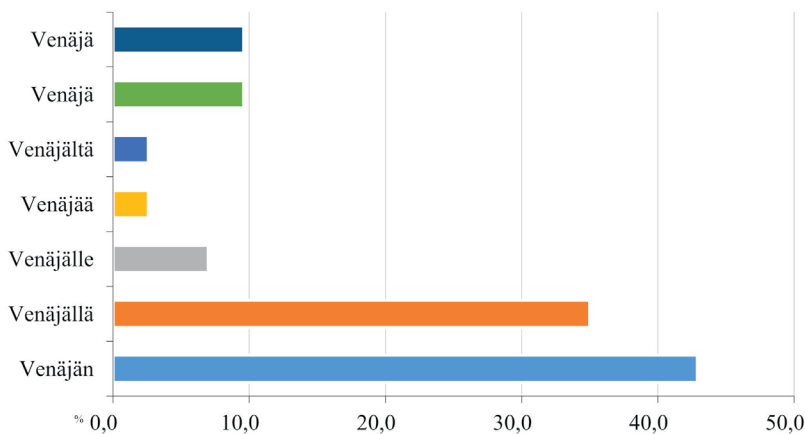
Результаты исследования и их обсуждение

Наиболее частотным вариантом номинации страны в интернет-травелогах является вариант *Venäjä* (в отдельных случаях в составе композита *Nykyvenäjä* ‘современная Россия’) – 114 словоупотреблений. На втором месте – *Neuvostoliitto* ‘Советский союз’ – 35 словоупотреблений. Единичным случаем является более образная номинация *itänaapurimme* ‘наш восточный сосед’.

Подробнее проанализируем коллокации с единицей *Venäjä*. В первую очередь обращает на себя внимание распределение падежных форм. Наиболее частотными являются варианты *Venäjän* (генитивный оборот ‘России, русский, российский’) и *Venäjällä* (‘в России’) – 49 и 40 употреблений соответственно. Представим частотность словоформ в виде гистограммы (рис. 2).

На первый план выходят коллокации, связанные с идентичностью и пространственными отношениями. Можно выделить следующие тематические группы коллокаций словоформы *Venäjän*.

 Р и с. 2. Частотность словоформ *Venäjä*

 F i g. 2. Frequency of *Venäjä* word forms

1) Коллокации, характеризующие этнокультурную специфику. К ним относятся: *Venäjän viimeinen tsaari* ‘последний царь России’; *Venäjän ortodoksikirkko* ‘Русская православная церковь’; *Venäjän kulttuuri* ‘русская культура’; *Venäjän kultainen kehä* ‘Золотое кольцо России’; *Venäjän historia* ‘история России’; *Venäjän kansa* ‘русский народ’; *Venäjän metsät* ‘леса России’; *Venäjän upea luonto* ‘шикарная природа России’; *Venäjän paras perunamuusi* ‘лучшее картофельное пюре России’.

2) Коллокации, характеризующие пространственные локации. Например: *Venäjän miljoonakaupunki* ‘город-миллионик России’; *Venäjän rajamaat* ‘границы России’; *Venäjän eteläraja* ‘южная граница России’; *Venäjän Karjala* ‘российская Карелия’; *Venäjän kaupunki* ‘город России’; *Venäjän kartta* ‘карта России’; *Venäjän eri osat* ‘разные части России’; *Venäjän Rostovin alue* ‘территория российского Ростова’.

3) Коллокации, связанные с туризмом в России: *Venäjän automatka* ‘поездка на машине по России’; *Venäjän matkailu* ‘туризм по России’; *Venäjän autoreissu* ‘русский автотрип’; *Venäjän liikenne* ‘русский транспорт’; *Venäjän liikennekulttuuri* ‘русская транспортная культура’; *Venäjän tiet* ‘русские дороги’; *Venäjän junailu* ‘поездки по России на поезде’; *Venäjän sisäiset lennot* ‘внутренние перелеты по России’.

4) Коллокации, характеризующие политическую и экономическую систему страны: *Venäjän valuuttakriisit* ‘валютные кризисы России’; *Venäjän valtakunta* ‘Российское государство’; *Venäjän ulkopolitiikka* ‘внешняя политика России’; *Venäjän talousvaikeudet* ‘экономические сложности России’; *Venäjän kullantuottaja* ‘русский производитель золота’; *Venäjän asettamat tuontikiellot* ‘русские ограничения на импорт’; *Venäjän byrokrazia ja paperisota* ‘русская бюрократия и бумажная волокита’; *Venäjän duuma* ‘русская дума’.

Словоформа *Venäjällä* (‘в/у России’) используется в составе экзистенциальной конструкции для введения новой информации о том, что находится в России, или для локализации действия/объекта рассказа. При этом элементами конструкции с участием коллокации *Venäjällä on* становятся интересные варианты, например:

Venäjällä on hyvää borsh-keittoa... – ‘В России есть хороший суп-борщ...’;

Venäjällä on ihan omaa luokkaa... – ‘В России совсем свой класс...’;

Venäjällä on paljon tutkittavaa ja nähtävää... – ‘В России есть что исследовать и на что посмотреть...’;

Venäjällä on tuskastuttavan hidas operaatio – ‘В России до боли медленная процедура (о паспортном контроле – *Авт.*)’;

Venäjällä on vielä paljon... – ‘В России еще много...’;

Venäjällä on monta ... – ‘В России много...’.

Несмотря на то, что сама конструкция носит информационный характер, в ней используется оценочная лексика, которая задает определенную тональность всему контексту, например: *hyvää* ‘хороший’, *tuskastuttava* ‘до боли’.

Все эти коллокации выступают способом стереотипизации, а Россия в них предстает как самобытное пространство, богатое на впечатления, эмоции, что объясняет ее привлекательность в качестве туристического объекта.

Коллокации, в которых данная словоформа выступает как средство локализации, в качестве второго компонента включают либо действие, тематически соотносимое с путешествиями и личным опытом (например, *otetaan vastaan Venäjällä* ‘принимают в России’, *ollaan Venäjällä* ‘мы в России’, *olen matkustanut Venäjällä* ‘я путешествовал в России’, *pääsee Venäjällä* ‘попадает в России’, *valvoo Venäjällä* ‘наблюдает в России’, *tekisimme Venäjällä* ‘мы делали бы в России’, *Venäjällä matkustaa* ‘в России путешествует’, *Venäjällä käytetään* ‘в России используют’), либо некоторое явление, характеризующее культурную специфику страны, путешествия в ней. Среди последних на первый план по частотности выходит группа, связанная с туризмом, например: *matka Venäjällä* ‘поездка по России’, *junamatkailu Venäjällä* ‘железнодорожный туризм в России’, *junailu Venäjällä* ‘поездка на поезде в России’, *matkustelu Venäjällä* ‘путешествие по России’, *Venäjällä matkustaminen* ‘путешествие в России’.

Следующая по частотности группа включает коллокации со словоформой *Venäjä* ‘Россия’. Анализ контекстов с данной словоформой показывает, что зачастую она используется для введения определенных стереотипов, например о величине России (*valtava Venäjä* ‘огромная Россия’), или при обобщении каких-либо характеристик (*Venäjä ja venäläiset* ‘Россия и русские’). В то же время наблюдаются и примеры дестереотипизации, реализующиеся через такие коллокации, как *Venäjä on muuta kuin* ‘Россия – это другое, нежели’, *Venäjä ei ole eriskummallinen* ‘Россия не очень странная’, *Eri asia kuin Venäjä* ‘другое дело, чем Россия’.

Наименее частотными являются коллокации со словоформами *Venäjälle* ‘в Россию’, *Venäjältä* ‘из России’ и партитивная форма *Venäjää*. Первая и вторая используются преимущественно с глаголами движения для обозначения направления передвижения или путешествия: *matkustin Venäjälle* ‘я путешествовал в Россию’; *rautatietheys Venäjälle* ‘железнодорожное сообщение в Россию’; *sopii Venäjälle* ‘подходит России’; *saapuminen Venäjälle* ‘прибытие в Россию’; *Venäjälle matkustettaessa* ‘при поездке в Россию’; *lähteä Venäjälle* ‘отправляться в Россию’; *matkaraportti Venäjältä* ‘отчет о поездке из России’.

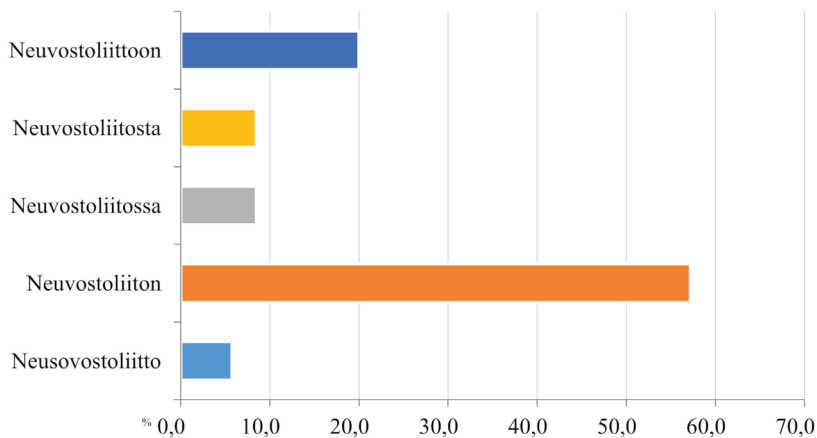
Коллокации, в которых номинация страны репрезентуется через единицу *Neuvostoliitto* ‘Советский союз’, встречаются прежде всего в контекстах, описывающих воспоминания о прошлых путешествиях, то есть интернет-травелогах мемуарного типа. Частотность словоформ представлена на рисунке 3.

Генетивная форма *Neuvostoliitto* является преобладающей, при этом среди коллокаций выделяются:

1) Коллокации с единицей *aika* ‘время’, имеющие временное значение, например:

Neuvostoliiton aikaan kaupunki oli suljettu ulkomaalaisilta ja kaupungin nimi oli Gorki ‘В советское время город был закрыт от иностранцев и назывался Горький’;

Se oli vain valtion ylimpien virkamiesten ja muiden keskeisten henkilöiden, Neuvostoliiton aikaan kommunistisen puolueen johdon käytettävissä ‘Она была доступна только высшим государственным чиновникам и другим ключевым лицам, в советское время – руководству Коммунистической партии’;

 Р и с. 3. Частотность словоформ *Neuvostoliitto*

 F i g. 3. Frequency of *Neuvostoliitto* word forms

Neuvostoliiton aikaan oli toimistolla lähes sata työntekijää ‘В советское время в офисе работало около ста человек’;

2) Коллокации с формами глагола *hajota* ‘разваливаться’:

Neuvostoliiton hajoaminen tuli jotakuinkin yllätyksenä ‘Распад Советского союза стал некоторой неожиданностью’;

Moskovasta ja Pietarista ehkä Leninin patsaat poistettiin Neuvostoliiton hajottua, mutta muualla maassa ne eivät todellakaan ole mihinkään katoava luonnonvara ‘В Москве и Санкт-Петербурге, возможно, статуи Ленина были убраны после распада Советского Союза, но в остальной части страны они точно не являются исчезающим ресурсом’.

3) Коллокации с единицами, тематически связанными с туризмом:

Neuvostoliiton matkailun erityispiirteistä en koskaan tottunut siihen, että en voinut ystäväystyä kunnolla paikallisten ihmisten kanssa ‘Из-за особенностей советского туризма я никак не смог привыкнуть к тому, что не мог как следует подружиться с местными людьми’;

Neuvostoliiton matkakohteet tulivat tutuiksi Kaukasian, Keski-Aasian ja Siperian kiertomatoilla ‘Советские туристические объекты стали известны во время поездок по Кавказу, Средней Азии и Сибири’.

На втором месте по частотности находится иллативная форма, используемая для обозначения направления движения. В представленных контекстах случаи употребления достаточно разнообразны, однако они все связаны с направлением путешествия, например:

Tarve palkata oli kova koska matkailubuumi Neuvostoliittoon oli nousukiidossa ‘Необходимость нанимать сотрудников была острой, поскольку туристический бум в Советском Союзе был на подъеме’;

Matkustus Neuvostoliittoon hiipui triplasti nopeammin kuin se oli 70- ja 80-luvuilla kasvanut ‘Поездки в Советский Союз сокращались втрое быстрее, чем росли в 1970-е и 1980-е годы’.

Интересным кажется употребление коллоката *Neuvostoliitossa* ‘в Советском союзе’ только в сочетании с прилагательным *entinen* ‘бывший’, что придает всей коллокации еще и временное значение.

Элативная форма *Neuvostoliitosta* ‘из Советского союза’ употребляется в сочетании с туристической лексикой:

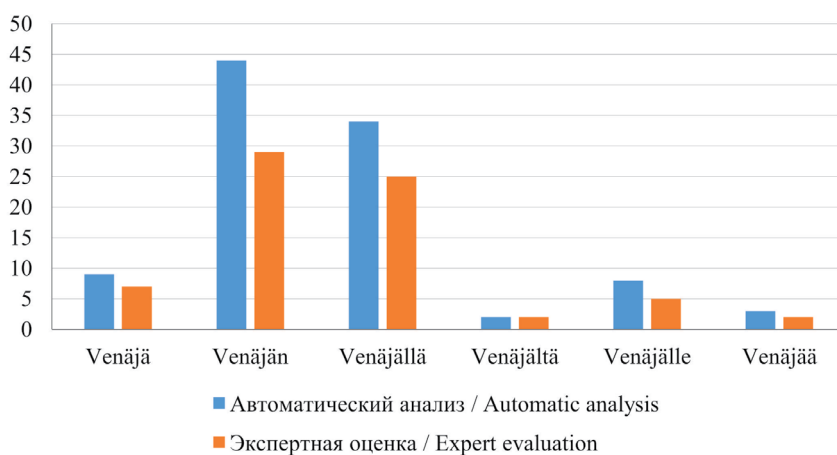
Neuvostoliitosta ulkomaanmatkailu länteen oli ollut harvojen oikeus ‘Заграничные поездки из Советского союза были возможностью немногих’.

Последним вариантом номинации стало образное наименование «наш восточный сосед», встретившееся в материале всего один раз в комбинации: *matkakohteena itänaapurimme* ‘объект поездки – наш восточный сосед’.

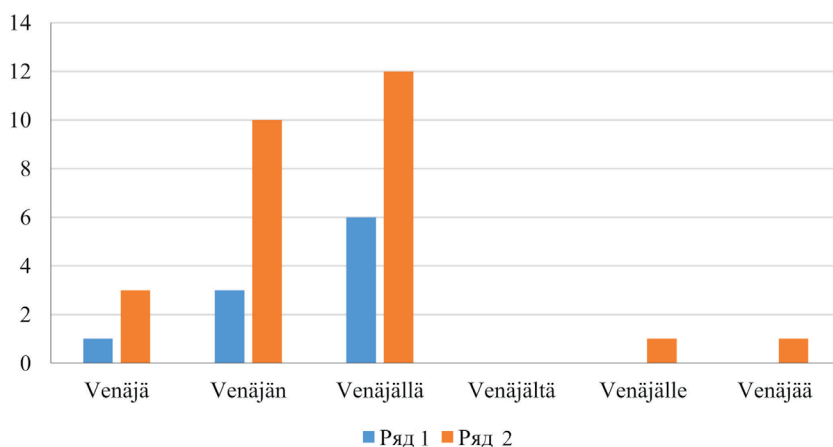
Анализ контекстов показывает, что номинация *Venäjä* является более универсальной, в то время как *Neuvostoliitto* служит для отсылки к конкретной временной эпохе, а локус отходит на второй план.

Как видно из анализа коллокаций, большинство контекстов носит нейтральный характер. Автоматический сентимент-анализ и экспертная оценка подтверждают эти данные. Стоит отметить, что результаты экспертной оценки отличаются и тяготеют к меньшей нейтральности. Для наглядности представим данные в рисунках 4, 5, 6.

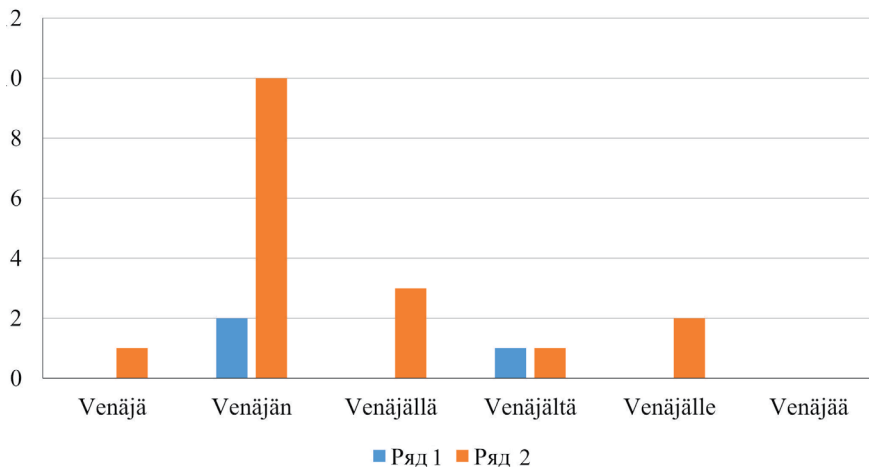
Опрос носителей языка, проводивших экспертную оценку, показал, что такие различия объясняются субъективными ассоциациями, возникающими при прочтении контекста целиком. При этом зачастую негативность или позитивность была связана не с номинацией страны, а, скорее, с общим значением предложения или другими экспрессивными единицами. Все контексты, в которых встречались коллокации с вариантом номинаций *Neuvostoliitto* и *itänaapurimme* были одинаково оценены как нейтральные и системой автоматического анализа, и экспертами.

Р и с. 4. Количество нейтральных контекстов
F i g. 4. The Number of Neutral Contexts

Р и с. 5. Количество положительных контекстов
F i g. 5. The Number of Positive Contexts

Р и с. 6. Количество негативных контекстов
 F i g. 6. The Number of Negative Contexts

Заключение

Проведенный анализ показал, что коллокации, в которых одна из единиц представляет собой номинацию страны, является важным элементом, репрезентирующим концепт «Россия» и несущим аксеологическую нагрузку.

Более частотным и в то же время неоднозначным является коллокат *Venäjä* ‘Россия’, разные словоформы которого способствуют процессу стереотипизации образа страны как культурно-специфического самобытного пространства, представляющего широкие возможности для туризма. Интересно, что анализируемый материал содержит и примеры дестереотипизации – Россия открывается путешественнику с новых ракурсов, руссоцентрический дискурс становится более многогранным. Все это способствует возникновению эффекта «открытия» страны через личные переживания и опыт, что соответствует цели травелога как жанра.

В то же время коллокации с номинацией *Neuvostoliitto* ‘Советский союз’ характеризуют и стереотипизируют не локацию или политический строй, а эпоху, отсылая читателя к особенностям поездок того временного периода.

Независимо от семантической просодии, все контексты с анализируемыми коллокациями участвуют в формировании образа страны, задавая определенные концептуальные доминанты, складывающиеся в общий дискурсивный канон описания России в интернет-травелогах, представляющих ее как пространство, открывающееся с новой стороны, удивляющее, полное экономической и культурной жизни.

Результаты работы в виде указанных доминант дополняют исследования по описанию репрезентации концепта «Россия» в иноязычных дискурсах и лингвокультурах. Предложенная комбинация автоматического сентимент-анализа и экспертной оценки коллокаций, содержащих номинации стран, может быть использована для определения аксеологической нагрузки других важных для лингвокультуры концептов в разных типах дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Кузнецова Л.В., Викулина М.А. Особенности концептуализации образа России в англоязычных СМИ. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки.* 2018;(17):95–108. URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/17_815.pdf (дата обращения: 18.10.2024).

- Kuznetsova L.V., Vikulina M.A. Special Aspects of Conceptualization of Russia in English Language Media. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences*. 2018;(17):95–108. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/17_815.pdf (accessed 18.10.2024).
2. Белоглазова Е.В. Грамматические средства конструирования концептуальных доминант руссоцентрического дискурса. *Когнитивные исследования языка*. 2024;(2–2):34–37. EDN: **NWZAHW**
Beloglazova E.V. The Role of Grammar in Constructing Conceptual Mainstays in Russia-Centered Discourse. *Cognitive Studies of Language*. 2024;(2–2):34–37. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: **NWZAHW**
  3. Ступницкая М.И. Репрезентация образа России в публицистическом дискурсе Франции. *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2008;(3):28–29. URL: <https://clck.ru/3GRV4P> (дата обращения: 18.10.2024).
Stupnitskaya M.I. Representation of an Image of Russia in a Publicistic Discourse of France. *Humanitarian Research in the Eastern Siberia and the Far East*. 2008;(3):28–29. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3GRV4P> (accessed 18.10.2024).
  4. Сосой О.А. Образ России в немецких электронных СМИ. *Верхневолжский филологический вестник*. 2015;(3):63–68. URL: <https://vv.yspu.org/wp-content/uploads/sites/4/2016/05/VFV-3-2015.pdf> (дата обращения: 18.10.2024).
Sosoi O.A. Image of Russia in German Electronic Mass Media. *Verhnevolzhski Philological Bulletin*. 2015;(3):63–68. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://vv.yspu.org/wp-content/uploads/sites/4/2016/05/VFV-3-2015.pdf> (accessed 18.10.2024).
  5. Белоглазова Е.В., Осмак Н.А., Шувалова Е.К. Формальные маркеры и содержательные доминанты руссоцентрического дискурса: кросс-языковое корпусное исследование. *Вестник НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2024;22(1):105–119. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2024-22-1-105-119>
Beloglazova E.V., Osmak N.A., Shuvalova E.K. Formal Markers and Conceptual Mainstays of the Russia-Centered Discourse: A Cross-Linguistic Corpus Study. *Vestnik NSU. Ser.: Linguistics and Intercultural Communication*. 2024;22(1):105–119. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2024-22-1-105-119>
  6. Белоглазова Е.В., Генидзе Н.К. Rossica и Belarossica: общие и культурно-специфические маркеры дискурсов иноязычного описания России и Белоруссии. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2023;(4):108–115. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2023-4-108-115>
Beloglazova E.V., Genidze N.K. Rossica vs Belarossica: Universal and Culture-Specific Features of Russia- and Belarus-Centered Discourses. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2023;(4):108–115. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2023-4-108-115>
  7. Песонен П. Россия как мифологизированное пространство в современной финской литературе. *Studia Russica*. 2011;(12):184–203. URL: <https://clck.ru/3GRVaU> (дата обращения: 18.10.2024).
Pesonen P. [Russia as a Mythologised Space in Contemporary Finnish Literature]. *Studia Russica*. 2011;(12):184–203. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3GRVaU> (accessed 18.10.2024).
  8. Коржилова Н.В. Приемы композиционно-синтаксического анализа дискурса травелога (на материале анализа травелогов о путешествии по Якутии). *Вестник СВФУ*. 2020;(4):59–71. <https://doi.org/10.25587/n2183-9965-1444-e>
Korzhikova N.V. Methods of Composition-Syntactic Analysis of Travelog Discourse (on the Material of Travelog Analysis on Traveling in Yakutia). *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2020;(4):59–71. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.25587/n2183-9965-1444-e>
  9. Ефимовский Е. Жанровая специфика травелога. *Art Logos*. 2021;(1):79–91. https://doi.org/10.35231/25419803_2021_1_79
Jefimowski E. Genre Specifics of Travelogue. *Art Logos*. 2021;(1):79–91. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.35231/25419803_2021_1_79
  10. Колокольцева Т.Н. Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог). *Жанры речи*. 2016;(2):96–104. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-96-104>
Kolokol'tseva T.N. Dialogism in the Genres of Internet Communication (Chat, Forum, Blog). *Speech Genres*. 2016;(2):96–104. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-96-104>
  11. Прокофьева А.В. Развитие дискурса интернет-пространства на современном этапе и особенности его языковой организации. *Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика*. 2017;(5):85–96. URL: <https://www.linguamgou.ru/jour/article/view/496> (дата обращения: 18.10.2024).
Prokofieva A.V. The Present Stage of Development and Language Structural Organisation of the Internet Discourse. *Vestnik MGOU. Ser.: Lingvistika*. 2017;(5):85–96. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.linguamgou.ru/jour/article/view/496> (accessed 18.10.2024).

12. Тошович Б. Стилистический интернет. *Актуальные проблемы стилистики*. 2017;(3):133–145. EDN: YPGSTJ
Tošović B. Stylistic Internet. *Aktual'nye Problemy Stilistiki*. 2017;(3):133–145. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: YPGSTJ
13. Влавацкая М.В. Комбинаторная лексикология: функционально-семантическая классификация коллокаций. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015;(11–1):56–60. <https://philology-journal.ru/article/phil20152213/fulltext> (дата обращения: 13.10.2024).
Vlavatskaya M.V. Combinatorial Lexicology: Functional and Semantic Classification of Collocations. *Philology: Theory & Practice*. 2015;(11–1):56–60. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://philology-journal.ru/article/phil20152213/fulltext> (accessed 13.10.2024).
14. Partington A. «Utterly Content in Each Other's Company»: Semantic Prosody and Semantic Preference. *International Journal of Corpus Linguistics*. 2004;(9):131–156. <https://doi.org/10.1075/ijcl.9.1.07par>
15. Linden K., Jauhiainen T., Hardwick S. FinnSentiment: A Finnish Social Media Corpus for Sentiment Polarity Annotation. *Language Resources and Evaluation*. 2023;57:581–609. <https://doi.org/10.1007/s10579-023-09644-5>

Информация об авторе:

Осьмак Наталья Андреевна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой языков Северной Европы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1436-6225>, SPIN-код: 5134-8922, nataliaosmak@ Herzen.spb.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 23.11.2024; одобрена после рецензирования 16.12.2024; принята к публикации 23.12.2024.

Information about the author:

Natalya A. Osmak, Cand.Sci. (Philol.), Head of the Department of Languages of Northern Europe, Herzen State Pedagogical University of Russia (48 Moyka Embankment, St. Petersburg 191186, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1436-6225>, SPIN-code: 5134-8922, nataliaosmak@ Herzen.spb.ru

Author has read and approved the final manuscript.

Submitted 23.11.2024; revised 16.12.2024; accepted 23.12.2024.

**ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS**<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.047-055>EDN: <https://elibrary.ru/tztzuu>

УДК / UDC 81'362

Оригинальная статья / Original article

Формант *-päi (-riäi)* в падежах послеложного образования (на примере ливвиковского и людиковского наречий)

А. П. Родионова ✉, Т. П. Бойко

*Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН,
г. Петрозаводск, Российская Федерация*✉ santrar@krc.karelia.ru*Аннотация*

Введение. В новописьменных грамматиках карельского языка в настоящее время принято выделять два послеложных варианта показателей элатива и аблатива на *-späi/-späiäi*, *-lpäi/-lpäiäi*. Еще один падеж – адитив, образованный путем слияния окончания иллатива с формантом *-päi (-riäi)*, до сих пор не был включен в грамматику карельского языка. Цель исследования – корректировка правил новописьменных вариантов ливвиковского и людиковского наречий карельского языка.

Материалы и методы. Исследование проведено на материалах Открытого корпуса вепского и карельского языков. В работе были применены традиционные методы лингвистического исследования: общенаучный, сравнительно-сопоставительный и сравнительно-исторический, которые позволили выявить и доказать правомерность использования в карельском языке новейших падежей послеложного образования.

Результаты исследования и их обсуждение. В статье рассматривается процесс образования новых послеложных падежей путем слияния послелога *räi/räin* с показателем местного падежа. Он способствовал возникновению в карельском языке трех падежей: элатива, аблатива и адитива. Первые два включены в новописьменные грамматики ливвиковского наречия. Адитив, несмотря на активное употребление в речи, в грамматику пока не включен. В Открытом корпусе вепского и карельского языков содержится большой массив текстового материала, который включает в себя диалектные тексты и тексты, написанные на нормированных вариантах карельского языка. При анализе новописьменных текстов корпуса в примерах, где используется адитив, нет единообразия в его написании: формант *-räi/-riäi* пишется как слитно, так и раздельно.

Заключение. На основе проведенного анализа авторы статьи предлагают включить адитив в новописьменную грамматику карельского языка. Материалы статьи могут быть полезны при корректировке правил орфографии для новописьменных вариантов карельского языка, а также при подготовке учебной литературы для людиковского наречия карельского языка. Более тщательный анализ материалов корпуса в дальнейшем сможет поспособствовать уточнению некоторых правил орфографии новописьменных вариантов карельского языка, что особенно важно для людиковского наречия карельского языка, поскольку его единая литературная форма до сих пор на стадии формирования.

Ключевые слова: элатив, аблатив, адитив, ливвиковское наречие, людиковское наречие, новописьменный язык, Открытый корпус вепского и карельского языков, грамматикализация послелогов

Финансирование: публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания КарНЦ РАН (Тема № 124022000089-4 «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада России в условиях цифровизации научных знаний»).

© Родионова А. П., Бойко Т. П., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Родионова А.П., Бойко Т.П. Формант *-päi* (*-piäi*) в падежах послеложного образования (на примере ливвиковского и людиковского наречий). *Финно-угорский мир*. 2025;17(1):47–55. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.047-055>

The Formant *-päi* (*-piäi*) in Postpositional Cases (on the Example of Livvi and Ludian Dialects)

A. P. Rodionova ✉, T. P. Boyko

*Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation*
✉ santrar@krc.karelia.ru

Abstract

Introduction. In contemporary grammars of the newly standardized Karelian language, it is customary to distinguish two postpositional variants of the elative and ablative markers: *-späi/-spiäi* and *-lpäi/-lpiäi*. Another case, the additive, formed by the fusion of the illative ending with the formant *-päi* (*-piäi*), has not yet been incorporated into the grammatical framework of the Karelian language. The aim of this study is to refine the grammatical rules of the newly standardized variants of the Livvi and Ludian dialects of Karelian.

Materials and Methods. The study is based on materials from the Open Corpus of the Veps and Karelian languages. Traditional linguistic research methods were employed, including the general scientific, comparative-contrastive, and comparative-historical methods. These approaches enabled the identification and validation of the legitimacy of using the newest postpositional case forms in the Karelian language.

Results and Discussion. The article examines the formation of new postpositional cases through the fusion of the postposition *päi/päin* with the local case marker. This process has contributed to the emergence of three cases in the Karelian language: elative, ablative, and additive. The first two have been incorporated into the newly standardized grammars of the Livvik dialect, while the additive case, despite its active use in spoken language, has not yet been formally included in grammatical descriptions. The Open Corpus of Veps and Karelian contains a substantial body of textual material, encompassing both dialectal texts and texts written in the standardized variants of the Karelian language. An analysis of newly written texts in the corpus reveals a lack of uniformity in the spelling of the additive case: the *-päi/-piäi* formant appears both as a single word and as a separate element.

Conclusion. Based on the conducted analysis, the authors propose incorporating the additive into the newly standardized grammar of the Karelian language. The findings of this study may be useful for refining orthographic rules for the newly standardized variants of Karelian, as well as for the development of educational materials for the Ludic dialect. A more in-depth corpus analysis in the future may further contribute to the adjustment of certain orthographic rules in these variants, which is particularly important for the Ludic dialect, as its unified literary form is still in the process of development.

Keywords: Elative, Ablative, Additive, Livvi dialect, Ludian dialect, Karelian dialect proper, newly written language, Open corpus of Vepsian and Karelian languages, grammaticalization of postpositions

Funding: This publication has been prepared as part of the state-funded research project of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Project No. 124022000089-4, “Baltic-Finnic Languages of Northwestern Russia in the Context of Digitalization of Scientific Knowledge”).

For citation: Rodionova A.P., Boyko T.P. The Formant *-päi* (*-piäi*) in Postpositional Cases (on the Example of Livvi and Ludian Dialects). *Finno-Ugric World*. 2025;17(1):47–55. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.047-055>

Введение

В финно-угорских языках послелог, находясь в постпозиции, со временем способны грамматикализироваться в падежные или глагольные формы¹. Такие падежи принято называть послеложными падежами, или падежами позднейшего образования [1; 2]. В карельском языке форманты послеложных падежей формируются путем слияния падежного окончания с редуцированным послелогом².

¹ Родионова А. П. Семантика карельской грамматики. Петрозаводск : Карельский научный центр, 2015. С. 78.

² Там же. С. 60.

В исследовании авторы обращаются к вопросу грамматикализации послелого *päin* в карельском языке в падежную форму и, как следствие, возникновения в языке новейших послеложных падежей с форматном *-päi* (*-piäi*): элатива, аблатива, адитива. Последний падеж в грамматиках ливвиковского и людиковского наречий в настоящий момент не выделяется.

Цель исследования – описать новейшие послеложные падежи в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка, а также предложить пересмотреть падежную парадигму, включив в нее падеж адитив.

Обзор литературы

Вопрос возникновения послеложных падежей в прибалтийско-финских языках был описан в разное время в трудах отечественных³ и зарубежных авторов⁴. Такие падежи ученые называют по-разному: падежные окончания⁵ [3], суффиговые послелогии⁶, агглютинаты⁷ и др. В новописьменной грамматике ливвиковского наречия карельского языка в качестве новейших выделяют три послеложных падежа: комитатив на *-nke*, элатив *-späi* и аблатив на *-lpäi*⁸. В последнее время исследователи также настаивают на включении в новописьменную грамматику еще двух послеложных падежей – аппроксиматива и терминатива, которые широко употребляются в диалектной речи носителей языка⁹ [4]. Данное предложение вполне правомерно, поскольку вышеназванные падежи соответствуют всем критериям, свидетельствующим о слиянии послелого с формой имени и превращении его в часть падежного форманта. В данной статье мы рассмотрим послеложные падежи с формантом *-päi*/*-piäi*, к которым в карельском языке относятся элатив, аблатив и адитив. Элатив и аблатив уже включены в новописьменную грамматику ливвиковского наречия. Адитив как отдельный падеж долгое время оставался за пределами исследований [5].

Материалы и методы

Объектом рассмотрения в статье стали падежи послеложного образования с формантом *-päi* (*-piäi*). Основным источником материала исследования послужили тексты Открытого корпуса вепского и карельского языков (далее – ВепКар)¹⁰ [6]. В работе были применены следующие методы исследования: теоретический, общенаучный, включающий в себя наблюдение и описание, а также сравнительно-сопоставительный и сравнительно-исторический. Использование данных методов позволило не только выявить послеложный падеж адитив в карельском языке, который выделяется в близкородственном вепском языке, но и доказать правомерность его использования в новейших грамматиках наряду с элативом и аблативом.

Результаты исследования и их обсуждение

Падежная система карельского языка находится в процессе непрерывного развития: одни падежные формы находятся на стадии формирования, другие, наоборот, выходят из обращения и постепенно переходят в разряд наречий. В карельском языке исследователи выделяют от 9 до

³ Зайцева Н. Г. Именное словоизменение в вепском языке. Петрозаводск : Карелия, 1981. 217 с.

⁴ Grünthal R. Finnic Adpositions and Cases in Change. Helsinki : SUST 244, 2003. 235 s.; Oinas F. The Development of Some Postpositional Cases in Balto-Finnic Languages. Helsinki : SUS, 1961. 162 p.

⁵ Зайцева Н. Г. Послеложные падежи в вепском языке // Вопросы советского финно-угроведения. Саранск, 1972. 154 с.; Viitso T.-R. Äänisvepsa murde väljendustasandi kirjeldus // Ученые записки Тартуского государственного университета. № 218. Тарту, 1968. 382 с.

⁶ Tikka T. Vepsän suffiksoituneet postpositiit // Studia Uralica Upsaliensia 22. Uppsala, 1992. 208 s.

⁷ Хмяляйнен М. М. О развитии гласных в конце слова в карельском и вепском языках // Прибалтийско-финское языкознание. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук, 1963. С. 84–109.

⁸ Карельский язык в грамматиках. Сравнительное исследование фонетической и морфологической систем / И. Новак [и др.]. Петрозаводск : Изд-во КарНЦ РАН, 2019. С. 231.

⁹ Зайцева Н. Г. Падежи послеложного образования в вепском языке // Вопросы финно-угроведения. Саранск, 1975. Вып. VI. С. 56–63; Ковалева С. В., Родионова А. П. Традиционное и новое в лексике и грамматике карельского языка (по данным социолингвистического исследования). Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2011. 138 с.

¹⁰ В настоящее время в корпусе (<http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru>) размещено более 7 тыс. текстов на 56 диалектах карельского и вепского языков, более 70 тыс. словарных статей и более 2 млн слов.

16 продуктивных падежей [7]. Это напрямую связано с существенными отличиями падежных систем его наречий (собственно карельского, ливвиковского и людиковского) и диалектов¹¹ [4].

К одному из основных морфологических отличий наречий карельского языка следует отнести такую особенность системы местных падежей, как совпадение в собственно карельском наречии падежей адессива и аллатива (-lla/-llä, -la/-lä), в ливвиковском и людиковском – инессива и элатива (-s), в ливвиковском – адессива, аблатива и аллатива (-l), в людиковском – адессива и аблатива (-l) [5].

Эти изменения имеют под собой историческую подоплеку. На становление ливвиковских говоров сильное влияние оказал близкородственный вепсский язык¹². Результаты исторического развития сказались прежде всего на употреблении конечных гласных в абсолютном конце слова¹³. В ливвиковском наречии гласные *a*, *ä* в конечной позиции перешли в *u*, *y* (*akku* ‘женщина’, *nahku* ‘кожа’), а в большинстве диалектов людиковского наречия конечные гласные, как и в вепсском языке, отпали; в части людиковских говоров конечные *a*, *ä* в определенных случаях перешли в *e* (*akk(e)* ‘женщина’, *nahk(e)* ‘кожа’). Утратив конечные гласные *-a*, *-ä*, а также один из конечных согласных звуков, карельский язык испытал синкретизм падежей: инессив совпал с элативом, а адессив – с аблативом, в некоторых диалектах – с аллативом¹⁴. С свою очередь, в южных наречиях карельского языка развились послеложные падежи: элатив с окончанием *-späi*, *-spiäi* и аблатив с окончанием *-lpäi*, *-lpiäi*. Далее более подробно рассмотрим указанные падежи.

Элатив. В карельском языке элатив входит в число одного из трех внутреннеместных падежей. В ливвиковском и людиковском наречиях для элатива характерны два окончания: историческая форма элатива, которая совпала с инессивом, *-s* и современное элативное окончание *-späi* (*-spiäi*), образованное путем слияния *-s*-ового внутренне-местного элемента и послелога *päin*: *-späi* (*-spiäi*) < *-s* + *-päi* (*-piäi*) < *-s* + *päin*¹⁵. Именно употребление послелога *-päi* / *-piäi* в падежном окончании служит основным различием совпавших форм инессива и элатива¹⁶. Следует подчеркнуть, что элатив послеложного образования используется в диалектах ливвиковского наречия, как правило, для обозначения явной пространственной исходности действия:

ливв. *Tämä linnu on olluh hyvin tärgei kohtu vahnal vezitiel Skandinuaviespäi Vizantijeh* ‘Этот город был важным местом на старом водном пути из Скандинавии в Византию’¹⁷.

Со временем элатив с окончанием *-späi* в новописьменных текстах стали употреблять и в других значениях. Например, в значении материала, из которого изготовлено что-либо¹⁸. Здесь могло отразиться влияние близкородственного финского языка:

Ennepäi se azuttih tuomespäi, vičan krutitah i vičat tuomizet ‘Раньше его изготавливали из черемухи, прут скручивали черемуховый’¹⁹;

Konzu ruavas liipukku kuorivuu kuoespäi, emäčcy muniu lehtile jäiččästy ‘Когда взрослая бабочка освобождается от кожицы, женская особь откладывает на листьях яйца’²⁰.

¹¹ Карельский язык в грамматиках. Сравнительное исследование фонетической и морфологической систем / И. Новак [и др.]. С. 190.

¹² Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск : Гос. изд-во Карело-Финской АССР, 1947. 51 с.; Бубрих Д. В. Сравнительная грамматика финно-угорских языков в СССР // Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук. 1948. Вып. 2. 34 с.; Itkonen T. Aloja ja aiheita. Helsinki. SUS 216, 1993. S. 112–143.

¹³ Хямляйнен М. М. О развитии гласных в конце слова в карельском и вепсском языках. С. 84–109.

¹⁴ Зайков П. М. Грамматика карельского языка (фонетика и морфология). Петрозаводск : Периодика, 1999. С. 44.

¹⁵ Grünthal R. Finnic Adpositions and Cases in Change. S. 92–109.

¹⁶ Карельский язык в грамматиках. Сравнительное исследование фонетической и морфологической систем / И. Новак [и др.]. С. 216.

¹⁷ Ogneva O. “Luadogu luaskau, sinine meri...” [Электронный ресурс] // ВепКар. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/2361> (дата обращения: 17.06.2024).

¹⁸ Родионова А. П. Семантика карельской грамматики. С. 55–56; 65.

¹⁹ Бойко Т. П. Соха [Электронный ресурс] // ВепКар. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/4431> (дата обращения: 17.06.2024).

²⁰ Ogneva O. Kezä keskel talvie [Электронный ресурс] // ВепКар. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/1423> (дата обращения: 17.06.2024).

В других случаях употребляется старое элативное окончание *-s*:

ливв. *Otat poal'čal kuoret, sul'činukuoret, pudropadaizen päčis* 'Берешь с полки корки, корки для сканцев, **с (из)** печки горшок с кашей'²¹;

Nikonzu minä en eroitannuh iččie nähtäväs da tundiettavas rakkahas minun hierun muailmas: peldolois, mečäs, joves, järvis da rinnal olijois lähäzis ristittyis 'Я никогда не отделял себя **от** видимого и узнаваемого милого мира моей деревни: полей, леса, реки, озер и близких мне людей'²²;

Dai hätken karjalaine ei voinnuh kieldävyö moizes päčis 'И долго карел не мог отказаться **от** такой печки'²³.

В текстах людиковского подкорпуса VenKar также встречаются два варианта окончания элатива. В диалектных текстах часто можно увидеть примеры с употреблением элатива послеложного образования:

люд. *A suadihgo sigäpiäi salvospiäi midä vai ei?* 'А доставали ли оттуда, **из** сруба, что-либо или нет'²⁴;

Da kai buitoku krasn'armeičat tuldah mečäspiäi d'ogiči neččih Lahteh 'Как будто бы красноармейцы придут **из** леса по мостам в Лахту!²⁵;

Tuatto oli ven'alaine Vologdan alovehespiäi 'Отец был русским **из** Вологодской области'²⁶.

Как и в ливвиковском, в людиковском наречии в примерах текстов у элатива может встречаться окончание *-s*:

люд. *Akad davai hänte čakata provodittih iäre časounas* 'Бабы давай ее ругать, выгнали **из** часовни'²⁷;

Maltan vard'oita kodid kaikis pahusiis 'Умею дом охранять **от** всего дурного'²⁸;

D'oga informantas meil diädih mielehižed muštod 'О каждом информанте у нас остались приятные воспоминания'²⁹.

Аблатив. В карельском языке аблатив относится к внешнеместным падежам. В ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка у аблатива и адессива также может использоваться общий для них показатель *-l*.

Для различения этих совпавших форм, как в случае с элативом и инессивом, характерно употребление аблативного окончания послеложного образования *-lpäi* в ливвиковском наречии (*pello-lpäi, päči-lpäi*) и *-lpiäi* – в людиковском (*peldo-lpiäi, päči-lpiäi*)³⁰. Аблатив послеложного образования используется в диалектах ливвиковского и людиковского наречий главным образом для обозначения явной пространственной исходности действия:

ливв. *Oniegujärvelpäi pohjازه piästih vezitielöi myöte* 'С Онежского озера на север попадали по водным путям'³¹;

²¹ Бойко Т. П. Сканец (тонкий блин с начинкой) [Электронный ресурс] // VenKar. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/4353> (дата обращения: 17.06.2024).

²² Zaitsev N. Oma randu [Электронный ресурс] // VenKar. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/1654> (дата обращения: 17.06.2024).

²³ Kononova J. Ven'alaine päčči karjalazes talois [Электронный ресурс] // VenKar. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/1804> (дата обращения: 17.06.2024).

²⁴ Коцчуримägi = Котчури-гора [Электронный ресурс] // VenKar. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/1613> (дата обращения: 17.06.2024).

²⁵ Opät' tuldah krasnuoit = Опять пришли красные [Электронный ресурс] // VenKar. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/3109> (дата обращения: 17.06.2024).

²⁶ Pelevina L. Opindaz ubitkua ei rodei [Электронный ресурс] // VenKar. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/3338> (дата обращения: 17.06.2024).

²⁷ Külän časoune = Деревенская часовня [Электронный ресурс] // VenKar. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/1615> (дата обращения: 17.06.2024).

²⁸ Šan'uu P. Ken ei suvaiče hiiriid, sil pidäy armastada kažid [Электронный ресурс] // VenKar. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/3344> (дата обращения: 17.06.2024).

²⁹ Šan'uu P. Keradomatk luudiläižiilluo [Электронный ресурс] // VenKar. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/3360> (дата обращения: 17.06.2024).

³⁰ Родионова А. П. Семантика карельской грамматики. 2015. С. 58.

³¹ Ogneva O. Lapin taival, Lapin randu [Электронный ресурс] // VenKar. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/2469> (дата обращения: 17.06.2024).

Täh kogomukseh oli pandu läs puoldutostu tuhattu arhaitustu Karjalan eri puolilpäi ‘В этот сборник было собрано около полутора тысяч загадок с разных уголков Карелии’³²;

Enzimäzen kerran hyö lähtiittih niilöil mualoilpäi vuozinnu 1581–1595, konzu sinne tul dih ruočit ‘Первый раз они ушли с тех земель в 1581–1595 годах, когда туда пришли шведы’³³.

люд. *Ku lähtet pogostalpäi sid oli Samsuoimmägi* ‘Как пойдешь от погоста, первой была гора Самсуойнмяги’³⁴;

Vel’l’em poigat kävüttih, muamot tuatot Petrouskuoilpäi gostih ‘Дети брата, мать и отец из Петрозаводска приезжали в гости’³⁵;

A vie pidäv mändä Lidzmlpäi on Palatez d’ärved da kai, loitokse Ahpoiselgäh ‘От Лижмы еще Палатозеро есть, далеко нужно идти в Ахпойсельгу’³⁶.

Для обозначения других значений в аблативе используется окончание *-l*, например: люд. *Häi kuzuw starikal* ‘Он спрашивает у старика (досл. от старика)’³⁷; *Enzimäized lyydilaized sanad kuulin pruabuabol* ‘Первые слова на людиковском слышал от прабабушки’³⁸; ливв. *Omal diedol kyzeli* ‘У деда (досл. от деда) своего спрашивал’³⁹.

Употребление послеложных падежей элатива и аблатива закреплено в грамматике ливвиковского варианта новописьменного карельского языка⁴⁰. Такой вариант написания характерен для тех случаев, когда речь идет о явной пространственной исходности. В других примерах используется историческая форма элатива/аблатива, которая совпала с инессивом/адессивом, и формальных оснований для ее выделения нет. Следует подчеркнуть, что при выражении обстоятельственных отношений выбор падежной формы нередко зависит от лексического значения глагола.

Что касается людиковского наречия, то чаще всего при составлении учебных пособий и словарей, подготовленных в Финляндии (в работах современных финляндских исследователей людиковское наречие признается как самостоятельный язык – *Aem.*), формант *-piä/-piäi* принято писать отдельно, рассматривая это явление как послеложную конструкцию: *kodiš piä* ‘из дома’, *edahan minus piä* ‘далеко от меня’, *randal piä* ‘с берега’, *kaik d’uoksaittih ozatuzkohtal piä tagembaks* ‘все отбежали от места происшествия подальше’⁴¹. Это может быть обосновано тем, что при подготовке учебных пособий их авторам было бы проще не включать в грамматику падежи послеложного образования, тем самым уменьшив количество падежей.

Адитив. Как уже было отмечено, до настоящего момента падеж адитив в новописьменную грамматику ливвиковского наречия не был включен. В близкородственном вепском языке он был выделен исследователями как самостоятельный падеж⁴². На этом основании было предложено включить адитив в парадигму людиковского наречия [5],

³² Mironova V. *Kniigu on se, mi kielettääh pagizou* [Электронный ресурс] // ВепКар. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/1416> (дата обращения: 17.06.2024).

³³ Sinitskaja N. *Karjalazet – tuulen puhaldetut umbäri muadu* [Электронный ресурс] // ВепКар. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/2294> (дата обращения: 17.06.2024).

³⁴ *Pelduoizen kohtat* = Пелдожские места [Электронный ресурс] // ВепКар. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/1614> (дата обращения: 18.06.2024).

³⁵ *Bohatterin Miikkul* = Мийккул Богаттерин [Электронный ресурс] // ВепКар. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/1883> (дата обращения: 18.06.2024).

³⁶ *Kui Pekan Timuoi opasti akkat* = Как Тимуой Пекан «проучил» жену [Электронный ресурс] // ВепКар. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/2163> (дата обращения: 18.06.2024).

³⁷ *Pedri-cairi* = Царь Петр [Электронный ресурс] // ВепКар. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/5395> (дата обращения: 18.06.2024).

³⁸ *Pelevina L. Opindaz ubitkua ei rodei* [Электронный ресурс] // ВепКар. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/3338> (дата обращения: 18.06.2024).

³⁹ *Larionova V. Hieruine* [Электронный ресурс] // ВепКар. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/1431> (дата обращения: 18.06.2024).

⁴⁰ Карельский язык в грамматиках. Сравнительное исследование фонетической и морфологической систем / И. Новак [и др.]. С. 216.

⁴¹ *Kielipankki. The Language Bank of Finland* [Электронный ресурс]. URL: <https://sanat.csc.fi/wiki/Lud:pi%C3%A4> II (дата обращения: 18.06.2024).

⁴² Зайцева Н. Г. Именное словоизменение в вепском языке. С. 150.

что нашло отражение и в людиковском подкорпусе ВепКар. Пространственный падеж адитив, как элатив и аблатив, состоит из двух формантов: местного (в данном случае – иллативного) окончания и послелога *päin*. Основным, или даже единственным, «ядерным» значением адитива является «указание направления движения»:

люд. *Ildas andamaa händ luodehepiäi ozuttau* ‘Вечером взятый хвост (рыбы) направляют на северо-запад’⁴³, *Mutšoi kat’i’sou pit’kaiže mužikkā-piäi* ‘Жена долго смотрит на мужа’⁴⁴.

В диалектных текстах людиковского подкорпуса нет единообразия в написании адитива: наряду со слитным, встречаются примеры и раздельного написания. В текстах падеж представлен в качестве послеложной конструкции, состоящей из имени в иллативе и послелога *piäi*:

люд. *Siidniemeh piäi on Palvan kylä* ‘В сторону Сигнаволока будет деревня Палва’⁴⁵; *Huõ tožo ruattih neččinä Kaškanah piäi Leppiselgäle* ‘Они тоже работали на Лепписельге в сторону Кашкан’⁴⁶; *Nu siid Časoumägeh piäi nu pieni kodiine da kai* ‘По направлению к Часовенной горе, ну, маленький домик был’⁴⁷.

Можно предположить, что правописание в сборниках образцов речи зависело напрямую от редактора. Такое же двойное написание адитива характерно и для ливвиковского наречия:

ливв. *Čomat ennevahnallizet karjalazet taloit Honganual seizotah sellin Nuožarven järveh piäi, očin dorogah* ‘Красивые старинные карельские дома в Гонганалице стоят задом к озеру Крошнозеру, а фасадом к дороге, которая тянется до конца деревни’⁴⁸; *Karjalan ven’alazis kylis päčinsuu kaččou pertih piäi* ‘В русских селениях Карелии устье печи смотрит в комнату’⁴⁹; *Taloit seizotah očin järveh libo jogeh piäi* ‘Дома стоят фасадом к озеру или реке’⁵⁰.

В публицистических текстах корпуса (в основном это тексты на новописьменном ливвиковском наречии из карелоязычной газеты «Ома тиа» ‘Родная земля’) также встречаются примеры употребления адитива, но зачастую в написании этого падежного форманта нет единообразия даже у одного автора. Включение адитива в падежную парадигму ливвиковского наречия со временем сможет решить проблему написания данного падежного форманта.

ливв. *Jovensuu naverno on, meijän Pogostu lopeh, tiešuari, i onnuako lähtöy suureh mägeh linnahpiäi* ‘Наверное, это устье реки, наш Погост заканчивается, и развилка дорог, кажется, ведет высокой горе, к городу’⁵¹;

Pyhän Luazari Muromalazen eloksenkerdomukses on sanottu, ku lop’libo lop’ane, kudamat elettih Oniegujärven liidehrannal, sirryttih siepäi pohjazehpiäi Vienanmerele ‘В житии Святого Лазаря Муромского сказано, что лопь, или лопяне, которые жили на юго-восточном берегу Онежского озера, переместились оттуда к северу на Белое море’⁵²;

⁴³ Kujola J. *Lyydiläismurteiden sanakirja*. Helsinki : SUS, 1944. S. 88.

⁴⁴ Там же. С. 317.

⁴⁵ *Pelduoizen lohkon külät: Nirkke, Krissan, Mel’i’ičče, Palva, Siidniemi* = Деревни в окрестности Пелдожи: Нирка, Христьяны, Мельница, Палва, Сигнаволок [Электронный ресурс] // ВепКар. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/1789> (дата обращения: 18.06.2024).

⁴⁶ *Pelduoizen lohkon külät: Simaništo, Vašakke, Sürd’e, Barduoiniemi, Lahti* = Деревни в окрестности Пелдожи: Симаништо, Вашакке, Сюрде, Бородиннаволок, Лахта [Электронный ресурс] // ВепКар. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/3311> (дата обращения: 18.06.2024).

⁴⁷ *Kärpi* = Кяппи [Электронный ресурс] // ВепКар. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/3029> (дата обращения: 18.06.2024).

⁴⁸ *Očču* [Электронный ресурс] // ВепКар. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/dict/lemma/10479> (дата обращения: 18.06.2024).

⁴⁹ *Kononova J. Ven’alaine päčči karjalazes talois* [Электронный ресурс] // ВепКар. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/1804> (дата обращения: 18.06.2024).

⁵⁰ *Očču* [Электронный ресурс] // ВепКар. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/dict/lemma/10479> (дата обращения: 18.06.2024).

⁵¹ *Ogneva O. Nygözet kylänagjat da endizet eri hierut Vieljärven rannal. 1* [Электронный ресурс] // ВепКар. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/6018> (дата обращения: 19.06.2024).

⁵² *Ogneva O. Lärin taival, Lärin randu* [Электронный ресурс] // ВепКар. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/2469> (дата обращения: 19.06.2024).

A iellehpäi kunne tuanne matkuau, se jongoi on ajammo Sodderahpäi ‘А дальше [дорога] туда идет, тогда уже едем к Соддеру’⁵³.

Ср. *Lähtemmä Šotd’ärven liideheh päi, kus on Šuojunjovensuu* ‘Пойдем к Шотозерскому юго-востоку, где находится устье реки Шуи’⁵⁴.

Кроме этого, в карельском языке можно встретить наречия, застывшие падежные формы в адитиве: *alahpäi* ‘вниз, книзу’, *bokkahpäi* ‘набок’, *edehpäi* ‘вперед’, *iellehpäi* ‘вперед, дальше’, *ylähpäi* ‘вверх, кверху’ и др. В остальных случаях написание адитива в качестве падежа или послеложной конструкции зависит напрямую от редактора.

Заключение

Авторами были рассмотрены падежи с формантом *-päi* (*-piäi*): элатив, аблатив, адитив. Первые два признаются авторами учебников и закреплены в новописьменных грамматиках. Адитив в карельском языке имеет одно «ядерное» значение – «направление в сторону чего-либо». Вопрос о включении адитива в новописьменные грамматики пока остается открытым. С одной стороны, включение его в грамматику, как в близкородственном вепском языке, расширит падежную парадигму карельского языка, с другой – решит проблему двойственного написания этого форманта. Таким образом, проведенное исследование поможет в дальнейшем скорректировать некоторые правила орфографии новописьменных вариантов ливвиковского и людиковского наречий карельского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Некрасова Г.А. Приблизительно-местный, приблизительный инессив или же жилищноместный? (о названиях падежей послеложного образования удмуртского языка). *Финно-угроведение*. 2012;(1):3–10. EDN: **VBARVJ**
Nerkasova G.A. Approximately-Locative, the Approximate Inessive or Housing Locative? (on the Names of Postpositional Formation Cases of the Udmurt Language). *Finno-Ugric studies*. 2012;(1):3–10. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: **VBARVJ**
2. Максимов С.А. Вторичные пространственные падежи в удмуртском языке: эволюция исследования и терминологии, причины формирования. *Урало-алтайские исследования*. 2018;(1):33–48. URL: https://iling-ran.ru/library/ural-altaic/ua2018_28.pdf (дата обращения: 01.08.2024).
Maksimov S.A. Secondary Spatial Cases in the Udmurt Language: The Evolution of Research and Terminology, and the Reasons for Their Formation. *Ural-Altai Studies*. 2018;(1):33–48. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://iling-ran.ru/library/ural-altaic/ua2018_28.pdf (accessed 01.08.2024).
3. Дубровина З.М. Об образовании вторичных падежей из послеложных конструкций в прибалтийско-финских языках. *Вестник ЛГУ*. 1956;(14):69–86.
Dubrovina Z.M. [On the Formation of Secondary Cases from Postpositional Constructions in the Baltic-Finnish Languages]. *Vestnik LGU*. 1956;(14):69–86. (In Russ.)
4. Родионова А.П., Бойко Т.П., Пеллинен Н.А. Современная орфография сквозь призму Открытого корпуса вепского и карельского языков (на примере послеложных падежей). *Финно-угорский мир*. 2023;15(4):432–440. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.04.432-440>
Rodionova A.P., Boyko T.P., Pellinen N.A. The Modern Orthography through the Prism of the Open Corpus of Veps and Karelian Languages (on the Example of Postpositional Cases). *Finno-Ugric World*. 2023;15(4): 432–440. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.04.432-440>
5. Родионова А.П. О некоторых особенностях именного словоизменения в карельско-людиковской диалектной речи. *Вестник угроведения*. 2018;8(2):284–293. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2018-8-2-284-293>
Rodionova A.P. Some Features of Nominal Inflection in the Karelian-Ludic Dialect. *Bulletin of Ugric Studies*. 2018;8(2):284–293. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2018-8-2-284-293>
6. Муллонен И.И., Новак И.П. Открытый корпус вепского и карельского языков. *Вестник Российской академии наук*. 2024;94(9):814–823. <https://doi.org/10.31857/S0869587324090045>
Mullonen I.I., Novak I.P. The Open Corpus of the Vepsian and Karelian Languages. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*. 2024;94(9):814–823. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S0869587324090045>

⁵³ Ogneva O. Hyrzyl – kahten muan raja [Электронный ресурс] // BenKap. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/corpus/text/2357> (дата обращения: 19.06.2024).

⁵⁴ Ogneva O. Salminiškas Ala-Salmih [Электронный ресурс] // BenKap. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/corpus/text/2523> (дата обращения: 19.06.2024).

7. Новак И.П., Крижановская Н.Б., Бойко Т.П., Пеллинен Н.А. Разработка правил генерации именных словоформ для новописьменных вариантов карельского языка. *Вестник урведоведения*. 2020;10(4):679–691. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2020-10-4-679-691>
- Novak I.P., Krizhanovskaya N.B., Boiko T.P., Pellinen N.A. Development of Rules of Generation of Nominal Word Forms for New-Written Variants of the Karelian Language. *Bulletin of Ugric Studies*. 2020;10(4):679–691. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2020-10-4-679-691>

Информация об авторах:

Родионова Александра Павловна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (185910, Российская Федерация, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5645-9441>, SPIN-код: 6845-5181, santrar@krc.karelia.ru

Бойко Татьяна Петровна, научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (185910, Российская Федерация, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5095-2921>, SPIN-код: 6095-7017, tatjanboiko@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

А. П. Родионова – формулирование идеи исследования, целей и задач; создание и подготовка рукописи: написание черновика рукописи, включая его перевод на иностранный язык; контроль, лидерство и наставничество в процессе планирования и проведения исследования; разработка методологии исследования.

Т. П. Бойко – осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; проверка воспроизводимости результатов исследования в рамках задач работы.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 26.08.2024; одобрена после рецензирования 14.01.2025; принята к публикации 22.01.2025.

Information about the authors:

Aleksandra P. Rodionova, Cand.Sci. (Philol.), Researcher, Department of Linguistics, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (11 Pushkinskaya St., Petrozavodsk 185910, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5645-9441>, SPIN-code: 6845-5181, santrar@krc.karelia.ru

Tatyana P. Boyko, Researcher, Department of linguistics, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (11 Pushkinskaya St., Petrozavodsk 185910, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5095-2921>, SPIN-code: 6095-7017, tatjanboiko@yandex.ru

Authors' contribution:

A. P. Rodionova – ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims; preparation and creation of the published work, specifically writing the initial draft (including substantive translation); oversight and leadership responsibility for the research activity planning and execution, including mentorship external to the core team; development of methodology.

T. P. Boyko – conducting a research and investigation process, specifically performing the data; presentation of the published work, specifically data visualization.

All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 26.08.2024; revised 14.01.2025; accepted 22.01.2025.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.056-066>

EDN: <https://elibrary.ru/tbomhf>

УДК / UDC 81'373.231

Оригинальная статья / Original article

Наследие карельского некалендарного ономастикона в топонимии Сямозерья

А. А. Конгоева

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск, Российская Федерация*
✉ anastasia20085@mail.ru

Аннотация

Введение. В последние десятилетия в Карелии учеными ведутся активные исследования топонимии и антропонимии региона. Реконструкция утраченных карельских имен (календарных и некалендарных), сохранившихся в топонимах, имеет большое значение в контексте сохранения культурного наследия, чем и обуславливается актуальность работы. Цель исследования – проанализировать карельский некалендарный ономастикон на материале топонимии территории Сямозерья, где проживают карелы-ливвики.

Материалы и методы. Основным источником материала для исследования стали данные научной картотеки топонимов Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. При анализе этимологии топонимов использовались диалектные словари карельского языка. Для подготовки статьи применялись описательный метод и метод онимической этимологии, который заключается в расшифровке происхождения топонима, т. е. поиске соответствующей лексемы языка, бытующей или бытовавшей ранее на исследуемой территории.

Результаты исследования и их обсуждение. В статье проанализированы отантропонимные топонимы Сямозерья, восходящие к карельским некалендарным именам. Их список насчитывает примерно 50 антропонимов (преимущественно мужские имена), среди которых около половины являются зоонимическими лексемами. Приведено несколько отантропонимных топооснов с затемненной этимологией. Рассматриваются топонимы, в которых отражены личные имена и прозвища, указывающие на отрицательные черты их обладателей, а также топонимы, восходящие к именованиям представителей мира фауны. Кроме национального антропонимикона, приведены некалендарные имена русского происхождения. Антропонимы сгруппированы по нескольким лексико-семантическим группам: отражающие внешние признаки человека; восходящие к лексемам, указывающим на человеческие качества, включая особенности характера и поведения человека; в истоках которых стоят термины, обозначающие образ жизни человека; выраженные лексикой фауны. На каждый антропоним приводятся топонимические примеры и дается этимология.

Заключение. Изучение антропонимии имеет большую историко-культурную ценность. Проведенный анализ и его результаты найдут применение в прибалтийско-финской ономастике, в том числе при составлении топонимических словарей, в лекционных курсах по топонимии Карелии. Этимология многих сямозерских отантропонимных ойконимов и микропонимов остается неясной и ожидает своего изучения в предстоящих исследованиях.

Ключевые слова: карельский язык, карелы-ливвики, антропонимия, ойконимия, микропонимия, некалендарные имена

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Конгоева А.А. Наследие карельского некалендарного ономастикона в топонимии Сямозерья. *Финно-угорский мир*. 2025;17(1):56–66. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.056-066>

© Конгоева А. А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

The Legacy of the Karelian Non-Calenderic Onomasticon in the Toponymy of the Syamozerye Region

A. A. Kongoeva

*Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russian Federation*
✉ *anastasia20085@mail.ru*

Abstract

Introduction. In recent decades, scholars in Karelia have been actively conducting research on the toponymy and anthroponymy of the region. The reconstruction of lost Karelian names (both calendrical and non-calendrical) preserved in toponyms holds significant value in the context of cultural heritage preservation, which underscores the relevance of this study. The aim of the research is to analyze the Karelian non-calendrical onomasticon based on the toponymic material from the Syamozerye area, where the Karelian-Livvik population resides.

Materials and Methods. The primary source of material for this research was the data from the scientific toponymic database of the Institute of Language, Literature, and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. In analyzing the etymology of toponyms, dialectal dictionaries of the Karelian language were employed. The preparation of the article utilized both descriptive methods and the method of onomastic etymology, which involves deciphering the origin of a toponym, i.e., identifying the corresponding lexeme of the language that either currently exists or once existed in the studied area.

Results and Discussion. The article analyzes the anthroponymic toponyms of the Syamozerye region, which stem from non-calendar Karelia names. The list comprises approximately 50 anthroponyms, predominantly male names, of which nearly half are zoonymic lexemes. Several anthroponymic toponymic stems with obscure etymologies are presented. The article discusses toponyms reflecting personal names and nicknames that denote negative traits of their bearers, as well as those derived from the names of fauna representatives. In addition to the national anthroponymic, non-calendar names of Russian origin are also included. The anthroponyms are grouped into several lexical-semantic categories: reflecting external human characteristics; derived from lexemes indicating human qualities, including traits of character and behavior; originating from terms denoting human lifestyles; expressed through fauna-related lexicon. For each anthroponym, toponymic examples are provided along with etymological explanations.

Conclusion. The study of anthroponymy holds significant historical and cultural value. The analysis conducted and its findings will find application in Baltic-Finnish onomastics, including the compilation of toponymic dictionaries and lecture courses on the toponymy of Karelia. The etymology of many Sjamozersk-related anthroponymic toponyms and microtoponyms remains unclear and awaits further investigation in future studies.

Keywords: Karelian language, Livvi-Karelians, anthroponymy, oikonymy, microtoponymy, non-calendar names

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Kongoeva A.A. The Legacy of the Karelian Non-Calenderic Onomasticon in the Toponymy of the Syamozerye Region. *Finno-Ugric World*. 2025;17(1):56–66. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.056-066>

Введение

На территории Сямозерья – области проживания карелов-ливвиков в южной части Республики Карелия, сосредоточенной вокруг оз. Сямозеро, – располагается большое количество поселений. Многие их названия, т. е. ойконимы, имеют отантропонимные истоки. Топонимы, созданные на базе антропонимов, образуют обширную группу в прибалтийско-финской топонимии, в том числе Сямозерской. Такая модель именования характерна не только для ойконимов – названий выселков, хуторов и отдельных деревень, входящих в кусты поселений, но и для сельхозугодий. Формирование прибалтийско-финской топонимии происходило в процессе земледельческого освоения, который, безусловно, связан с человеком – владельцем земли. По этой причине отантропонимные географические названия составляют значительную часть топонимов: в финской топонимии около 10 %, в карельской – около 15, а в вепсской – до 18¹. В Сямозерье примерно 12 % топонимов имеют отантропонимное происхождение.

¹ Муллонен И. И. Вилье Ниссиля и топонимическая наука в Карелии // Бубриховские чтения: карельская научная школа исследования прибалтийско-финских языков и культуры : мат-лы науч. конф. Петрозаводск, 2016. С. 66–75.

В образовании названий деревень используются как календарные (дер.² *Akentii*: кар.³ *Akentii* < рус.⁴ Авксентий⁵ (Вешк.⁶, Сяргилахта); хут.⁷ *Dekku*: кар. *Dekku* < рус. Ефим (Вешк., Декку)), так и некалендарные имена⁸, которым и посвящена статья.

Первая группа более обширна, в ней реализуется значительное количество карельских народных вариантов русских православных имен. Топонимию фактически можно рассматривать в качестве хранилища карельского именника, поскольку многие из его элементов уже ушли из бытования.

В свою очередь, некалендарный карельский именослов вырос из прибалтийско-финского и имеет параллели в именниках других прибалтийско-финских народов. Изучение древних прибалтийско-финских имен началось еще в конце XIX в.⁹ В XX в. активно обсуждалась проблема разделения собственно личных некалендарных имен, число которых очень ограничено, и большого количества прозвищ¹⁰. Значительное количество материала было собрано в словаре финских фамилий¹¹. Для Сямозерья особенно актуальны реконструкции нехристианского карельского именника¹² [1].

Цель исследования - выявление и анализ антропонимов, выраженных некалендарными именами, зафиксированных в ойконимах и микропонимах территории Сямозерья, где проживают карелы-ливвики. Научная новизна статьи заключается в этимологической расшифровке ряда новых для прибалтийско-финской ономастики отантропонимных топонимов Сямозерья.

Обзор литературы

Изучением и анализом некалендарного карельского именника занимались многие ученые, для которых научный интерес представляла антропонимическая система Карелии. Начиная с конца 1990-х гг. карельские топонимисты И. И. Муллонен и ее ученики Д. В. Кузьмин и О. Л. Карлова в многочисленных экспедициях по республике собирали топонимический и антропонимический (наименования домов, календарные и некалендарные имена, коллективные прозвища) материал. В топонимах сохранился большой массив карельского именослова. Результатом полевых выездов стали научные изыскания, описывающие карельскую топонимическую и антропонимическую систему¹³. Так, в трудах И. И. Муллонен предпринята попытка реконструкции вепского именослова¹⁴, Д. В. Кузьмину и О. Л. Карловой удалось восстановить многочисленные некалендарные имена карелов¹⁵ [1; 2], а также продемонстрировать широкую вариативность карельских календарных имен¹⁶ [3–5]. Эти исследования обладают огромной культурно-исторической ценностью. Сбор материала продолжается: в Институте языка,

² дер. – деревня.

³ кар. – карельский язык.

⁴ рус. – русский язык.

⁵ Nissilä V. Suomen Karjalan ortodoksinen nimistö. Helsinki : Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita, 1976. 130 s.

⁶ Вешк. – Вешкельский сельский совет (с/с).

⁷ хут. – хутор.

⁸ Под некалендарными именами здесь понимаются не только личные нехристианские имена, но и имена, возникшие из прозвищ.

⁹ Forsman A. V. Tutkimuksia Suomen kansan persoonallisen nimistön alalla. I. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1894. 253 s.

¹⁰ Kiviniemi E. Rakkaan lapsen monet nimet: suomalaisten etunimet ja nimivalinta. Espoo, 1982. 376 s.; Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu : Karjalaisen Kulttuurin Edistämissäätiön julkaisuja, 1975. 382 s.

¹¹ Mikkonen P. Sukunimet. Helsinki : Otava, 2000. 895 s.

¹² Карлова О. Л. -L-овая модель в топонимии Карелии : дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2004. 225 с.; Карлова О. Karjalainen ja vepsäläinen ei-kristillinen henkilönnimikantainen paikannimistö // Финно-угорская мозаика : сб. ст. к юбилею Иры Ивановны Муллонен / Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2016. С. 171–187; Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö.

¹³ Карлова О. Л. -L-овая модель в топонимии Карелии; Kuzmin D. Vienan Karjalan asutushistoria nimistön valossa. Helsinki : Unigrafia Oy, 2014. 346 s.

¹⁴ Mullonen I. The Heritage of the Veps Non-Christian Onomasticon in Southern Svir Settlement Names // Personal Name Systems in Finnic and Beyond. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 2017. P. 185–218.

¹⁵ Карлова О. Karjalainen ja vepsäläinen ei-kristillinen henkilönnimikantainen paikannimistö. С. 171–187.

¹⁶ Карлова О. Л. -L-овая модель в топонимии Карелии.

литературы и истории Карельского научного центра РАН (ИЯЛИ КарНЦ РАН) ведутся исследования по антропонимии.

Развитие рассматриваемой темы в будущем представляется перспективным и состоит в более детальном исследовании антропонимии Сямозерья и в расшифровке ряда не изученных с точки зрения происхождения антропонимов.

Материалы и методы

Основным источником для исследования послужили материалы научной картотеки топонимов, собранные учеными ИЯЛИ КарНЦ РАН в разные годы. В статье приводится и собственный полевой материал автора, также для исследования применялись архивные данные XIX–XX вв., которые хранятся в Национальном архиве Республики Карелия.

Обширный лексический материал был собран в шеститомном Словаре карельского языка¹⁷ и других диалектных словарях¹⁸.

Для подготовки статьи использовались традиционные методы ономастического исследования, такие как описательный метод и метод онимической этимологии, который, в отличие от собственно лексической, заключается в расшифровке происхождения топонима, т. е. поиске соответствующей лексемы языка, бытующей или бытовавшей ранее на исследуемой территории.

Результаты исследования и их обсуждение

Список некалендарных именований на территории Сямозерья составляет примерно 50 антропонимов, при этом большая часть из них восходит к лексемам, указывающим на негативную характеристику человека. Однако есть и исключения, например дер. *Vallittu*: *vallittu* ‘избранный’ (Сав.¹⁹, Валлитту). Рассмотрим ряд подобных причастных форм имени, ср.: *Himottu* ‘желанный, ожидаемый (ребенок)’; *Lemmitty* ‘любимый’; *Mielitty* ‘восхитительный, любимый’; *Toivottu* ‘желанный, долгожданный’ и др. Данный антропоним относится к числу традиционных общеприбалтийско-финских личных некалендарных имен дохристианского периода [1]. Подобные имена отражают нежное родительское отношение к детям.

Далее в алфавитном порядке приведены антропонимы, сгруппированные по нескольким лексико-семантическим группам. Важно отметить, что мотивы номинации во многих случаях скрыты, а потому этимология носит предположительный характер.

Первую группу составляют антропонимы, обозначающие особенности телосложения, внешности, речи человека:

boršoi ‘большой’: дер. *Boršankylä* ~ *Boršoinkylä*, оз.²⁰ *Boršeinlambi*, бол.²¹ *Boršeinsuo* (Сав., Пунчойла); угод.²² *Boršoinkujo*, суффикс *-kujo* ‘прогон’ (Сав., Клещейла). Такое прозвище восходит к русскому некалендарному имени Большой²³.

bul’u ‘глазное яблоко’²⁴ с переносной семантикой ‘прозвище пучеглазого человека’: дер. *Bul’ankylä*, мельница *Bul’anmelličy*, руч.²⁵ *Bul’anoja*, оз. *Bul’anlambi* (Вешкелица), мыс *Bul’uniemi* (Савиново).

čalkki ‘человек с проседью, седеющий человек’: дер. *Čalkinselgy* (Чалкосельга).

korotkoi ‘короткий’: дер. *Korotkoi* (Вешк., Короткой). Вероятно, в названии воспроизводится антропоним – русское некалендарное имя (личное или родовое) или прозвище первопоселенца Короткий.

¹⁷ Karjalan kielen sanakirja: 6 osaa / M. Jeskanen, P. Virtaranta. Helsinki : Suomalais-ugrilainen seura, 1968–1997.

¹⁸ Словарь карельского языка: ливвиковский диалект : 20 000 слов / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск : Карелия, 1990. 495 с.; Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск : Карелия, 2000. 260 с.

¹⁹ Сав. – Савиновский с/с.

²⁰ оз. – озеро.

²¹ бол. – болото.

²² угод. – угодье.

²³ Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб. : Дмитрий Буланин, 2010. 667 с.

²⁴ Словарь карельского языка: ливвиковский диалект : 20 000 слов / Сост. Г. Н. Макаров.

²⁵ руч. – ручей.

käppi ‘о худом или некрасивом человеке невысокого роста’: дер. *Käppi* ~ *Käpinkylä*, угод. *Käpinkujo*, поля *Käpinpeldo* ~ *Käpinpellot* (Сав., Кяпписельга).

mal'l'a, mal'l'u ‘деревянная чаша’: дер. *Mal'l'al* ~ рус. *Малляла* (Савиново). Предположительно, в основе ойконима лежит карельский антропоним *Mal'l'a, Mal'l'u*, ср. *Mal'l'an Tiu* (Суояр.); *Mal'l'an Tiodor*²⁶ (Олон.²⁷). Истинные мотивы номинации скрыты. Прозвище могли дать человеку с крупным животом, который по форме напоминал миску²⁸.

mämmi в основном значении ‘солодовый хлеб для кваса’, в переносном – сравнение применительно к человеку при выражении какого-то качества, который у него в избытке, напр. кар. *lihava kui mämmi; järei on ku mämmi* ‘о слишком толстом’²⁹: часть деревни *Mämminpuoli*, суффикс *-puoli* ‘половина’; угод. *Mämminčura*, суффикс *-čura* ‘сторона, край’ (Салм.³⁰, Нижняя Салма).

pl'ekku ‘о человеке, который быстро говорит или ведет пустые разговоры’: дер. *Plekku* (Нижняя Салма) [1].

plänky ‘о невнятно говорящем человеке’ (ср.: дескриптивный карельский глагол *pl'änkyttiä* ‘говорить, болтать что на ум взбредет’³¹): пок.³² *Pl'ankinniityt*, поля *Pl'ankinpellot*, угод. *Pl'ankinkangas*, суффикс *-kangas* ‘бор’; угод. *Pl'ankinristu*, суффикс *-ristu* ‘крест’ (Салм., Нижняя Салма).

puzu ‘брюхо, большой живот’: бер.³³ *Puzunrandu* (Час.³⁴, Лумбила). Данное прозвище закрепилось в фамилии Пузев.

pöhö ‘живот’ с переносной семантикой ‘о толстом, пухлом человеке’ (ср. кар. *pöhömaha* ‘толстопузый’³⁵): дер. *Pöhönkylä*, поле *Pöhözienpeldo*, дер. *Pöhöine* (Сав., Погойла). Последние два топонима выражены диминутивными формами с помощью суффикса *-ine* (основа ед. ч. *-ze-*, основа мн. ч. *-zi-*: *Pöhözien* – форма генитива множественного числа, букв. ‘поле семьи Пёхёйне’), который также является показателем топонима. Данный суффикс присоединяется как к апеллятивной, ср.: руч. *Ojaine: oja* ‘ручей’, угод. *Ristaine: ristu* ‘крест’; так и к антропонимной основе, ср.: дер. *Sissoine: Sissoi* ‘Сысой’, хут. *Hokkoine: Hokkoi* ‘Фока’.

rubčoi ‘рубец, шрам, а также морщина’: дер. *Rubčoilu* ~ рус. *Рубчейла*, руч. *Rubčoinoja* (Кунг.³⁶, Рубчейла).

šombu ‘кольцо, к которому прикреплялось грузило’ с переносным значением ‘о маленьком и полном человеке’: дер. *Šomba* (Кунг., Угмойла)³⁷.

šutti ‘скверный, бесчестный, негодяй, подлец; неопрятный человек’³⁸: дер. *Šutil* ~ *Šutti* (Вешк., Везойсельга).

tykku ‘о толстом человеке’³⁹: пор.⁴⁰ *Tykynkoski* (Кунг., Эссойла), дер. *Tykku* ~ *Tykynkylä* ~ рус. *Тюккуево* ~ *Тюккуевская* (Сям.⁴¹, Тюккуево).

В следующей лексико-семантической группе представлены антропонимы, восходящие к лексемам, указывающим на человеческие качества, включая особенности характера и поведения:

²⁶ Karjalan kielen sanakirja: 6 osaa / M. Jeskanen, P. Virtaranta.

²⁷ Олон. – Олонецкий район.

²⁸ Карлова О. Л. -L-овая модель в топонимии Карелии.

²⁹ Karjalan kielen sanakirja: 6 osaa / M. Jeskanen, P. Virtaranta.

³⁰ Салм. – Салминичский с/с.

³¹ Словарь карельского языка: ливвиковский диалект : 20 000 слов / Сост. Г. Н. Макаров.

³² пок. – покосы.

³³ бер. – берег.

³⁴ Час. – Часовенский с/с.

³⁵ Словарь карельского языка: ливвиковский диалект : 20 000 слов / Сост. Г. Н. Макаров.

³⁶ Кунг. – Кунгозерский с/с.

³⁷ Mullonen I. The heritage of the Veps non-Christian onomasticon in southern Svir settlement names. P. 205.

³⁸ Karjalan kielen sanakirja: 6 osaa / M. Jeskanen, P. Virtaranta.

³⁹ Karlova O. Karjalainen ja vepsäläinen ei-kristillinen henkilönimikantainen paikannimistö. С. 180.

⁴⁰ пор. – порог.

⁴¹ Сям. – Сямозерский с/с.

juurikku, ср. фин.⁴² диал.⁴³ *jurrikka* ‘упрямец, самодур’⁴⁴; зал.⁴⁵ *Juurikku* (Сямозеро), хут. *Juurikku* (Вешк., Юрикка). Термин может быть и географическим, обозначающим букв. ‘место, где много корней’. Вероятно, название залива включает географическую семантику, а наименование хутора фиксирует прозвищный антропоним.

höngy ‘глупый’: дер. *Höngy* ~ *Höngänkylä* ~ *Höngänkyläine*, тропа *Höngänkujo*, поля *Höngänpeldo* ~ *Höngänpellot*, оз. *Höngänlambi(ine)*, бол. *Höngänsuo* ~ *Höngösuo* (Сав., Черная Ламба).

kleššoi ‘любитель побраниться; клеветник’: дер. *Kleššoilu* ~ рус. *Клеще́йла* [1].

törö, *töröi* ‘о человеке глуповатом, недалеко’: поле *Töröinpeldo*, угод. *Töröiniemi*, (-*niemi* ‘мыс’), губа *Töröinguba*, г.⁴⁶ *Töröinmägi*, руч. *Töröinoja*, бер. *Töröinrandu*, бол. *Töröinsuo* (Вешкелица). Весь ряд наименований, фиксирующих прозвище *Töröi*, сосредоточен на северо-западном берегу оз. Чичумюярви в дер. Вешкелица. Данные топонимы указывают на то, что в прошлом здесь было угодье (или же хутор, выселок), принадлежавшее человеку с таким прозвищем.

uhma / **uhmoi* ‘упорный, настойчивый; усердный, деятельный’: дер. *Uhmoilu* ~ рус. *Угмойла* (Кунг., Угмойла) [1]. Так как в карельской топонимии формант *-ла* (ливв.⁴⁷ *-lu*) присоединялся к антропонимной основе, **uhmoi* можно считать забытым карельским именем. Это подтверждается и наличием диминутивного суффикса *-oi*, характерного для антропонимов.

В следующей лексико-семантической группе собраны термины, обозначающие образ жизни человека:

lihapiä с переносной семантикой ‘о ленивом человеке’: хут. *Lihapiä* (Сав., Акимово).

mul’ugu ‘о пьяном человеке’: хут. *Mul’ugankylä* (Вешкелица), а также целый комплекс названий, которые являются вторичными по отношению к наименованию хутора: угод. *Mul’uganmatku* (-*matku* ‘путь, дорога’), мельница *Mul’uganmelliččy*, оз. *Mul’uganjärvi*, губа *Mul’uganguba*. Топоним *Mul’uganmatku*, предположительно, маркирует место на берегу, куда вела тропа из хутора *Mul’ugu*; именно отсюда, из самого узкого места в озере, осуществлялся перевоз в деревни на противоположном берегу.

šittu ‘о недостойном человеке’: угод. *Šitoimikku* (Вешк., Лагиламба).

šopotti ‘прозвище, которое староверы использовали применительно к представителю официальной православной церкви, крестящегося тремя перстами (шепотью)’: поле *Šopotinkohtu* (-*kohtu* ‘место напротив’) (Час., Лумбила).

Фаунистические наименования составляют отдельную группу типовых топооснов Сямозерья. При анализе этимологии топонимов, включающих лексику фауны, нужно быть осторожными, так как названия животных отражаются не только в именах людей. Основными критериями для различения мотивации, особенно когда реальные истоки топонима уже утрачены, являются характер места (для названий культурных объектов более логичны отантропонимные мотивы), генитивная форма атрибута, указывающая на посессивные отношения.

Антропонимы, восходящие к названиям животных, уже давно начали привлекать исследователей прибалтийско-финской топонимии. Такие имена у карелов фиксируются преимущественно в мужском именнике. Большинство приведенных ниже топооснов имеет негативные коннотации. На раннем этапе исследования топонимы, отражающие лексику фауны, считались личными именами, связанными с тотемистическими представлениями⁴⁸, однако со временем стало ясно, что они имеют прозвищную природу

⁴² фин. – финский язык.

⁴³ диал. – диалект(ный).

⁴⁴ Suomen murteiden sanakirja. Helsinki : Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 1985–2003. Osat 1–7.

⁴⁵ зал. – залив.

⁴⁶ г. – гора.

⁴⁷ ливв. – ливвиковские говоры карельского языка.

⁴⁸ Forsman A. V. Tutkimuksia Suomen kansan persoonallisen nimistön alalla. I. S. 249.

и указывают на черты характера или внешности носителя прозвища⁴⁹. В названиях мест используется лексика, обозначающая диких зверей, домашних животных, птиц и рыб.

Итак, ниже представлена обширная лексико-семантическая группа – антропонимы, содержащие в себе зоонимическую лексику:

čihku ‘норка’: топя *Čihkanabai* (Кунг., Угмойла). Генитивная форма указывает на возможные отантропонимные истоки.

jänöi ‘заяц’: кол.⁵⁰ *Janöikaivo* (Сав., Черная Ламба). В данном топониме может быть отражено прозвище человека *jänöi* ‘трус’⁵¹. Ср. кар. *Toine davariššu olí moine jänöi*⁵² – букв. ‘Второй друг был такой заяц’ (т. е. трус); кар. *varačču kui jänöi*⁵³ – букв. ‘трусливый как заяц’.

mygru ‘крот’: пок. *Mygröiniitut*, руч. *Mygröinoja* (Час., Пески). Отантропонимное происхождение данных топонимов подтверждается наличием суффикса *-öi*, характерного для антропонимов, а также генитивной формой атрибута во втором примере. Зооним *mygru* в переносной семантике используется для характеристики маленького, приземистого, полного человека⁵⁴. Ср. *on madalaine ku muamygru*⁵⁵ – букв. ‘приземистый как крот’.

reboi ‘лиса’: угод. *Reboihavvat* (Сав., Пеньгисельга), угод. *Reboiselgy* (Сав., Мультиково), угод. *Reboiladvu* (Вешк., Лагиламба), камень *Reboinkivi* (Кунг., Рубчейла). Продуктивность данной топоосновы может быть связана с мифологическими представлениями местных жителей: *reboi* ‘лиса’ – мифологическое существо, часто встречающееся в карельских народных сказках. Это характерно не только для карелов, но и для финнов и вепсов⁵⁶. Кроме того, на лис охотились зимой с ружьем и ловили их в специальные ловушки⁵⁷. Этимология названия угодья *Reboihavvat* (букв. ‘лисий ямы’) связана именно с охотой. Мотив номинации может быть связан также и с прозвищем *reboi* ‘лысец, подлиза’. Ср. кар. *Häi om mies ihan kui reboi kebletteä izännäl*⁵⁸ – букв. ‘Этот мужчина, совсем как лиса, подлизывается к хозяину’; кар. *kylänreboi* ‘плут’⁵⁹.

rottu ‘крыса’: рига (хозяйственная постройка) *Rotanriihi*, кол. *Rotankaivo* (Сав., Клещейла). На отантропонимное происхождение названия указывают типы объектов – рига, колодец. Кроме того, использование топонима *rottu-* в генитивной форме также свидетельствует о его отантропонимной природе. Ср. кар. *kehnon tuo n’äl’gähižet rotat!*⁶⁰ – бранн. букв. ‘чертовы вы голодные крысы!’

В топонимах, обозначающих водоемы, часто встречаются и названия рыб. Такие топоосновы обусловлены местами лова соответствующих видов рыб, а их значительное количество указывает на богатство сязозерских озер рыбой. Однако если речь идет не о водоемах и в топониме присутствует указание на отантропонимные истоки, то название может иметь в своей основе имя человека.

kala ‘рыба’: *Kalajuakoi* ~ *Kalajuakoinkylä*, *Kala-Juakoinlambi* (Сав., Гарбалова Сельга). В лексеме *Kalajuakoi* ‘Яков (по прозвищу) рыба’ имя жителя/основателя однодворного поселения перенесено на ойконим, т. е. название самого поселения. Можно предположить, что *kala* имеет здесь вторичную семантику ‘усердный рыбак’ или ‘не внушающий доверия человек’ [1].

kiiškoï ‘ерш’: мыс *Kiiškoiniemi* (Вешк., Сяргилахта), мыс *Kiškoiniemi* (Салм., Нижняя Салма), дер. *Kiškoiilu* ~ рус. *Кушкойла*. Карельская лексема *kiiškoï* использовалась для

⁴⁹ Kiviniemi E. Rakkaan lapsen monet nimet: suomalaisten etunimet ja nimivalinta; Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö.

⁵⁰ кол. – колодец.

⁵¹ Karjalan kielen sanakirja: 6 osaa / M. Jeskanen, P. Virtaranta.

⁵² Там же.

⁵³ Словарь карельского языка: ливвиковский диалект : 20 000 слов / Сост. Г. Н. Макаров.

⁵⁴ Karjalan kielen sanakirja: 6 osaa / M. Jeskanen, P. Virtaranta.

⁵⁵ Словарь карельского языка: ливвиковский диалект : 20 000 слов / Сост. Г. Н. Макаров.

⁵⁶ Kuzmin D. Vienan Karjalan asutushistoria nimistön valossa. S. 48.

⁵⁷ Таросва Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР) : моногр. М.; Л. : Наука, 1965. С. 42.

⁵⁸ Karjalan kielen sanakirja: 6 osaa / M. Jeskanen, P. Virtaranta.

⁵⁹ Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка.

⁶⁰ Словарь карельского языка: ливвиковский диалект : 20 000 слов / Сост. Г. Н. Макаров.

обозначения непокладистого, ершистого человека⁶¹. Среди приведенных топонимов последний имеет отантропонимные истоки, так как *-l*-овый суффикс является ойконимическим маркером, который присоединяется к отантропонимной основе.

В карельской среде особенно продуктивны «птичьи» именованья, при этом возраст таких названий, по всей видимости, не отличается особой глубиной⁶². Это подтверждается тем, что в карельских рунах названия птиц редко используются в качестве прозвищ, а чаще встречаются как уменьшительно-ласкательные имена для женщин и детей⁶³. Приведенные ниже примеры топонимов могут иметь в своей основе как отантропонимные истоки, так и непосредственно наименования птиц. На отантропонимное происхождение топонимов, как было сказано выше, указывают наличие генитивной формы атрибутивного элемента сложного топонима, а также вид объекта, т. е. объекты хозяйственного или культурного назначения, скорее всего, являются отантропонимными.

čiučoi ‘воробей’: пок. *Čiučoinniitty* (Сав., Пеньгисельга), о.⁶⁴ *Čivčoinsuaret* (Кунг., Угмойла). И характер объектов, и генитивная форма атрибута свидетельствуют о ее антропонимическом происхождении.

haikari ‘аист’: пок. *Haigarinniitty* (Салм., Нижняя Салма). Генитивная форма атрибута указывает на то, что основа имеет отантропонимные истоки.

hyubii ‘филин, сова’ с переносной семантикой ‘одинокий, угрюмый человек’: г. *Hyubinselgä* (Вешкелица), дер. *Hyubii* ~ рус. *Гюбия* (Чалк.⁶⁵, Гюбия).

kajoi, kajai ‘чайка’: зооним очевиден в названиях луды *Kajailuodo* ~ *Kajoiluodo* (Кунг., Угмойла) и о. *Kajaisuari* (Кунг., Савала). В названии покоса *Kajoiniitty* (Салм., Нижняя Салма), вероятно, воплощена переносная семантика *kajoi* ‘ленивый человек’ [1].

kuikku ‘гагара’: оз. *Kuikkulambi* ~ *Kuikoilambi* (Савиново), оз. *Kuikkolambi* (Вешкелица), оз. *Guikalambi* (Час., Лумбила), оз. *Guikkulambi* (Сям., Маркелицы). В этом ряду название поля *Kuikanrajakko* с суффиксом *-rajakko* ‘зброшенная лесная пашня’ (Савиново) имеет отантропонимное происхождение, ср. вторичную семантику *kuikku* ‘голодный; жаждущий; напоминающий походкой гагару’ [1].

kurgi ‘журавль’, вторичная семантика ‘тощий человек; человек с длинной шеей’, ср. кар. *laihu kui kurgi* букв. ‘Тощий как журавль’⁶⁶. В топонимах бол. *Kurrinsuo* (Кунг., Курмойла), пок. *Kurgoisuo* с суффиксом *-suo* ‘болото’ (Кунг., Рубчейла), руч. *Kurgioja* (Чалк., Кангозеро), поворот *Kurrenpunalmus* (Вешкелица). Основа *Kurgi-* указывает на места гнездования видов птиц, которые относительно редки в местной фауне, и таким образом воспроизводит примарную семантику термина. В свою очередь, связанные между собой названия горы и хутора *Kurrenmägi* и мыса *Kurrenn’okku* (Кунг., Эссойла) восходят к антропониму *Kurgi*, основанному на вторичной семантике и исключительно продуктивному в прибалтийско-финском именослове⁶⁷.

kurmoi ‘кулик’ с переносной семантикой ‘обжора’: дер. *Kurmoilu* ~ рус. *Курмойла* (Кунг., Курмойла). Ср. кар. *kui kurmoil, suu ainoz lekkuu!*⁶⁸ букв. ‘как у обжоры, рот всегда шевелится!’; кар. *kui kurmoi, ainos syöd*⁶⁹ букв. ‘как обжора, всегда ешь’.

kärgi ‘дятел черный’, лексема может иметь переносное значение ‘с черными волосами’: дер. *Kärgel* ~ рус. *Кяргела* (Сям., Кяргела). Ср. кар. *se om mustu kui kärgi*⁷⁰ букв. ‘он черный как дятел’.

⁶¹ Karjalan kielen sanakirja: 6 osaa / M. Jeskanen, P. Virtaranta.

⁶² Karlova O. Karjalainen ja vepsäläinen ei-kristillinen henkilönnimikantainen paikannimistö. С. 179.

⁶³ Häkkinen K. Eläin suomen kielessä // Eläin ihmisen mielenmaisemassa. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura 885, 2002. S. 53.

⁶⁴ о. – остров.

⁶⁵ Чалк. – Чалкосельский с/с.

⁶⁶ Karjalan kielen sanakirja: 6 osaa / M. Jeskanen, P. Virtaranta.

⁶⁷ Карлова О. Л. -L-овая модель в топонимии Карелии. С. 75.

⁶⁸ Karjalan kielen sanakirja: 6 osaa / M. Jeskanen, P. Virtaranta.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

närhi ‘сойка’: дер. *Närhil* ~ русс. *Няргила* (Час., Няргила), дер. *Närhin Lukki* ~ рус. *Нярги-Лукка*, оз. *Närginjärvi* (Вешкелица). И здесь мы имеем дело с отантропонимной основой. Некалендарное имя или прозвище *Närhi* было продуктивным в карельском именовании. «Двойное» именование *Närhin Lukki* (Нярги-Лукка) состоит из патронима в генитиве с окончанием *-n* и личного имени. Такие патронимы или родовые прозвища выполняли роль официальных фамилий⁷¹. Родовая фамилия *Närhi* зафиксирована в Сямозерье⁷², кар. *Lukki* означает рус. ‘Лука’⁷³. Необходимо отметить, что по словам информанта в дер. Няргила жил человек по фамилии *Няргин*. Данная фамилия до сих пор бытует в соседнем поселении. Мотив именованья не вполне ясен.

peiboi ‘зяблик’: поля *Peiboinpellot*, пок. *Peibonniityt*, поле *Peiboiniemi (-niemi* ‘мыс’), бол. *Peibonsuo*, оз. *Peibärvi* (Вешк., Сяргилахта), руч. *Peiboinoja* (Кунг., Курмойла). Все географические объекты, включающие данную топооснову, расположены в относительной близости друг к другу. Можно предположить, что названия имеют отантропонимное происхождение. Это подтверждается генитивной конструкцией и тем фактом, что названные места являются культурными объектами.

telky ‘гоголь’: дер. *Telky* (Сав., Телька), ср. рус. *гоголь* ‘заносчивый, спесивый человек’ [1].

tikku ‘дятел’: губа *Tikunguba*, зал. *Tikunlahti* (Вешк., Сяргилахта). Также восходит к антропонимам.

tuukkai ‘сова, филин’: угод. *Tuukkainkuuzi, (-kuuzi* ‘ель’), пок. *Tuukkanniitut*, бер. *Tuukkainrandu* (Час., Корбисельга). Географические объекты расположены близко друг к другу, их названия связаны с одним и тем же прозвищем.

varoi ‘ворона’: мыс *Varoiniemi* (Вешкелица), оз. *Varoilambi* (Сав., Погойла). Название покоса *Varoimägi* ~ *Varoinmägi* ~ *Varoinmäit* (букв. ‘воронья гора’; Кунг., Корза), вероятно, имеет отантропонимные истоки, основанные на переносной семантике лексемы *varoi* ‘жадный, ненасытный; тощий’. Ср. кар. *ahnahat ku varoit* (букв. ‘ненасытные как вороны’)⁷⁴; кар. *laiha ku varoi* (букв. ‘худой как ворон’); *lapset laihat ku varoid, maiduo suuh ei oteta* (букв. ‘дети худые как вороны, молока в рот не берут’)⁷⁵.

В топонимах закрепились и наименования некоторых домашних животных, например *kutti* ‘щенок’: мост *Kutinsildu* (Сав., Черная Ламба). Возможно, и здесь мы имеем дело с отантропонимным именованьем.

По-видимому, набор отантропонимных топооснов шире, но их происхождение часто затемнено. Например, название угодья (бывшего хутора) *Kodr’akku* и его варианты *Kodr’uakku, Kodrakku, Kodr’uakanpellot*, рус. *Кодряки* (Кунг., Корза) не имеют убедительной карельской интерпретации, однако привлечение финских диалектных данных позволяет предположить, что в основе лежит антропоним, ср. фин. диал. *kotrake* ‘злопыхатель; насмешник’, *kotrakka* ‘бойкий, деятельный’, *kotras* ‘жадный’⁷⁶. Топонимический архив Финляндии содержит ряд примеров топонимического бытования основы в виде *Korta, Kotrake, Kotro*, в том числе в восточной Финляндии⁷⁷.

Еще один пример – угод. *Burču* ~ *Burčanobodu* (Вешкелица), в основе которого лежит карельский антропоним *Burču*, ср. *Burčan Ivan* ‘Бурчу Иван’ в дер. Маккойла⁷⁸. Этимология имени

⁷¹ Карлова О. Л. -L-овая модель в топонимии Карелии. С. 111.

⁷² Karjalan kielen sanakirja: 6 osaa / M. Jeskanen, P. Virtaranta.

⁷³ Nissilä V. Ortodoksia henkilönnimiä Aunuksen kylänmistössä. Helsinki : Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja, 1973. № 72. S. 239–275.

⁷⁴ Словарь карельского языка: ливвиковский диалект : 20 000 слов / Сост. Г. Н. Макаров.

⁷⁵ Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка.

⁷⁶ Suomen murteiden sanakirja. Osat 1–7.

⁷⁷ Suomen nimiarkisto / Kotimaisten kielten tutkimuskeskus. Helsinki [Электронный ресурс]. URL: <https://nimiarkisto.fi/> (дата обращения: 07.08.2024).

⁷⁸ Karjalan kielen sanakirja: 6 osaa / M. Jeskanen, P. Virtaranta.

неясна, хотя можно предположить связь с дескриптивным глаголом *burčottua* ‘дуться, злиться’⁷⁹. Антропоним может восходить к русскому некалендарному имени или прозвищу *Бурец* ← **бурец*⁸⁰.

Этимология ойконима *Kožoilu* – рус. *Кожойла* (Кунг., Кожойла) также остается затемненной, но можно предположить, что в его основе реконструируется русское некалендарное личное имя или прозвище *Кожя*, восходящее к апеллятиву *кожа*. Причиной выбора имени могли стать особенности кожи человека⁸¹.

Мотив номинации топонимов, восходящих к лексеме *kyly*- ‘баня’, также остается неясным. Лексема содержится в ряде названий, где первичным является название поселения: хут. *Kylyselgä* ~ *Kylyvine* ~ *Kylyzienkylä*, оз. *Kylyzendärvi* (Час., Хоккойла). Деревня была небольшой и, по словам информанта, ее название связано с баней, расположенной на берегу (полевые данные 2000-х гг.). Однако, согласно материалам Е. В. Ахтия 1926–1927 гг., хранящимся в архиве словаря «*Karjalan kielen sanakirja*»⁸² в Хельсинки, деревня называлась *Kylyzed* ~ *Kylyzienkylä* (устное сообщение О. Л. Карловой). Внешний облик топонима дает понять, что в его основе лежит прозвище *Kylyvine*. Среди жителей бытуют названия *Kylyzienselgy* и *Kylynselgy*. Генитивная форма детерминантов указывает на отантропонимные истоки названий, однако апеллятивные основы антропонима не ясны.

Этимология многих ойконимов остается неизвестной и ждет своей расшифровки, например: *Čukkoilu* – рус. *Чуккойла*, *Tyvil* – рус. *Тивилицы*, *Pogoilu* – рус. *Погойла*. Вероятно, за ними стоят утраченные антропонимы прозвищного характера [6]. Стоит отметить, что отантропонимный характер присущ большому количеству простых по структуре суффиксально оформленных ойконимов.

Заключение

На территории Сямозерья отантропонимные названия, образованные от имен и прозвищ бывших основателей или владельцев мест, носят массовый характер. Отантропонимные топоосновы обладают высокой продуктивностью, что связано с относительно хорошей сельскохозяйственной освоенностью территории и развернутой поселенческой сетью. Отантропонимные топонимы представлены ойконимами, называющими поселения разного типа, в которых часто сохраняется имя основателя или первопоселенца, а также наименованиями сельскохозяйственных угодий и культурных объектов. В ряде случаев за последними скрываются бывшие ойконимы, т. е. названия утраченных поселений. Среди разнообразия отантропонимных названий в топонимии Сямозерья выделяется целый пласт названий, имеющих в своих истоках некалендарные имена и прозвища (преимущественно мужские) с отрицательной коннотацией (около 50 антропонимов), включая зоонимические наименования (22 антропонима). На прозвищную природу топонимов указывают вид объекта (хозяйственного и культурного назначения) и генитивная форма атрибута. Такие антропонимы характеризовали особенности характера личности или внешности носителя прозвища.

Сделанные автором выводы вносят вклад в развитие прибалтийско-финской ономастики. Материалы статьи могут быть полезны при подготовке «Словаря топонимов Карелии», который разрабатывается ИЯЛИ КарНЦ РАН. Исследование может быть использовано специалистами в смежных научных областях, таких как история, этнология, этнография, поскольку содержит новые результаты изучения этнокультурной истории региона Сямозерья. Кроме того, результаты работы могут быть применены при составлении ономастических словарей и в лекционных курсах по ономастике.

⁷⁹ Карлова О. Л. -L-овая модель в топонимии Карелии. С. 47.

⁸⁰ Коршунова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв.

⁸¹ Там же.

⁸² *Karjalan kielen sanakirja*: 6 osaa / M. Jeskanen, P. Virtaranta.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Кузьмин Д.В. Человек и его имя в ойконимии и микропонимии Южной Карелии. *Вопросы ономастики*. 2023;20(2):58–102. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2023.20.2.016
Kuzmin D.V. Man and His Name in Oikonymy and Microtoponymy of South Karelia. *Problems of Onomastics*. 2023;20(2):58–102. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2023.20.2.016
2. Кузьмин Д.В. Антропонимия Карелии: краткий обзор истории сбора и некоторых направлений современного изучения. *Linguistica Uralica*. 2021;57(1):58–62. <https://doi.org/10.3176/lu.2021.1.06>
Kuzmin D.V. Anthroponymy of Karelia. A Brief Overview of the History of Collection and Some Areas of Modern Study. *Linguistica Uralica*. 2021;57(1):58–62. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.3176/lu.2021.1.06>
3. Кузьмин Д.В. Христианские имена карелов. *Вопросы ономастики*. 2016;13(2):56–86. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2016.13.2.018
Kuzmin D.V. Christian Names of Karelians. *Problems of Onomastics*. 2016;13(2):56–86. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2016.13.2.018
4. Кузьмин Д.В. Карельские женские имена. *Вопросы ономастики*. 2017;14(3):105–127. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.3.026
Kuzmin D.V. Karelian Female Names. *Problems of Onomastics*. 2017;14(3):105–127. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.3.026
5. Kuzmin D. From the Middle Ages to Modern Times: The Karelian Female Name System. *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 2018;(64):92–117. <https://doi.org/10.33339/fuf.66558>
6. Афанасьева А.А. Карельская ойконимия *-l*-ового типа в контексте историко-культурной истории Сямозерья. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2018;12(2):6–18. URL: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/2402> (дата обращения: 02.09.2024).
Afanaseva A.A. L-type Karelian Placenames in the History and Culture of Lands in the Vicinity of Lake Siamozero. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2018;12(2):6–18. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/2402> (accessed 02.09.2024).

Информация об авторе:

Конгоева Анастасия Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры прибалтийско-финской филологии Петрозаводского государственного университета (185910, Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5113-5552>, SPIN-код: 8624-9308, anastasia20085@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 30.09.2024; одобрена после рецензирования 25.11.2024; принята к публикации 02.12.2024.

Information about the author:

Anastasia A. Kongoeva, Cand.Sci. (Philol.), Associate Professor of the Department of Baltic-Finnish Philology, Petrozavodsk State University (33 Lenin Avenue, Petrozavodsk 185910, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5113-5552>, SPIN-code: 8624-9308, anastasia20085@mail.ru

Author has read and approved the final manuscript.

Submitted 30.09.2024; revised 25.11.2024; accepted 02.12.2024.

ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ HISTORY, ETHNOGRAPHY, ARCHEOLOGY

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.067-079>

EDN: <https://elibrary.ru/sjwiwc>

УДК / UDC 332.1(470.22)

Оригинальная статья / Original article

Особенности религиозной ситуации приграничья в контексте межконфессиональных и внешних связей (на материалах Республики Карелия, 1940–1980-е гг.)

Л. И. Вавулинская, С. Э. Яловицына ✉

*Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН,
г. Петрозаводск, Российская Федерация*

✉ jalov@yandex.ru

Аннотация

Введение. Религиозная «оттепель» первых послевоенных лет сменилась в конце 1950-х гг. новым нажимом на церковь. В Карелии эти процессы имели свою специфику, связанную с приграничным положением и соседством с Финляндской Республикой, а также с наличием в составе населения республики финнов-лютеран. Вместе с тем Карелия традиционно считалась территорией с преобладанием православных верующих, поэтому исследователи сконцентрировались преимущественно на изучении православной истории края. Цель исследования – показать влияние карельского регионального приграничья на религиозную ситуацию края.

Материалы и методы. Статья подготовлена на основе введенных в научный оборот новых документов, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации и Национальном архиве Республики Карелия, а также с помощью привлечения материалов документальных сборников и местной литературы, затрагивающей проблемы религиозной жизни в республике во второй половине XX в. Они дают аргументированное представление о государственно-церковном и межконфессиональном взаимодействии в Карелии. Методологической основой исследования являются общенаучные (системный подход, принцип историзма, анализ и синтез, обобщение) и специально-исторические (историко-генетический, хронологический, историко-сравнительный) методы.

Результаты исследования и их обсуждение. Выявлена взаимосвязанность государственно-церковных отношений с приграничным расположением республики, которое обусловило особую бдительность властей к деятельности различных церковных общин и желание использовать церковь в формировании положительного имиджа СССР на международной арене. Особенностью внешних контактов с Финляндией стало участие в них не только представителей лютеран, но и православных, что усилило межконфессиональное взаимодействие. Единая антирелигиозная направленность политики в 1940–1980-е гг. позволяла конфессиям видеть друг в друге скорее союзников, чем теологических соперников, и использовать выход на международную арену как форму оказания давления на власть внутри страны.

Заключение. Статья отражает роль внешнего фактора, оказавшего существенное влияние на религиозную ситуацию в приграничной республике, позволяет лучше понять и оценить результаты общей политики государства и ее эволюции в 1940–1980-е гг. Актуальной представляется оценка влияния на религиозную ситуацию усиливающегося туристического потока из-за рубежа в 1970-е гг., а также рассмотрение темы в контексте ретроспективного поворота в культуре СССР (интерес к церковной архитектуре, иконописи и др.). Перспективы исследования проблемы авторы видят в более углубленном изучении религиозных практик населения, внутренней ситуации в религиозных организациях, интерес к которым возрастает в связи с предстоящим в 2027 г. празднованием 800-летия крещения карелов.

Ключевые слова: Карелия, приграничье, Русская православная церковь, лютеранство, межконфессиональные контакты, миротворческая деятельность, атеистическое государство

© Вавулинская Л. И., Яловицына С. Э., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Финансирование: исследование выполнено в рамках госзадания ИЯЛИ КарНЦ РАН. Тема НИР № 124022000029-0.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Вавулинская Л.И., Яловицына С.Э. Особенности религиозной ситуации приграничья в контексте межконфессиональных и внешних связей (на материалах Республики Карелия, 1940–1980-е гг.). *Финно-угорский мир.* 2025;17(1):67–79. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.067-079>

Religious Dynamics in Border Regions in the Context of Interfaith and External Relations (Based on Materials from the Republic of Karelia, 1940–1980s)

L. I. Vavulinskaya, S. E. Yalovitsyna

Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russian Federation
 jalov@yandex.ru

Abstract

Introduction. The religious policy of the Soviet atheist state underwent several transformations between the 1940s and the 1980s. The religious “thaw” of the early post-war years was replaced by renewed pressure on the Church in the late 1950s. In Karelia, these processes had distinct characteristics shaped by its borderland position, proximity to Finland, and the presence of Finnish Lutherans within the republic’s population. At the same time, Karelia was traditionally regarded as a region with a predominance of Orthodox believers, which led researchers to focus primarily on the Orthodox history of the area. This article aims to examine the impact of Karelia’s borderland status on the region’s religious landscape.

Materials and Methods. The article is based on newly introduced archival documents from the State Archive of the Russian Federation and the National Archive of the Republic of Karelia. Additionally, it draws on materials from documentary collections and local literature addressing issues of religious life in the republic during the second half of the 20th century. These sources provide a well-substantiated perspective on state-church and interfaith relations in Karelia. The study’s methodological framework incorporates both general scientific methods (systems approach, the principle of historicism, analysis and synthesis, generalization) and specialized historical methods (historical-genetic, chronological, and historical-comparative approaches).

Results and Discussion. The interconnection between state-church relations and the republic’s border location was identified, which led to heightened vigilance by the authorities regarding the activities of various religious communities and a desire to use the church to shape a positive image of the USSR on the international stage. A distinctive feature of external relations with Finland was the involvement not only of Lutheran representatives but also of Orthodox clergy, which strengthened interfaith cooperation. The unified anti-religious orientation of policy during the 1940s to 1980s allowed different denominations to perceive each other more as allies than theological rivals, using their presence on the international stage as a means of exerting pressure on the domestic government.

Conclusion. The article explores the role of an external factor that significantly influenced the religious situation in a border region, offering a better understanding and evaluation of the outcomes of the state’s overall policy and its evolution during the 1940s to 1980s. The assessment of the impact of the growing influx of foreign tourists in the 1970s on the religious landscape appears to be especially relevant, as does the consideration of the topic within the context of the retrospective turn in Soviet culture (interest in church architecture, iconography, etc.). Further research into this issue could be pursued through a more in-depth study of the religious practices of the population and the internal dynamics of religious organizations, areas of increasing interest due to the upcoming 800th anniversary of the Christianization of the Karelians in 2027.

Keywords: Karelia, borderland, Russian Orthodox Church, Lutheranism, interfaith contacts, peacekeeping activities, atheistic state

Funding: The research was carried out within the framework of the state task of the ILLH KarRC RAS (№124022000029-0).

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Vavulinskaya L.I., Yalovitsyna S.E. Religious Dynamics in Border Regions in the Context of Interfaith and External Relations (Based on Materials from the Republic of Karelia, 1940–1980s). *Finno-Ugric World.* 2025;17(1):67–79. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.067-079>

Введение

В последнее время в отечественной научной литературе заметно возрос интерес к вопросам религиозной жизни, взаимоотношений государства и религиозных организаций. Религиозная ситуация в приграничном регионе часто становилась предметом особого внимания официальных властей. Даже в советский период, когда атеизм был частью государственной доктрины, религиозный компонент рассматривался как фактор, который может оказать влияние как на внутривнутриполитическую обстановку, так и на взаимоотношения с соседними государствами и общий внешнеполитический имидж страны. Отмечаемый современными авторами тренд на вмешательство во внутрицерковные вопросы со стороны политических акторов, включая форматирование вероучительных установок, может быть заново интерпретирован с учетом опыта 1940–1980-х гг.¹

Руководителям советского государства было важно продемонстрировать отсутствие гонений на церковь и верующих в СССР. С этой целью священнослужителей приглашали к участию в различных международных мероприятиях, чаще всего имеющих миротворческий посыл. Как подчеркивает О. Ю. Васильева, анализирующая послевоенную историю церкви в СССР, «морально-этической основой сближения разных государств и народов в новых условиях [после 1945 г. – *Авт.*] могла стать только религия с ее универсальными ценностями и идеалами. Но для этого надо было показать уважение к ней, терпимость к “чуждым социализму ценностям”»² руководящие партийные и советские органы стремились использовать церковь как мобилизационную силу в сложный послевоенный период восстановления народного хозяйства и ввести в нужное русло всплеск религиозности населения, которое продемонстрировало в годы войны и сразу после неугасший интерес к вере. Архивные документы свидетельствуют о желании властей заслужить лояльность данной группы населения, в которой они видели некоторую угрозу социалистическому образу жизни. Невозможно было не заметить консолидирующую роль и патриотическую работу церкви в годы войны. Это определило своего рода послевоенную религиозную «оттепель». Тем не менее верующие различных конфессий продолжали подвергаться ограничениям и карательным мерам со стороны государства вплоть до конца 1980-х гг. [1].

В статье на основе введения в научный оборот ранее не опубликованных архивных документов рассматриваются особенности религиозной ситуации в приграничной Карелии в контексте межконфессиональных и внешних связей 1940–1980-х гг.

Цель исследования – отразить влияние карельского регионального приграничья на религиозную ситуацию в крае в 1940–1980-е гг.

Обзор литературы

Особенностью карельского приграничья с религиозной точки зрения является присутствие в составе верующих, наряду с православными, представителей финнов-лютеран. Изучению и историческому осмыслению процесса взаимоотношений Советского государства и существовавших в нем конфессий, в том числе лютеранской, посвящено значительное количество работ российских ученых³. В 2002 г. вышло в свет первое в отечественной историографии исследование О. В. Курило по истории лютеранства в России на протяжении XVI–XX вв.⁴, в котором описываются трудности в изучении лютеранства

¹ Воротников В. В., Пареньков Д. А. Церковь и политика. Испытание новой реальностью : аналитический доклад. М. : МГИМО-Университет, 2022. 24 с.

² Васильева О. Ю. Внешняя политика советского государства и русская православная церковь. 1943–1948 годы // Труды Института российской истории РАН. 1997–1998 гг. Вып. 2 / Российская академия наук, Институт российской истории ; отв. ред. А. Н. Сахаров. М. : ИРИ РАН, 2000. С. 340.

³ Курляндский И. А. Власть и религиозные организации в СССР (1939–1953 гг.). Исторические очерки. СПб. : Петроглиф, 2019. 376 с.; Лиценбергер О. А. Евангелическо-лютеранская церковь в Российской истории (XVI–XX вв.). М. : Фонд «Лютеранское культурное наследие», 2004. 544 с.; Никольская Т. К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах : реферат. СПб. : Изд-во Европейского ун-та, 2009. 356 с.; Сосковец Л. И. Религиозные организации и верующие в Советском государстве. Томск : ТМЛ-Пресс, 2008. 252 с.

⁴ Курило О. В. Лютеране в России (XVI–XX вв.). М. : Фонд «Лютеранское наследие», 2002. 402 с.

в связи с проводимой антирелигиозной политикой властей и рассматривается церковная жизнь различных национальных групп, традиционно исповедующих лютеранство (немцев, финнов, латышей, эстонцев, шведов) в разные исторические периоды.

Впервые в отечественной историографии специальное исследование, посвященное проблемам церковного подполья в СССР, предпринято А. В. Бегловым⁵. Автор работы рассмотрел разнообразные формы нелегальной церковной жизни советского периода: запрещенные приходские и монашеские общины, крестные ходы, подпольную благотворительность, хозяйственную деятельность и др. Хотя хронологически основная часть исследования охватывает период с 1917 по 1953 г., важнейшие тенденции жизни церковного подполья автор прослеживает вплоть до 1980-х гг.

Существенно дополняют наше представление о месте и роли религиозных сообществ в советском обществе второй половины XX в. современные региональные исследования, авторы которых выявили особенности религиозной жизни на местах, показали синхронность в проведении политики власти по ограничению деятельности различных конфессий, отметили, что несмотря на полный запрет, нелегальные религиозные объединения функционировали во всех регионах страны [2–4].

Своеобразие религиозной жизни на Северо-Западе России посвящены исследования О. Б. Молодова и М. В. Шкаровского, в которых рассматривается скандинавское влияние на религиозные практики населения, отмечаются особенности жизни православных приходов, связанные с минимальным количеством храмов в этом регионе, кадровым дефицитом священнослужителей [5;6].

Проблемы деятельности Русской православной церкви (РПЦ) в свете международной политики СССР поднимаются в исследованиях В. Л. Короля [7], Н. Ю. Пивоварова, В. В. Тихонова и Н. П. Шок [8], С. В. Болотова⁶. В контексте отечественной и зарубежной историографии рассматриваются различные формы сотрудничества РПЦ со светскими миротворческими организациями, участие в антивоенных мероприятиях, межрелигиозное и международное сотрудничество с целью сохранения мира. Выясняется, насколько эффективным был гуманистический диалог в рамках миротворческого движения и как он способствовал упрочению положения христианских конфессий СССР в международных контактах.

История православной церкви в Карелии привлекала внимание исследователей в контексте дореволюционной истории (зарождение и развитие), а также межвоенного периода (борьба с церковью). Именно эти хронологические этапы затронуты в работах Э. Д. Степановой, в коллективной книге по истории Олонецкой епархии⁷. С. Б. Филатов расширяет временные рамки исследования, но анализ межконфессиональных контактов и их роли в церковно-государственных отношениях в интересующий нас период рассматривается конспективно⁸. Истории лютеранства в Карелии посвящена монография С. Э. Яловицкой⁹, в которой исследован процесс создания лютеранского прихода в Петрозаводске в 1969 г. и его последующее развитие.

Зарубежная историография советского периода миротворческую миссию православной церкви в СССР трактовала прежде всего как вынужденную позицию в условиях гонений, но детально ее не рассматривала. Участие в работе Фонда мира и иных международных организаций было едва ли не единственным способом Церкви выйти на международную арену. Дефицит источниковой базы в советский период стал причиной

⁵ Беглов А. В. В поисках «безгрешных катакомб»: Церковное подполье в СССР. М.: РОССПЭН, 2018. 350 с.

⁶ Болотов С. В. Русская православная церковь и международная политика СССР в 1930–1950-е годы. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2011. 322 с.; Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства. 1920–1941. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. 275 с.

⁷ Степанова Э. Д. Очерки истории православия в Карелии. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2008. 246 с.; Олонецкая епархия: Страницы истории / Петрозаводская и Карельская епархия; сост. Н. А. Басова и др. Петрозаводск: Национальный архив Республики Карелия, 2001. 253 с.

⁸ Филатов С. Б. Особенности религиозной жизни Карелии // Религия и общество. Очерки религиозной жизни современной России. М.; СПб.: Летний сад, 2002. С. 75–89.

⁹ Яловицкая С. Э. Лютеране Карелии: исторические очерки. Петрозаводск: ИП Марков Н. А., 2016. 216 с.

весьма ограниченного числа публикаций зарубежных исследователей по истории Церкви. В постсоветский период интерес финских исследователей к проблемам соотношения этничности финнов Карелии и лютеранства стал основой для появления ряда книг, диссертаций и статей на эту тему¹⁰. Многие из них использовали риторику гонений на Церковь и верующих в СССР.

Существенным препятствием для разработки исследуемой проблемы является ограниченная источниковая база, представленная в основном документами, отражающими взаимодействие Церкви и государства. Практически отсутствуют первичные материалы местных религиозных организаций, которые позволили бы получить представление о внутрицерковном и межконфессиональном диалоге по проблемам участия в миротворческой деятельности. Вероятно, большая часть обсуждений данных вопросов происходила «без протокола».

Материалы и методы

Источниками для написания статьи послужили архивные материалы Национального архива Республики Карелия и Государственного архива РФ. Это преимущественно официальная документация Совета по делам РПЦ и религиозных культов СССР и аппарата уполномоченного по указанным вопросам в Карелии: руководящие документы, циркуляры, инструкции, переписка, отчеты и др. Были привлечены и документы партийных органов установочного характера. Материалы по межрегиональным, межконфессиональным и внешним связям церковных общин Карелии рассредоточены по разным фондам и содержатся в документах часто в форме вкраплений. В силу того, что многие из акторов религиозной жизни действовали неофициально¹¹, документальный след в открытых архивных массивах обнаруживается с трудом.

Опубликованные в «Журнале Московской патриархии» официальные документы церкви¹² и их анализ в теме православной мирологии¹³ позволяют утверждать, что с 1948 г. РПЦ присоединилась к разработке социальной проблемы упрочения мира. В 1970-е гг. концепция ответственности церкви «за сохранение жизни на земле» была концептуализирована в специальную религиозную концепцию, что позволило Церкви войти в 1961 г. в экуменическое движение и сформулировать идеи совместного участия верующих и неверующих в борьбе за мир.

Источниковедческая специфика задала методологические ориентиры для разработки темы. Учитывая многоакторность изучаемого контекста как с внутривнутриполитической (союзное руководство, республиканское руководство, РПЦ, протестантские приходы, Эстония), так и внешнеполитической (СССР, Финляндия) точки зрения, исследование требовало комплексного анализа. Он стал возможным благодаря использованию проблемно-хронологического, историко-сравнительного методов и опоре на антропологический подход.

Результаты исследования и их обсуждение

Во второй половине XX в. с Финляндской Республикой, ближайшим соседом Карелии, поддерживались внешнеэкономические и культурные связи, осуществлялась приграничная торговля, однако к вопросу конфессиональных связей отношение советского руководства было противоречивым и непоследовательным. Причины следует искать не только в общей антирелигиозной направленности советской политики 1920–1970-х гг., но и в религиозной ситуации, которая сложилась в годы Великой Отечественной войны на оккупированной финнами части территории Карелии. Финские оккупационные власти

¹⁰ Sihvo J. Religion and Nationality among Minorities in Russia. The Case of the Ingrian Finns from the 1930s. Helsinki, 2002. P. 183–205.; Ylönen K. Inkerin kirkon nousu kommunistivallan päätyttyä // Kirkon tutkimuskeskus. Sarja A. № 70. Jyväskylä : Gummerus, 1997. 434 p.

¹¹ Issakainen M. Toinen vyöttää sinut Paul Saarin tie papiksi Viroon ja Inkerimaalle. Pieksämäki ; Helsinki : Kirjaneliö, 1994. 251 p.; Mesiainen E. Maria Kajavan pitkä taival. Helsinki : Karas-sana, 1990. 334 p.

¹² Русская Православная церковь [Электронный ресурс] // Журнал Московской патриархии. URL: <http://www.jmp.ru/a1943/y.php> (дата обращения: 21.05.2024).

¹³ Круглова Г. А. Православная мирология // Свободная мысль. 2011. № 12. С. 103–112. EDN: TWQUVB

развернули активную деятельность по внедрению религии среди населения: в Петрозаводске и районах республики ими было открыто до 30 церквей и молитвенных домов, которые функционировали до момента изгнания оккупантов, богослужения в церквях проводились только на финском языке; по распоряжению финских властей в обязательном порядке было введено крещение детей; население принуждалось к вступлению в церковные браки; в школах был введен урок изучения Закона Божия. В докладной записке министерства государственной безопасности КФССР секретарю ЦК КП(б) республики Г. Н. Куприянову от 25 июля 1947 г. подчеркивалось: «Финское духовенство... проводило активную работу среди молодежи как через церкви, так и через специально созданные религиозные школы «Риппи-коулу»¹⁴, а также путем распространения религиозной литературы... Была разоблачена и арестована антисоветская группа карельской молодежи, выезжавшая во время оккупации в Финляндию и окончившая там в 1942–1943 гг. шестимесячную религиозную школу. Они являлись в период оккупации членами финской националистической молодежной организации “Керхо”... После изгнания оккупантов они проводили религиозную и антисоветскую пропаганду среди молодежи, в том числе и прибывшей по реэвакуации»¹⁵.

В ноябре 1944 г. в Карелии официально действовала только одна Крестовоздвиженская церковь в Петрозаводске¹⁶. Имелись заявления об открытии церквей в иных городах и поселениях. Начавшееся в годы войны улучшение отношений между Церковью и государством нашло свое отражение в инструктивном письме уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР от 14 сентября 1944 г., в котором говорилось: «...В период оккупации вновь превращенные в церкви здания не могут изыматься из пользования церковных общин без особого на то разрешения Совета по делам РПЦ при СНК СССР»¹⁷. В предшествующий период подобные решения могли приниматься на местном уровне, без согласования с центральными властями.

Высокая оценка роли РПЦ в консолидации общества в годы Великой Отечественной войны во многом обусловила некоторые послабления в части советской атеистической пропаганды, однако уже в ранний послевоенный период официальная власть начинает сдерживать инициативы священников по проведению патриотической работы в мирное время и разъяснять им, что «проведение политических и хозяйственных кампаний – дело советских и партийных организаций, которые имеют достаточно силы и авторитета для выполнения поставленных задач»¹⁸.

Такая политика вполне согласовывалась с планами использования Церкви как духовно-нравственной опоры международной политики Кремля. Среди направлений внешнеполитической деятельности после войны основное внимание было уделено контактам Московской Патриархии со славянскими странами и воссоединению русских православных церквей за границей¹⁹. В этом контексте Карелия не представляла особого интереса для работы по указанным направлениям.

Православию в Карелии отводилась роль традиционного религиозного направления российского государства. Лютеранство же, в силу его происхождения, непременно свя-

¹⁴ Так в документе. Rippikoulu (фин.) – конфирмационная школа.

¹⁵ Докладная записка министра государственной безопасности КФССР полковника Кузнецова секретарю ЦК КП(б) КФССР Куприянову о состоянии церквей и деятельности духовенства, церковников и сектантов по КФССР от 25 июля 1947 г. // Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. П-8. Оп. 1. Д. 211/2448. Л. 6–9.

¹⁶ Письмо временно управляющему Ленинградской епархией Григорию, Архиепископу Псковскому и Порховскому от уполномоченного Совета по делам РПЦ при СНК КФССР И. Филимонова от 10 ноября 1944 г. // НА РК. Ф. Р-310. Оп. 2. Д. 1/1. Л. 10.

¹⁷ Инструктивное письмо уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР от 14 сентября 1944 г. // НА РК. Ф. Р-310. Оп. 2. Д. 1/1. Л. 17.

¹⁸ Инструктивное письмо уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР от 12 июля 1946 г. // НА РК. Ф. Р-310. Оп. 2. Д. 1/1. Л. 61.

¹⁹ Васильева О. Ю. Вместе с русским народом и Советским Союзом. Как сталинское правительство пыталось использовать авторитет Церкви // Независимая газета. 1997.

зывалось с идеологией военных противников. Именно поэтому многие восстановившие в годы войны свою деятельность церкви вновь были закрыты²⁰. Совет по делам религиозных культов, учрежденный в 1944 г., на местах организовал институт своих уполномоченных, но для Карелии было введено только кураторство над православной церковью.

Разрешение финнам-ингерманландцам, экспатрированным со своей этнической территории – Ленинградской области – в предвоенные и военные годы, расселяться на территории Карелии изменило конфессиональную ситуацию в республике. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР «О мерах по восстановлению и развитию лесозаготовок в КФССР» от 11 февраля 1949 г., к концу 1949 г. в республику прибыло почти 7,5 тыс. семей ингерманландцев. Они приезжали из разных регионов СССР, в большей степени из Эстонии (41 %), Псковской области (32 %), Сибири (16 %) ²¹. В 1950 г. в связи с так называемым «ленинградским делом» массовая вербовка была прекращена, а ингерманландцев предписывалось переселить из пограничных районов республики в непограничные²².

Одновременно принимались меры по усилению режима в пограничных районах Карело-Финской ССР (КФССР). В 1954 г. по причине участвовавших выездов священнослужителей в приграничные районы завязалась дискуссия между заместителем председателя Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР С. К. Бельшевым и председателем Совета Министров КФССР И. С. Беляевым. Представитель Совета по делам РПЦ настойчиво рекомендовал руководствоваться единым для всех граждан допуском в погранрайоны, что не представлялось целесообразным местному исполнительному лицу, считавшему необходимым определить для этой категории граждан особый порядок²³.

В исследованиях историков не раз обращалось внимание на сопряженность национальной политики Карелии с «финским вопросом»²⁴. Ингерманландские финны, завербованные в Карелию в 1949–1950-е гг., были призваны усилить финно-угорскую составляющую республики, так как уже к концу 1930-х гг. очевидными стали большие потери карелов, финнов и вепсов в составе населения республики (в 1939 г. их доля была равна 27 %, тогда как в 1926 г. – 42,6 %) ²⁵. Финский язык в республике долгое время рассматривался как замена бесписьменному карельскому языку в силу того, что он был весьма близок северному карельскому наречию. Эти обстоятельства не стали причиной особого отношения к религиозным предпочтениям финнов.

В докладной записке уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР по Карело-Финской ССР В. Клишко о религиозности населения и состоянии РПЦ в КФССР от 20 марта 1950 г. указывалось, что на окраине Петрозаводска, в пос. Кукковка, был выявлен факт слушания молитв, передаваемых одной из радиостанций Финляндии. В квартире финнов-переселенцев была обнаружена большая религиозная библиотека²⁶. В сообщении завсектором информации Пряжинского РК КП(б) от 27 ноября 1950 г. упоминались факты прослушивания в пос. Соддер отдельными рабочими, молодежью и даже комсомольцами записей финского церковного хора, а также радио-богослужений, передаваемых из Финляндии.

²⁰ Постановление СМ КФССР по ходатайству Заонежского райсовета депутатов трудящихся о закрытии церкви в Великой Губе. Апрель 1951 г. // НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 1/13. Л. 61–65.

²¹ Веригин С. Г., Суни Л. В. Переселение ингерманландцев в Карелию в конце 1940-х гг. // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории : сб. ст. и докладов. Мат-лы сер. «Народы и культуры». Вып. XVI. М. : Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1992. С. 200–216.

²² Особые папки. Рассекреченные документы партийных органов Карелии 1930–1956 гг. / сост. В. Г. Макуров, А. Т. Филатова. Петрозаводск : Изд-во «ИП Григорович А. А.», 2001. С. 118.

²³ Письмо заместителя Председателя Совета по делам РПЦ С. К. Бельшева председателю С. М. КФССР И. С. Беляеву от 23 февраля 1954 г. // НА РК. Ф. Р-310. Оп. 2. Д. 1/3. Л. 25–26.

²⁴ Вихвайнен Т. Сталин и финны. СПб. : Журнал «Нева», 2000. 285 с.; Kangaspuro M. Neuvosto-Karjalan taistelu itsehallinnosta. Nationalismi ja suomalaiset punaiset Neuvostoliiton vallankäytössä 1920–1939. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2000. 399 p.

²⁵ Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск : Карелия, 1978. С. 73.

²⁶ Докладная записка Уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР по КФССР В. Клишко о религиозности населения и состоянии РПЦ на 20 марта 1950 г. // НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 2/19. Л. 7.

Подобные факты пресекались партийным и советским руководством республики. В постановлениях бюро ЦК КП(б) КФССР и бюро Петрозаводского горкома партии подчеркивался «антисоветский характер пропаганды, ведущейся иностранными радиостанциями» и вменялось в обязанность партийным организациям улучшить агитацию на финском языке путем распространения книг, чтения лекций, особенно на антирелигиозные темы, систематического проведения в домах культуры, клубах, избах-читальнях, красных уголках организованного коллективного слушания центральных и местных радиопередач²⁷.

Помимо организации нелегальных молений верующих в частных домах и отдельных квартирах, пасторы-нелегалы устраивали конфирмации, распространяли религиозную литературу, завезенную в СССР из Финляндии в 1944–1945 гг. Так, в августе 1953 г. органами госбезопасности республики был изъят у пасторов-лютеран, проживавших в дер. Бабя Губа и пос. Рабочеостровск Кемского района, ряд книг, изданных в Финляндии в 1920–1940-х гг.: «Потерянная Ингерманландия», «О жизни и смерти», «Клад души», «Спасен ли ты?» и др.²⁸

К концу 1950-х гг., в связи с преобразованием в 1956 г. Карело-Финской ССР в Карельскую автономную республику, финский компонент в национальной политике республики утратил свое значение, однако вопрос об отношении к лютеранам оставался актуальным.

С 1954 г. в обязанности уполномоченного по делам РПЦ входил контроль за посещением церквей иностранными делегациями. В это время в Карелии было зарегистрировано шесть церквей. Совет по делам РПЦ при Совете Министров СССР в постановлении от 21 сентября 1955 г. настоятельно рекомендовал местным властям при организации приема иностранцев исходить из того, чтобы у делегации складывалось благоприятное представление о терпимом отношении к церкви в СССР²⁹. В 1957 г. был разработан справочный материал для бесед с иностранными гостями, отразивший совместную работу советских властей и духовенства, которое по собственной инициативе включилось в активную борьбу советского народа за мир, призывая к этому верующих. Внешняя работа церкви рассматривалась как «единственная сторона деятельности церкви, которая представляет интерес и полезна на современном этапе для нашего государства»³⁰.

Участие церкви в этой работе жестко контролировалось государством. К примеру, в ответ на обращение Патриарха Московского Алексея в Совет по делам религиозных культов с просьбой ознакомить духовенство и верующих с результатами работы сессии всемирного Совета Мира в Стокгольме (1959 г.) разрешение было получено, но при условии обязательного участия представителей Советского комитета защиты мира.

В 1950–1970-е гг. период идеологической конфронтации и культурного изоляционизма в советско-финляндских межгосударственных отношениях сменился курсом на сближение стран, закрепленным Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи (1948 г.). Расширению разнообразных контактов на межгосударственном и межличностном уровнях способствовало создание в 1962 г. Карельского отделения общества «СССР – Финляндия» и установление в 1965 г. побратимских отно-

²⁷ Постановление бюро Петрозаводского горкома партии «О мероприятиях по улучшению массово-политической работы среди переселенцев» от 24 августа 1949 г. // НАРК. Ф. П-1230. Оп. 58. Д. 12. Л. 59–62; Постановление бюро ЦК КП(б) КФССР «О состоянии и мерах усиления контроля за использованием радиоприемников коллективного слушания» от 18 июля 1950 г. // Особые папки. Рассекреченные документы партийных органов Карелии 1930–1956 гг. / сост. В. Г. Макуров, А. Т. Филатова. Петрозаводск : Изд-во «Григорович А. А.», 2001. С. 120.

²⁸ Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики. 1941–1956 гг. / под ред. В. Г. Макурова. Петрозаводск : СДВ-Оптим, 1999. С. 209.

²⁹ Постановление Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР от 21 сентября 1955 г. // НА РК. Ф. Р-310. Оп. 2. Д. 1/4. Л. 6.

³⁰ О докладной записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам о недостатках научно-атеистической пропаганды. 20 января 1959 г. : Доклад члена Совета по делам религий И. И. Сивенкова // НА РК. Ф. Р-310. Оп. 2. Д. 1/6. Л. 33.

шений Петрозаводска и Варкауса. Политический климат, улучшение взаимоотношений между странами составляли важную предпосылку для развития отношений и в других областях.

Так, Совет Министров КФССР в мае 1953 г. разрешил включить в состав церковной делегации, направляемой Московской патриархией в Финляндию, настоятеля Петрозаводского Крестовоздвиженского собора священника Н. В. Фомичева, имевшего высшее образование. В задачу делегации входило выяснение на месте положения приходов Московской патриархии и православных карел в Финляндии и разоблачение враждебной клеветы об отсутствии религиозной свободы в СССР, в частности в КФССР³¹.

В то же время неизменно отрицательной оставалась позиция руководства республики, касающаяся регистрации лютеранского прихода. В 1960 г. в Петрозаводске в группе лютеран насчитывалось около 1 тыс. чел. В разных районах Карелии существовали сектантские группы: 121 пятидесятник, 4 адвентиста, 4 члена истинно-православной церкви и 4 иеговиста³².

Попытки узаконить лютеранский приход в Карелии наряду с общиной евангельских христиан растянулись на десятилетия. Большую роль сыграли активисты этих групп, постепенно добивавшиеся существенных уступок власти.

Отдел пропаганды и агитации Петрозаводского горкома КПСС предполагал, что просьбы об открытии молебных домов и легализации своего положения со стороны сектантов, баптистов и лютеран совпадали со стремлениями финского реакционного духовенства, которое поставило цель иметь в Петрозаводске центр для проведения националистической работы. В справке отдела, направленной в Карельский обком КПСС, подчеркивалось, что «в настоящее время лютеранские церковники отказались от групповых информаций и проводят эту работу в очень узком кругу лиц»³³.

В 1960 г. секретари бюро обкома партии дважды поднимали вопрос о повышении политической бдительности и активном противодействии враждебной радиопропаганде. Высказывались опасения в связи со случаями нарушения границы с Финляндией, увеличением засылки иностранной литературы. Постановления бюро призывали улучшить качество научно-атеистической пропаганды³⁴.

В этом контексте интересна опубликованная в 1963 г. в издательстве «Советский художник» серия открыток на антирелигиозную тему, в которой религия и церковь обличаются как архаичное явление жизни, от которого следует дистанцироваться (рис. 1–4)³⁵.

Церковники, православные и протестантские, изображены как нахлебники, «сидящие на шее» у народа. А «груз» с надписью «гусли» (рис. 3) призван символизировать отказ от архаичных традиций, в числе которых находится и религия.

Внимание уделено и внешнеполитическому аспекту, представленному через образ американских верующих, не пренебрегающих убийством представителя другой расы. Примеры плакатов, изданных в 1963 г., представляют верующих в числе врагов советской власти и ставят их в один ряд с внешнеполитическими противниками холодной войны, подвергая сомнению истинность их устремлений.

³¹ Ответ Председателя СМ КФССР П. Прокконена на запрос Совета по делам РПЦ от 12 мая 1953 г. // НА РК. Ф. Р-310. Оп. 2. Д. 1/3. Л. 5.

³² Справка о ходе выполнения постановления Совета Министров КАССР от 24 августа 1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах» // НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 3/44. Л. 33; Д. 3/45. Л. 141.

³³ Справка отдела пропаганды и агитации Петрозаводского горкома КПСС об атеистической пропаганде в городе. 1960 г. // НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 3/44. Л. 55–58.

³⁴ Протокол бюро Карельского обкома партии от 2 августа 1960 г. «О повышении политической бдительности» // НА РК. Ф. П-3. Оп. 11. Д. 42. Л. 19–20; Протокол бюро Карельского обкома партии от 25 августа 1960 г. «О мерах активного противодействия враждебной радиопропаганде» // НА РК. Ф. П-3. Оп. 11. Д. 45. Л. 39.

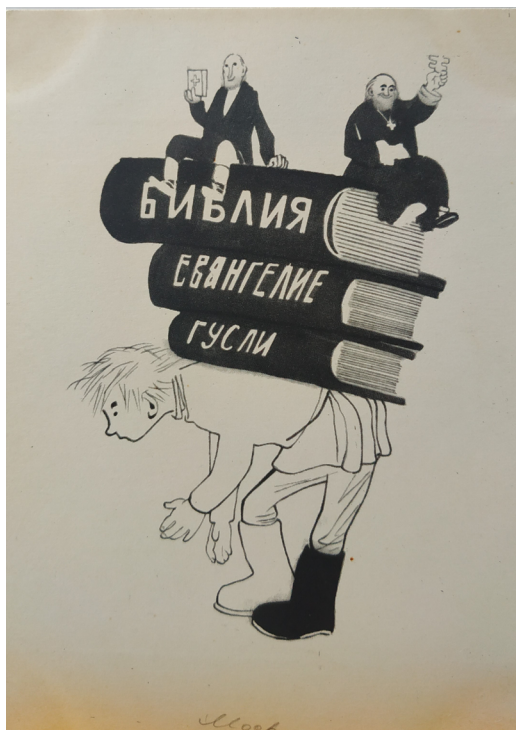
³⁵ Рисунки, плакаты на антирелигиозную тему. Л.: Советский художник, 1964. 24 шт.

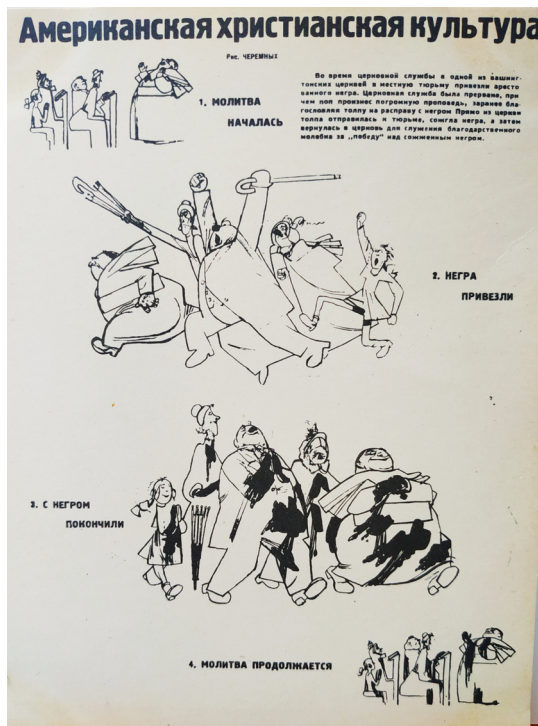
Р и с. 1. Д. С. Моор, П. Я. Караченцев
«Тянет поп к прежнему, — да где ж ему!» Плакат.
F i g. 1. D. S. Moore, P. Y. Karachentsev “The priest
longs for the past, but where can he go?!” Poster.

Р и с. 2. М. М. Черемных «У церковного порога ждешь, поп, напрасно!» Плакат.
F i g. 2. M. M. Cheremnykh “You wait in vain at the church threshold, priest!” Poster.

Р и с. 3. Д. С. Моор «Ненужный груз».
Плакат.
F i g. 3. D. S. Moore “Unnecessary burden”.
Poster.

Р и с. 4. М. М. Черемных
«Американская христианская культура». Плакат.
F i g. 4. M. M. Cheremnykh
“American Christian Culture”. Poster.

Источник: все рисунки взяты из серии открыток издательства «Советский художник».

Source: all figures are taken from a series of postcards published by the “Sovetskiy hudozhnik” publishing house.

Несмотря на пропагандистский прессинг, контакты лютеран Карелии с Эстонией, вошедшей в состав СССР в 1940 г., продолжались. В 1958 г. Петрозаводск посетил эстонский архиепископ Ян Кийвит. В 1969 г. благодаря его содействию удалось официально зарегистрировать карельский лютеранский приход (для регистрации требовалось наличие конфессионального центра или органа управления, который и существовал в ЭССР в силу более либеральной религиозной политики на присоединенных территориях).

Лютеране внимательно отслеживали опыт православных прихожан и настаивали на таких же правах для своей общины, власти были вынуждены согласиться. Пастор из Эстонии Э. Кульль с 1968 г. регулярно приезжал в приход Петрозаводска. Обеспечить это было непросто. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов в Карелии отклонял эти визиты, объясняя свою резолюцию тем, что пастор не может приезжать из-за пределов города, а должен иметь в нем постоянную прописку. Только в 1972 г. было подписано официальное разрешение эстонскому пастору служить в лютеранском приходе.

Связи с Эстонским епископатом имели и совещательный характер. Церковный совет Петрозаводской общины информировал эстонскую сторону о неудовлетворенных запросах к власти, которые подавались верующими. В ответ евангелическо-лютеранская консистория ЭССР обращалась в Совет по делам религий с настойчивыми просьбами о содействии. Таким образом, негласно (без непосредственного юридического подчинения) существовала связь лютеранского прихода Карелии с эстонским епископом и консисторией. Только в ноябре 1976 г. это взаимодействие было узаконено³⁶.

Во взаимоотношениях с государственными органами лютеранский приход ориентировался на опыт православной церкви. Были приняты во внимание вопросы, связанные с запретом колокольного звона для церквей, находившихся рядом с образовательным учреждением. За проведение обрядов крещения, венчания и отпевания прихожан тоже пришлось бороться. Поскольку они были официально признанными атрибутами православного служения, то лютеране использовали этот факт для отстаивания своего права на такую же обрядовую практику. Такие опосредованные контакты православных и лютеран не становились причиной межконфессиональных трений, напротив, они часто коммуницировали вплоть до взаимных проповедей в своих приходах, отправления друг другу писем-запросов, уточняющих возможные формы взаимодействия. В лютеранской общине обряды крещения, венчания, отпевания, в том числе заочного, были разрешены с 1975 г.

Финны-лютеране Карелии стремились поддерживать постоянные связи с «метрополией», хотя чаще всего контакты происходили на частном, семейном уровне. В 1975 г. состоялся первый визит в Петрозаводск архиепископа Евангелическо-лютеранской церкви ЕЛЦ Финляндии М. Симоёки. В 1981 г. лютеранский приход посетил генеральный секретарь отдела иностранных дел финской лютеранской церкви Я. Лауникари. На торжественной службе присутствовали представители православной церкви. Во время встречи с Уполномоченным по делам религий при Совете Министров Карельской АССР было выражено общее пожелание о постройке нового молитвенного дома.

Решить этот вопрос помогли лютеранам Петрозаводска высшие российские православные иерархи, убедив республиканское руководство в такой необходимости, которая действительно была, поскольку Петрозаводский приход был местом стягивания лютеран из многих близлежащих к Петрозаводску сел. В 1981 г. Олонецким православным епархиальным управлением была оказана финансовая помощь лютеранскому приходу для переоборудования молитвенного здания³⁷, что свидетельствует о высокой степени межконфессионального взаимодействия.

Вместе с тем внимание зарубежных церковных деятелей к лютеранской общине Петрозаводска стало причиной особого контроля за ее деятельностью. Визиты иностранных туристов в общину, поступление религиозной литературы, различные собрания и мероприятия, даже субботники – все это стало заботой уполномоченного. Многие из попыток прихожан ЕЛЦ Финляндии оказать помощь верующим и соплеменникам пресекались. Участие в мероприятиях под лозунгом «борьбы за мир» были одним из способов контак-

³⁶ Письмо и. о. Уполномоченного Совета по делам религий (СДР) при Совете министров КАССР В. С. Ракчеева в СДР при Совете министров СССР от 19 ноября 1976 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 6991с. Оп. 6. Д. 1154. Лл. 6; 9–10.

³⁷ Письмо Уполномоченного по делам религий при Совете министров КАССР В. И. Поршнякова в СДР при Совете министров СССР от 2 сентября 1982 г. // ГА РФ. Ф. 6991с. Оп. 6. Д. 2320. Л. 14.

тов, которые часто проходили за рубежом. Именно поэтому все визиты, составы делегаций, планы работ в период подобных встреч тщательно согласовывались.

Заключение

Религиозная ситуация в Карелии в 1940–1980-х гг. обуславливалась разными факторами. Пространственное размещение в приграничной территории, соседство с капиталистической страной, являвшейся противником СССР в годы Второй мировой войны, определили настороженное отношение советского руководства к любым формам контактов церкви с общинами и религиозными структурами Финляндии. Связь лютеранства со странами-противниками также обусловила максимальное неприятие инициатив граждан по созданию лютеранских приходов. С другой стороны, понимание укрепившегося после войны имиджа церкви, необходимость налаживания контактов на мировой арене в условиях «холодной войны» создавали хорошие возможности для самосохранения РПЦ. Осознавая это, часть православного духовенства в Карелии сотрудничала с официальными властями, выполняя их заказ на патриотическую и миротворческую деятельность и реализуя свои попытки по расширению сферы влияния с опорой на международную огласку и даже межконфессиональные связи. Описанные выше примеры взаимной поддержки православных и лютеран отражают близость запросов религиозных общин, которые оказались выше теологических разночтений. Исследование позволяет по-новому взглянуть на проблемы регионального межконфессионального взаимодействия в период атеистической политики советского государства 1940–1980-х гг., отразить роль внешнего фактора, оказавшего существенное влияние на религиозную ситуацию в приграничной республике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Белякова Н.А. «Сообщаем о преступлениях против правосудия...»: обращения и жалобы верующих в брежневском СССР. *Новейшая история России*. 2018;8(3):640–658. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.307>
Belyakova N.A. “We Report about the Crimes against Justice...”: Believer’s Appeals and Complaints in the Brezhnev USSR. *Modern History of Russia*. 2018;8(3):640–658 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.307>
2. Буянов Е.В. Религиозная ситуация в Амурской области во второй половине 40-х – первой половине 60-х гг. XX в. *Религиоведение*. 2017;(1):23–30. <https://doi.org/10.22250/2072-8662.2017.1.23-30>
Buyanov E.V. Religious Situation in the Amur Region in the Second Half of the 1940s – First Half of the 1960s. *Religiovedenie*. 2017;(1):23–30. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22250/2072-8662.2017.1.23-30>
3. Дашковский П.К., Зиберт Н.П. Положение религиозных общин Западной Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики середины 1950-х – первой половины 1960-х гг. *Новейшая история России*. 2022;12(2):477–490. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.213>
Dashkovskiy P.K., Zibert N.P. The Situation of Religious Communities in Western Siberia in the Context of the State Confessional Policy in the Mid-1950s – Early 1960s. *Modern History of Russia*. 2022;12(2):477–490. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.213>
4. Савин А.И. Нелегальная деятельность евангельских общин и практики власти в позднем СССР (1960-е – 1980-е гг.). *История*. 2018;9(7). <https://doi.org/10.18254/S0002374-0-1>
Savin A.I. Evangelical Communities’ Illegal Activities and Government Practices in Late USSR (1960s – 1980s). *Istoriya*. 2018;9(7). (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18254/S0002374-0-1>
5. Молодов О.Б. Православный приход: понятие и система управления в 1945–2000 гг. (на материалах Европейского Севера). *Новейшая история России*. 2016;(3):121–137. URL: <https://clck.ru/3FnsjS> (дата обращения: 25.01.2024).
Molodov O.B. An Orthodox Parish: The Concept and Management System in 1945–2000 (a Case Study of the Russian North). *Modern History of Russia*. 2016;(3):121–137. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3FnsjS> (accessed 25.01.2024).
6. Шкаровский М.В. Скандинавское влияние на религиозную жизнь Северо-Запада России в XVII–XX веках. *Христианское чтение*. 2018;(3):243–256. <https://doi.org/10.24411/1814-5574-2018-10071>
Shkarovsky M.V. Mikhail Shkarovsky. Scandinavian Influence on the Religious Life of North-West Russia in the 17th–20th Centuries. *Christian Reading*. 2018;(3):243–256. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24411/1814-5574-2018-10071>
7. Король В.Л. Миротворческая деятельность Русской православной церкви (1949–1991): историография проблемы. *Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманитарные науки*. 2013;(9):144–152. URL: <https://elib.psu.by/bitstream/123456789/1182> (дата обращения: 26.02.2024).

- Korol V.L. Peacemaking Activity of Russian Orthodox Church (1949–1991): Historiography of the Problem. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki*. 2013;(9):144–152. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://elib.psu.by/bitstream/123456789/1182> (accessed 26.02.2024).
8. Пивоваров Н.Ю., Тихонов В.В., Шок Н.П. Миротворческое движение СССР в конце 1940-х – начале 1960-х годов: христианские конфессии и этика международного гуманистического диалога. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2021;(74):55–65. <https://doi.org/10.17223/19988613/74/7>
- Pivovarov N. Yu., Tikhonov V.V., Shok N.P. The Peacemaking Movement of the USSR in the Late 1940s – Early 1960s: Christian Denominations and the Ethics of International Humanistic Dialogue. *Tomsk State University Journal. History*. 2021;(74):55–65. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17223/19988613/74/7>

Информация об авторах:

Вавулинская Людмила Ивановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (185910, Российская Федерация, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6404-7551>, SPIN-код: 2326-9197, ludvav@mail.ru

Яловицына Светлана Эркиевна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (185910, Российская Федерация, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5024-6357>, SPIN-код: 6690-1995, jalov@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Л. И. Вавулинская – осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; создание и подготовка рукописи: написание черновика рукописи, внесение замечаний и исправлений членами исследовательской группы.

С. Э. Яловицына – формулирование идеи исследования, целей и задач; разработка методологии исследования; контроль и лидерство в процессе планирования и проведения исследования; создание и подготовка рукописи: критический анализ черновика рукописи, внесение замечаний и исправлений членами исследовательской группы, в том числе на этапах до и после публикации.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 04.09.2024; одобрена после рецензирования 27.11.2024; принята к публикации 02.12.2024.

Information about the authors:

Ljudmila I. Vavulinskaya, Cand.Sci. (Hist.), Senior Researcher, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (11 Pushkinskaya St., Petrozavodsk 185910, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6404-7551>, SPIN-код: 2326-9197, ludvav@mail.ru

Svetlana E. Yalovitsyna, Cand.Sci. (Hist.), Senior Researcher, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (11 Pushkinskaya St., Petrozavodsk 185910, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5024-6357>, SPIN-код: 6690-1995, jalov@yandex.ru

Authors' contribution:

L. I. Vavulinskaya – conducting the research process, including collecting data; creating and preparing the manuscript: writing a draft of the manuscript, providing comments and corrections by members of the research team.

S. E. Yalovitsyna – ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims; development of methodology; oversight and leadership responsibility for the research activity planning and execution, including mentorship external to the core team; preparation and creation of the published work by those from the original research group, specifically critical review, commentary or revision – including pre- or post-publication stages.

All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 04.09.2024; revised 27.11.2024; accepted 02.12.2024.

ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ HISTORY, ETHNOGRAPHY, ARCHEOLOGY

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.080-089>

EDN: <https://elibrary.ru/rwldew>

УДК / UDC 94:398.3(=511.152)

Оригинальная статья / Original article

Традиционная культура мордвы Казанской губернии: историко-этнографический аспект

Е. Н. Бикейкин, Т. М. Гусева, Г. А. Куршева

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,*

г. Саранск, Российская Федерация

kursheva_galina@mail.ru

Аннотация

Введение. Культура мордвы, проживающей в различных регионах нашей страны, развивалась под влиянием многих факторов и прежде всего под влиянием культур других народов. В современной этнографической науке многие аспекты данных изменений в традиционной культуре не нашли должного освещения. Перед учеными стоит задача – проследить трансформации в культуре мордвы. Цель исследования – определить особенности культуры мордовского населения, проживавшего в XVIII–XIX вв. на территории Казанской губернии.

Материалы и методы. Исследование проведено на основе экспедиционных материалов, собранных исследователями XVIII–XIX вв., работ ученых данного периода, в которых были охарактеризованы наиболее важные черты традиционной культуры мордовского народа, проживавшего в Казанской губернии. Участники экспедиций при сборе сведений использовали метод непосредственного наблюдения. Сравнительно-исторический метод стал основным при анализе данных материалов.

Результаты исследования и их обсуждение. Ученые XVIII–XIX вв., прослеживая динамику численности населения, выявили постепенное увеличение числа мордовского населения на территории Казанской губернии. Большое влияние на традиционную культуру мордовского населения оказывали этносы, проживавшие в близком соседстве: татары, чувашы, русские. Культура мордвы Казанской губернии к концу XIX – началу XX в. представляла собой своеобразный сплав, оставаясь в основе своей традиционной культурой мордовского народа с сохранением национального самосознания.

Заключение. Материалы исследования вносят вклад в развитие региональной исторической и этнографической науки и могут быть полезны исследователям, изучающим материальную культуру, обряды, религиозные верования мордовского этноса.

Ключевые слова: мордовский народ, трансформация традиционной культуры, Казанская губерния, этнографические экспедиции, дисперсность расселения

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Бикейкин Е.Н., Гусева Т.М., Куршева Г.А. Традиционная культура мордвы Казанской губернии: историко-этнографический аспект. *Финно-угорский мир.* 2025;17(1):80–89. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.080-089>

© Бикейкин Е. Н., Гусева Т. М., Куршева Г. А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

The Traditional Culture of the Mordovians in the Kazan Province: A Historical and Ethnographic Perspective

E. N. Bikeykin, T. M. Guseva, G. A. Kursheva ✉

Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Saransk, Russian Federation
✉ kursheva_galina@mail.ru

Abstract

Introduction. The wide settlement area of the Mordovian people presents a significant challenge for researchers studying traditional culture. The culture of the Mordovians, residing in various regions of our country, has evolved under the influence of multiple factors, primarily the cultures of different ethnic groups. This interaction led to mutual influence, cultural enrichment, and the development of distinctive features. In modern ethnographic studies, many aspects of these transformations in traditional culture remain insufficiently explored. Scholars face the task of tracing the cultural transformations of the Mordovian people. This study aims to identify the cultural characteristics of the Mordovian population residing in the Kazan Province during the 18th and 19th centuries.

Materials and Methods. The study is based on expedition materials collected by researchers in the 18th and 19th centuries, as well as works by scholars from that period, which characterized the key features of the traditional culture of the Mordovian people living in the Kazan Province. The expedition participants used the method of direct observation when gathering information. The comparative-historical method was the primary approach in analyzing these materials.

Results and Discussion. Scholars of the 18th and 19th centuries, tracing the population dynamics, identified a gradual increase in the Mordovian population in the Kazan Province. The traditional culture of the Mordovian population was significantly influenced by the ethnic groups living in close proximity, such as the Tatars, Chuvash, and Russians. By the end of the 19th century and the beginning of the 20th century, the traditional culture of the Mordovians in the Kazan Province had become a unique blend, still fundamentally rooted in the traditional culture of the Mordovian people, while preserving national identity.

Conclusion. The materials of the study contribute to the development of regional historical and ethnographic sciences and will be valuable to researchers studying the material culture, rituals, and religious beliefs of the Mordovian ethnic group.

Keywords: Mordovian people, transformation of traditional culture, Kazan province, ethnographic expeditions, dispersion of settlement

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Bikeykin E.N., Guseva T.M., Kursheva G.A. The Traditional Culture of the Mordovians in the Kazan Province: A Historical and Ethnographic Perspective. *Finno-Ugric World*. 2025;17(1):80–89. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.080-089>

Введение

Особенностью расселения мордвы на территории Российской империи являлась ее дисперсность. Мордовский народ проживал во многих губерниях, часто являясь первопоселенцем. Так, исследователи XIX в. называли мордовское население Казанской губернии одним из древнейших народов, населявших ее.

А. Ф. Риттих считал, что «...эту эрзу, вплоть до периода появления сначала черемис, а потом тюрского племени в нагорной части Казанской губернии, можно принять и считать за первобытный слой заселения губернии в соседстве зырян»¹. Современные исследователи полагают, что в конце XV в. значительная часть мордовского населения была расселена в Казанском ханстве, поскольку этническая территория проживания мордвы находилась на незначительном от него расстоянии, и многие представители мордовского народа оказались в центральных районах ханства не по собственной воле, а принудительно. Здесь они вынуждены были платить ясак и обрабатывать земли хана. По мнению М. Е. Евсевьева,

¹ Риттих А. Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Казань : Тип. Казанского ун-та, 1870. Т. 1. С. 20.

большое число мордвы татары расселили к югу от Казани, на берегах Волги. На место своего постоянного проживания мордовское население смогло вернуться только после падения Казанского ханства. Зброшенных мордовских селений оказалось очень много, писцовая книга Свияжского уезда за 1565–1567 гг. свидетельствует: «Да в тех же селах и в деревнях, – отмечал писец, – с татары и с чувашею преж сего жили мордва и та де мордва разошлася по своим старым улусам по вотчинам и по ухозяям в мордву на Мокшу и по Суре...»².

Но много было и тех, кто не вернулся на прежнее место жительства и поселился рядом с чувашами, русскими, татарами. Сильное влияние на мордовскую традиционную культуру оказала культура татарского народа. Более тесное взаимодействие наблюдалось между мокшей и татарами и в период господства ордынцев, и во времена Казанского ханства. У татар для мордвы было единое название, в основе которого находился этнонимом «мокша» («мухша»), «мухшилар». В результате татаризации появились мордва-каратаи, которые несмотря на то, что забыли родной язык, смогли сохранить мордовскую идентичность.

В статье рассматривается традиционная культура мордвы, проживавшей на территории Казанской губернии. Цель исследования – выявить особенности традиционной культуры мордовского населения, жившего в окружении татарского и других народов в период XVIII–XIX вв.

Обзор литературы

Изучение культуры и быта мордвы Казанской губернии, как и мордовского народа в целом, началось в XVIII в. В 1733–1743 гг. Российской академией наук были организованы крупнейшие экспедиции, в том числе и в Среднее Поволжье, для изучения культуры проживающих там народов. Участники Академических экспедиций много внимания уделили культуре мордвы. Г. Ф. Миллер собрал данные, которые воплотились в большой труд о живущих в Казанской губернии народах, составленный им словарь включает более 300 эрзянских слов³. И. И. Лепехин посвятил мордве два очерка, в которых показал сходство многих черт хозяйства, культуры и быта народов Среднего Поволжья. В «Дневных записках...» он упомянул, что кроме эрзи и мокши существует третья немногочисленное колено – каратаи, населявшие три деревни в Казанском уезде⁴.

В работе П. И. Рычкова, посвященной проблемам археологии, этнографии, экономики народов Поволжья, Урала, русской колонизации края, содержатся высказывания об этнокультурных связях мордвы с другими народами⁵. Первый обобщающий труд о народах Российской империи И.-Г. Георги содержит раздел, посвященный изучению мордвы. Ценность данной работы в том, что в ней содержатся пять гравюр с изображением мордовских девушек и замужних женщин в национальных костюмах⁶.

Заслуга ученых XVIII в. заключается в том, что они охарактеризовали основные черты хозяйственной, материальной и духовной культуры, общественного и семейного быта, взаимоотношений мордвы с другими народами.

В XIX в. исследованием мордовского населения Казанской губернии занимался профессор Казанского императорского университета К. Ф. Фукс, он дал характеристику жителей двух мордовских сел – Березовки и Андреевки, описав их внешний вид, жилище, особенности питания, обряды. В «Этнографическом описании Казанской губернии» 1841 г. Фукс подчеркивает, что из всех народов, населяющих данную территорию, мордва

² Евсевьев М. Е. Мордва Татарской Республики // Избранные труды : в 5 т. Саранск : Мордов. кн. из-во, 1966. Т. 5. С. 389.

³ Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1791. 99 с.

⁴ Лепехин И. И. Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1771. 537 с.

⁵ Рычков П. И. Опыт Казанской истории древних и средних веков. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1767. 196 с.

⁶ Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1799. Ч. 1. О мордве. С. 42–48.

считается наиболее обрусевшей⁷. Полковник А. Ф. Риттих, анализируя процесс заселения и проживания мордовского народа на территории Казанской губернии, приводит статистические данные о его численности, подчеркивает высокую нравственность, способность мордовского народа к изучению других языков⁸. В работе Н. А. Бобровникова перечислены православные приходы, в которых проживало мордовское население. Автор подчеркивает: несмотря на то, что в Казанской губернии много обрусевший мордвы, сохранилось значительно количество мест, где они «твердо держатся языческого обихода и мордовского языка»⁹.

Изучение каратаев было продолжено в XIX в. членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете С. К. Кузнецовым, который пытался выяснить, к какому народу их можно отнести – к татарам, подвергшимся мордовскому влиянию, или отатарившейся мордве?¹⁰ Священник Г. А. Филиппов посвятил историко-этнографический очерк жителям с. Мордовские Каратаи и д. Менситово Тетюшского уезда Казанской губернии¹¹.

В конце XIX – начале XX в. материальную культуру, быт и фольклор мордвы Казанской губернии исследовал М. Е. Евсевьев, который проанализировал основные черты мокшанских и эрзянских свадеб, обычаев, молений¹².

Из зарубежных исследователей следует выделить финского ученого А. О. Гейкеля, который в 1883–1885 гг. во время этнографических поездок к мордве посетил и Казанскую губернию, изучил этнографические коллекции в Этнографическом музее Казанского университета и Казанском городском музее. Результатом его экспедиций по поволжским губерниям стали фундаментальные работы о мордве, в которых он анализирует одежду и вышивку, жилища мордовского народа¹³.

Изучение мордовского населения Татарской республики получило свое продолжение в XX в. В 1953–1958, 1967, 1969 гг. Институтом этнографии АН СССР и Мордовским научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории и экономики были проведены комплексные Мордовские этнографические экспедиции под руководством В. Н. Белицер¹⁴, которая внесла большой вклад в изучение культуры мордовского народа, проживавшего на территории Татарской АССР.

Период 1980–1990 гг. стал временем, когда тема казанской мордвы практически не изучалась. Частично исследования продолжились в 2000-х гг. Изучение этнических процессов среди мордовских диаспор стало темой исследования Г. А. Корнишиной [1]. В своих работах она рассматривает обрядовую культуру мордовского населения, проживающего в Поволжье и на Урале [2; 3], структуру мордовской семьи в Республике Татарстан [4]. Самарские ученые, проделав большую работу, посвятили истории и культуре

⁷ Фукс К. Ф. Поездка из Казани к мордве Казанской губернии в 1839 году // Журнал министерства внутренних дел. Ч. XXXIV. СПб., 1859. С. 86–118.

⁸ Риттих А. Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Казань : Тип. Казанского ун-та, 1870. Ч. 1. 109 с; Риттих А. Ф. Мордва // Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Ч. 2. Казань : Тип. Казанского ун-та, 1870. С. 216–224.

⁹ Бобровников Н. А. Инородческое население Казанской губернии. Вып. 1. Татары, вотяки, мордва. Казань, 1899. С. 61–68.

¹⁰ Кузнецов С. К. Сообщение о мордво-каратаях // Известия Общества археологии, истории и этнографии Казанского императорского университета. 1885. Вып. 1. С. 7–9.

¹¹ Филиппов Г. А. Мордва-христиане. Из жизни села Мордовские Каратаи и деревни Менситово Тетюшского уезда Казанской губернии (историко-этнографический очерк). Казань : Центральная типография, 1914. 10 с.

¹² Евсевьев М. Е. Мордва Татреспублики Т. 5. С. 385–408.

¹³ Гейкель А. О. Мои исследования среди приволжских инородцев // Известия Русского географического общества. 1886. Т. 21. С. 534–536.

¹⁴ Белицер В. Н. Мордва-каратаи и их культура (к вопросу о происхождении) // Тр. Мордов. этногр. экспедиции. Вып. I. («Вопросы этнической истории мордовского народа»). М., 1960. Т. LXII. С. 227–255; Белицер В. Н. Обзор мордовских поселений и построек первой половины XX в. в районах смежных с Мордовской АССР // Тр. Мордов. этногр. экспедиции. Вып. II. М., 1963. С. 210–249; Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. М., 1973.

мордовского народа свой коллективный труд¹⁵. Казанских ученых привлекают работы, написанные в XIX – начале XX в., они проводят их анализ, дают комментарии [5].

Экспедиционная работа также была продолжена в данный период. Две крупные комплексные этнографические экспедиции были проведены Научно-исследовательским институтом гуманитарных наук при Правительстве РМ в Республике Татарстан в 2000 г. под руководством Л. И. Никоновой и в 2021 г. под руководством И. В. Зубова. В ходе последней научной поездки были исследованы особенности говоров мордвы¹⁶, обычаи и обряды [6], материально-духовная культура¹⁷, фольклор¹⁸.

Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время исследователи крайне редко обращаются к теме мордовских диаспор. Практически отсутствуют современные работы, в которых исследуются вопросы исторического прошлого традиционной культуры мордовского народа.

Материалы и методы

Для проведения исследования наиболее важными явились материалы непосредственного наблюдения действительности мордовского народа, проживавшего на территории Казанской губернии, которые были осуществлены при проведении ряда экспедиций учеными XVIII–XIX вв. В статье проведен анализ данных сведений, содержащих богатый материал о традиционной культуре, обычаях и нравах, хозяйственном, социальном устройстве, верованиях мордовского населения Казанской губернии. Сравнительно-исторический метод, использованный при создании работы, позволил рассмотреть традиционную культуру мордовского народа как определенную сложившуюся систему, учесть при этом общие закономерности развития и влияния местных факторов, которые изменили многие стороны жизни мордовского населения Казанской губернии.

Результаты исследования и их обсуждение

Мордовский народ стал активно селиться на берегах Волги в XVIII в. Кроме того, мордовские поселенцы освоили лесные территории по р. Черемшан и к северу от р. Кинель. Здесь были образованы уезды Казанской (Спасский и Чистопольский) и Самарской (Бугульминский) губерний. Полковник А. Ф. Риттих в своей работе «Материалы для этнографии России. Казанская губерния» пишет о том, что «при Императрице Елизавете Петровне в 1734 году переселено вдруг из Казанской губернии крещенных мордвин в Саратовскую губернию 17 362 души. Таким же образом их поселили в Оренбургской губернии»¹⁹. В Казанской губернии осталась лишь незначительная часть мордовского населения в бывших Тетюшском и Симбирском уездах, расположенных на правом берегу Волги, в основном это была мокша. А. Ф. Риттих приводит данные за 1868 г. о количестве мордвы, проживавшей в Казанской губернии: Спасский уезд – 4 842 чел., Тетюшский – 4 275, Чистопольский – 9 288; итого 18 405 чел.²⁰. По данным Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., численность мордвы увеличилась до 22 187 чел., уезды расселения оставались теми же: Спасский – 7 197 чел.,

¹⁵ Мордва Самарского края: история и традиционная культура : моногр. Самара, 2021. 336 с.

¹⁶ Гурьянова Л. А. Особенности говоров мордвы Тетюшского муниципального района Республики Татарстан // Калейдоскоп культур : сб. мат-лов по результатам научных экспедиций по изучению культуры народов Республики Татарстан. Казань : Изд-во АН РТ, 2021. С. 127–135.

¹⁷ Шеянова И. И. Материально-духовная культура мордвы Тетюшского района Республики Татарстан: на примере сел Бессоново и Урюм // Историко-культурное наследие российской деревни: сохранение и развитие : сб. ст. IX Всерос. (XVII средневолжской) конф. историков-аграрников, археологов, этнографов Евразии. Казань, 2023. С. 140–145; Охотина Т. Н. Материальная культура мордвы Тетюшского района Республики Татарстан // Калейдоскоп культур : сб. мат-лов по результатам научных экспедиций по изучению культуры народов Республики Татарстан. Казань : Изд-во АН РТ, 2021. С. 152–159.

¹⁸ Зубов И. В. Обряды и фольклор мордвы правобережья Волги: на примере Тетюшского района Республики Татарстан // Калейдоскоп культур : сб. мат-лов по результатам научных экспедиций по изучению культуры народов Республики Татарстан. Казань : Изд-во АН РТ, 2021. С. 135–144.

¹⁹ Риттих А. Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Казань : Тип. Казанского ун-та, 1870. Ч. 1. С. 52.

²⁰ Там же. Приложение 1.

Тетюшский – 5 040 и Чистопольский – 9 747²¹. Н. А. Бобровников в своем исследовании²² приводит данные по клировым ведомостям: в Чистопольском уезде – 12 397 чел.; Спасском – 7 251; Тетюшском – 4 557; – всего 24 205²³. Приведенные цифры свидетельствуют о постоянном росте численности мордовского населения в Казанской губернии. Работа Н. А. Бобровникова дает исследователям возможность изучить национальный состав сел, в которых одновременно проживали мордва, русские, татары, чувашаи; выделить села с преобладанием мордовского населения и смешанные (с преобладанием мордвы, русских, татар, чувашей). В Спасском уезде мордовскими поселениями являлись: с. Базарно-Мордовский Юрткуль (1 297 представителей мордвы), д. Средний Мордовский Юрткуль (584), д. Подлесный Юрткуль (466), Старая Шентала (1 546), д. Андреевка (472), д. Войкино (1 137), д. Стрижевка (125); в Тетюшском уезде – с. Мордовский Каратай (1 135), с. Чершалан (593), с. Урюм (2 443), д. Болтачево (59). В Чистопольском уезде мордовскими селами были: с. Мордовская Багана (1 847), с. Кутема (1 269), с. Ямаши (1 910; впоследствии полностью обрусевшее); смешанные населенные пункты с преобладанием мордвы: с. Сиделькино (1 120), с. Толба (1 377), с. Кутуш (1 269), с. Аделяково (848), д. Кутуш (379), д. Багана (691). Здесь же населенные пункты с преобладанием русского или чувашского населения: с. Старое Эштебенькино (381), д. Толба (131) д. Нижние Челны (240). Самым крупным по численности мордовского населения можно считать с. Урюм Тетюшского уезда²⁴.

Из данного списка необходимо выделить мордовские села (по мнению Н. А. Бобровникова), в которых проживали мордва-каратаи – Мордовские Каратаи (Рождественское) и Чершаланы (Малые Каратаи).

Основные этнические группы мордовского народа, проживавшие на территории Казанской губернии, по языку делились на эрзя и мокшу. На левой стороне Волги поселилась мордва, говорившая в основном на эрзянском языке, на правой – на мокшанском. Эрзянский язык казанской мордвы, переселившейся сюда значительно позже, был аналогичен языку симбирской и нижегородской мордвы. Эрзяне, жившие в Казанской губернии очень давно, своим языком отличались от других эрзян. Казанские мокшане не могли понять, о чем говорят мокшане Пензенской и Тамбовской губерний. Языки казанских эрзян и мокшан в результате долгого совместного проживания стали иметь много общих лексических единиц, произошло их взаимообогащение. Образовавшееся таким образом наречие позволяло хорошо понимать друг друга мокшанам и эрзянам одной территории, но с большим трудом воспринимать язык мордвы соседних губерний.

В Казанской губернии не существовало принципиальных различий в женской одежде мокшан и эрзян, однако у правобережной и левобережной эрзи костюм отличался. Особенностью являлось и то, что мокшанки носили костюм эрзянских женщин.

Если сравнить *панго*, головной убор эрзянок, то различия окажутся существенными. Во-первых, *панго* имели разную форму. *Панго* жительниц левого берега Волги был высоким и похожим на архиерейскую митру, правобережный головной убор был ниже и шире, верхняя часть вдавлена, справа и слева по сторонам выступы, похожие на закругленные крылья. Во-вторых, левобережный *панго* богато украшался узорами, другой же украшенный почти не имел, кроме небольшого узора в нижней его части, над лбом. В-третьих, первый головной убор был достаточно тяжелым за счет украшений, которые пришли на смену вышивке; правобережный же был гораздо легче, но для его устойчивости внутрь вставляли изогнутый прут.

²¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб. : Изд-во Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Казанская губерния. Т. XVI. 1899–1905, 1904. С. 5; 120; 132.

²² Бобровников Н. А. Иногородское население Казанской губернии. Вып. 1. Татары, вотяки, мордва. Казань, 1899. С. 61–68.

²³ Там же. С. 61.

²⁴ Там же. С. 61–68.

Отличались не только головные уборы, но и вышивка на рубашках. Для левобережной вышивки было характерно преобладание красных цветов, для правобережной – темных оттенков. При этом геометрический орнамент на рубашках практически не отличался. Мокшанки и эрзянки с правой стороны Волги любили носить различные нагрудные украшения; на левой стороне и те, и другие украшений носили намного меньше.

К середине XVIII в. мордовский народ в большинстве принял православие, сохранив при этом в своих верованиях элементы язычества, в определенной степени синкретизировавшиеся с православием. В языческом пантеоне насчитывалось множество мордовских богов. Как и во многих религиях, они были антропоморфны, но при этом могли принимать образ различных животных. По поверьям, боги могли предстать перед человеком только тогда, когда их ожидало какое-либо несчастье или бедствие. «Эрзя называет богов “паз” – бог или словом “ава” – мать (“вере-паз” – верхний, небесный бог; “мастор паз” – земной бог; “керень-шочконь паз” – бог лубка и бревна, т. е. дома; “норов-ава” – богиня плодородия; “ведь-ава” – богиня воды), а мокша – словом “шкай” или “ава”»²⁵. В представлениях мордвы божества являлись амбивалентными, т. е. добрыми и злыми, и могли причинить много бед и неприятностей, если их вовремя не умиловить и не задобрить, поэтому богам, от которых зависело благосостояние, мордва устраивала моления и приносила угощения. Моления проводились общественные и семейные. Чтобы помолиться о хорошем урожае или попросить другие блага, собиралось все село. Для проведения специальных обрядов и прочтения молитв выбирались достойные старики или старухи. Когда речь шла об интересах одной семьи, организовывались семейные моления, которые проводила или хозяйка дома, или старший в семье. Моления мокши и эрзи, проживавшей в Казанской губернии, большей частью были одинаковы, лишь некоторые из них отличались своими названиями. Например, у эрзи, жившей на левом берегу Волги, одно из женских молений называлось *бабань каша* ‘бабья каша’, а у мокши и эрзи с правого берега это же моление имело название с элементом татарской лексемы *баламык оскс* ‘моление кашицы’. Ввиду того, что все моления мокшей и эрзей совершались одинаково, то в качестве характеристики можно привести виды моления мокшанского с. Урюм, которые выделил М. Е. Евсевьев:

– общественные: 1) *кереты оскс* – моление плуга, 2) *лифтима-сувафтэма оскс* – моление выгона скота, 3) *вель оскс* – мирское моление, 4) *баламык оскс* – моление кашицы, 5) *лайма оскс* – моление сенокоса, 6) *сараз оскс* – моление кур, 7) *айгыр оскс* – моление жеребца, 8) *грань оскс* – моление на грани, когда молились на границе, отделявшей поля от соседних селений;

– случайные моления совершались, если в селе происходили непредвиденные обстоятельства (эпидемии у людей или падеж скота): 1) *стака оскс* – тяжелое моление, устраивалось при появлении в деревне какой-либо эпидемии у людей или скота; 2) *таста оскс* – моление саранчи, устраивалось в случае появления на полях саранчи;

– семейные: 1) *куд-авань оскс* – моление богине дома, 2) *сэдь алис оскс* – моление в подполе, 3) *кал-даз оскс* – моление двора, 4) *авня оскс* – моление овина и др»²⁶.

Моления отличались друг от друга местом проведения: их осуществляли на берегу реки, на лужайке под березой, на выгоне для скота, в доме, во дворе дома, в овине. Состав участников также отличался: если это были общественные моления, то присутствовали все жители села, но были и моления, в которых принимали участие только женщины и девушки. В случайных молениях во главе с сельским старостой молилось 5–6 человек. Все виды этого действия объединяло осуществление жертвоприношения (резали селезней, овец, кур, кололи жеребца, быка и т. д.). В процессе

²⁵ Евсевьев М. Е. Мордва Татреспублики. С. 395.

²⁶ Там же. С. 396.

каждого моления произносили молитву и потом съедали приготовленную женщинами перед действием еду. Молились за урожай хлеба, хороший сенокос, размножение скота, рождение детей.

В пределах Казанской губернии в шести селениях М. Е. Евсевьевым была изучена мордовская свадьба: в Урюме, Новольяшеве (Мордовская Тайба), Каратаях, Бессоновке, Красном Поле и Кутее. Особенностью свадебного обряда мордвы являлось устройство кибитки для невесты (*он-авы*), в которой мокшанская или эрзянская невеста отправлялась в дом жениха. «Кибитку делали из прутьев, зимой она располагалась на санях, а летом – на телеге. Покрывали ее широкой простыней из белого холста *чарчав*; украшали кистями из разноцветной шерсти, розетками из золотисто-желтого позумента и бусами. На следующий день, по приезде невесты в дом жениха, *он-аву* сжигали в печи»²⁷.

Обязательным элементом свадебного обряда была встреча свадебного поезда в доме невесты, смысл которого заключался в организации братьями невесты торга. В доме невесты поезжан встречали ее родители, а подружки, заняв первыми стол, освобождали его за выкуп. Несмотря на причитания и просьбы невесты, подружки за выкуп открывали занавеску, за которой прятали ее. После этого невеста прощалась в причитаниях с родными, с печкой и домом, передавала свое девичество любимой подружке, и поезд трогался.

По приезде в дом жениха проводили обряд *лемдима* ‘наречение имени’. Смысл его заключался в том, что невеста получала новое имя, которым ее могли называть все, кроме мужа, свекрови и свекра, до конца жизни. «Таких имен сохранилось у эрзи и мокши нагорной стороны четыре: «*аши-ава*» – белая женщина, «*пар-ава*» – хорошая женщина, «*маз-ава*» – красивая женщина и «*веж-ава*» – младшая женщина»²⁸.

Традиционные занятия казанской мордвы были теми же, что и у мордвы других губерний: обрабатывали землю, выращивали хлеб, полбу, лен, коноплю, ловили рыбу, занимались огородничеством, разводили крупный и мелкий рогатый скот, в лесах собирали мед диких пчел.

Наряду с хлебопашеством, занимались некоторыми деревообделочными ремеслами (изготовлением саней, кадок) и пчеловодством. Наличие таких промыслов, как рыболовство, деревообработка, было обусловлено географическим положением мордовских сел, находившихся рядом с Волгой в лесной местности.

У К. Фукса находим: «Мордвины большие мастера бить шерсть... Женщины ткнут холсты и серое сукно и вышивают искусно пестрые свои рубашки красным и синим гарусом»²⁹. А. Ф. Риттих писал: «В мордовских селах не редкость найти разные сельские промыслы в виде плотничьего, столярного, кузнечного, слесарного; работают телеги, дуги, ободья и всякие предметы, необходимые простолюдину»³⁰.

Мордовские поселения были традиционными – деревни и села с уличной планировкой. Избы строили среднерусской планировки, делили их на две или три части.

«В Андреевке улицы широкие и правильные. Избы строятся из осинового леса самими хозяевами, обыкновенно в три сажени длины и столько же ширины, такая изба стоит 100 руб. Кровля покрыта соломой, окна довольно большие, со стеклами, и трубы деревянные. При самой же избе – хлев, далее несколько амбарушек с хлебом, а еще далее – хлевы для скотины: перед воротами – поднавес для лошадей, влево – небольшие хлевы и погреб, а подле самих ворот – житницы»³¹. Крыши на жилых постройках были преимущественно двускатные (85 %), покрытые соломой. Декоративных украшений на домах меньше, чем у мордвы-каратаев, в основном это резьба на наличниках.

²⁷ Евсевьев М. Е. Мордва Татарской Республики. Т. 5. С. 404.

²⁸ Там же. С. 406.

²⁹ Фукс К. Ф. Поездка из Казани к мордве Казанской губернии в 1839 году // Журнал министерства внутренних дел. Ч. XXXIV. СПб., 1859. С. 108.

³⁰ Риттих А. Ф. Мордва // Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Ч. 2. Казань : Тип. Казанского ун-та, 1870. С. 220.

³¹ Фукс К. Ф. Поездка из Казани к мордве Казанской губернии в 1839 году. С. 108–109.

«Круглый год пища у мордвы состоит из черного хлеба и кислого молока. Морковь и репу едят у мордвы сырую, однако по праздникам пекут пироги с морковью и употребляют печеную репу и капусту со свиной и бараниной. После Петрова дня колуют барана и ставят его в печку цельного; потом, вынув, надрезают мясо до костей, кладут туда соли и дают ему высохнуть. Такое кушанье называется *баран-салтоссивель*. Оно сохраняется несколько лет и служит пищею в продолжительной дороге»³², – пишет К. Фукс. Пища мордовского населения состояла из растительных, мясных и молочных продуктов. Важное место в питании занимал хлеб, лепешки из пресного или кислого теста, пироги, толстые блины, лапша; продукты огородничества и собирательства. Мясные продукты в основном готовили из свинины. Из молока делали масло, сыр, творог, кислое молоко. Повседневной едой были куриные яйца. Самыми распространенными были блюда из рыбы: ее жарили, вялили, сушили, варили уху.

Заключение

Все исследователи традиционной культуры мордовского народа XVIII–XIX вв. подчеркивают ее богатство и разнообразие. Изучив работы авторов данного периода, можно сделать вывод о том, что проживание на протяжении долгого времени рядом с татарским, русским и чувашским населением не могло не повлиять на традиционную культуру мордовского этноса. Разнообразные материалы экспедиций, изучавших казанскую мордву, свидетельства путешественников являются важнейшими источниками изучения материальной и духовной культуры, и последующие исследователи смогут найти в них необходимую информацию для своих работ. Однако в последние годы новые поколения исследователей все реже обращаются к изучению истории и культуры мордовского народа. Результаты данного исследования, в котором выделены особенности традиционной культуры мордвы Казанской губернии, позволят внести определенный вклад в развитие современной этнографической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Корнишина Г.А. Этнические процессы в среде современного мордовского населения Заволжья. *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. 2015;(4):17–26. EDN: [YSSUQN](#)
Kornishina G.A. Ethnic Processes in the Environment of Modern Mordovian Population of the Trans-Volga Region. *Russian Journal of the Humanities*. 2015;(4):17–26. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: [YSSUQN](#)
2. Корнишина Г.А. Знаково-символические функции одежды в похоронно-поминальной обрядности финно-угорских народов Урало-Поволжья. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2017;(4):157–163. URL: <https://clck.ru/3GLPPm> (дата обращения: 20.11.2024).
Kornishina G.A. Sign and Symbolic Functions of Clothes in Burial and Funeral Ceremonies of Finno-Ugric Peoples of the Urals and Volga Region. *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 2017;(4):157–163. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3GLPPm> (accessed 20.11.2024).
3. Корнишина Г.А. Огонь в обрядовой культуре мордвы: истоки, традиции, область применения. *Финно-угорский мир*. 2024;16(2):203–213. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.02.203-213>
Kornishina G.A. Fire in the Ritual Culture of the Mordovinians: Origins, Traditions, Scope. *Finno-Ugric World*. 2024;16(2):203–213. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.02.203-213>
4. Корнишина Г.А. Семья мордовского населения Республики Татарстан: динамика этнического развития в XX – начале XXI в. *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. 2019;(1):25–39. <https://doi.org/10.15507/2078-9823.045.019.201901.025-039>
Kornishina G.A. Family of Mordovian Population of the Republic of Tatarstan: The Dynamics of Ethnic Development in the XX – the Beginning of the XXI Century. *Russian Journal of the Humanities*. 2019;(1):25–39. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2078-9823.045.019.201901.025-039>
5. Батыршин Р.Р. Традиционная обрядовая культура мордвы-каратаев в начале XX века (на основе историко-этнографического очерка Гурия Филиппова «Мордва-христиане. Из жизни села Мордовские Каратаи и деревни Менситово Тетюшского уезда Казанской губернии» (1914 г.)). *Наследие и современность*. 2023;6(4):367–375. <https://doi.org/10.52883/2619-0214-2023-6-4-367-375>
Batyrshein R.R. The Traditional Ritual Culture of the Mordvins-Karatai at the Beginning of the XX Century (Based on the Historical and Ethnographic Essay by Guriy Filippov «Mordvins are Christians. From the Life of

³² Фукс К. Ф. Поездка из Казани к мордве Казанской губернии в 1839 году. Ч. XXXIV. С. 105.

the Village of Mordovian Karatai and the Village of Mensitovo, Tetyushsky District, Kazan Province» (1914). *Heritage and Modern Times*. 2023;6(4):367–375. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.52883/2619-0214-2023-6-4-367-375>

6. Шеянова И.И. «Тячи ши, ванды ши, вандыда меле – Очижи!» (Обычаи и обряды мордвы Тетюшского района Республики Татарстан: на примере сел Кильдюшево и Киртели). *Центр и периферия*. 2022;(1):69–76. EDN: **MGXSPR**
Sheyanova I.I. “Tyachi Shi, Vandy Shi, Vandyda Mele – Ochizhi!” (Customs and Rituals of the Mordvins in the Tetyushsky District of the Republic of Tatarstan: On the Example of the Villages of Kildyushevo and Kirteli). *Center and Periphery*. 2022;(1):69–76. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: **MGXSPR**

Информация об авторах:

Бикейкин Евгений Николаевич, заместитель директора, ученый секретарь Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7301-0264>, SPIN-код: **1732-1478**, bikeykin1977@mail.ru

Гусева Татьяна Михайловна, главный научный сотрудник, заведующий отделом истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7417-6664>, SPIN-код: **9915-3591**, tatiana.guseva@mail.ru

Куршева Галина Александровна, директор Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6151-0977>, SPIN-код: **4696-0040**, kursheva_galina@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Е. Н. Бикейкин – формулирование идеи исследования, целей и задач; разработка методологии исследования.

Т. М. Гусева – создание и подготовка рукописи: критический анализ черновика рукописи; внесение замечаний и исправлений членами исследовательской группы, в том числе на этапах до и после публикации.

Г. А. Куршева – контроль, лидерство и наставничество в процессе планирования и проведения исследования; осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 22.01.2025; одобрена после рецензирования 10.02.2025; принята к публикации 17.02.2025.

Information about the authors:

Evgeny N. Bikeykin, Deputy Director, Academic Secretary, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstoy St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7301-0264>, SPIN-code: **1732-1478**, bikeykin1977@mail.ru

Tatyana M. Guseva, Chief Researcher, Head of the Department of History, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstoy St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7417-6664>, SPIN-code: **9915-3591**, tatiana.guseva@mail.ru

Galina A. Kursheva, Director of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstoy St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6151-0977>, SPIN-code: **4696-0040**, kursheva_galina@mail.ru

Authors' contribution:

E. N. Bikeykin – formulation of the research idea, objectives, and tasks; development of the research methodology.

T. M. Guseva – creation and preparation of the manuscript: critical analysis of the draft manuscript\$ making comments and corrections by the research team members, including at the stages before and after publication.

G. A. Kursheva – oversight, leadership, and mentoring in the process of planning and conducting the research; conducting the research process, including data collection.

All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 22.01.2025; revised 10.02.2025; accepted 17.02.2025.

ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ HISTORY, ETHNOGRAPHY, ARCHEOLOGY

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.090-098>

EDN: <https://elibrary.ru/pxfjue>

УДК / UDC 316.74.2

Оригинальная статья / Original article

Поиск вектора развития института служителей культа марийской традиционной религии в 1950–1960-е гг. (по материалам Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории)

Р. А. Саберов

*Национальный исследовательский технологический университет
«МИСИС», г. Москва, Российская Федерация*
✉ saberow@yandex.ru

Аннотация

Введение. Конец 1990-х – 2000-е гг. открывают для марийской традиционной религии и ее священнослужителей новую веху в развитии. В Республике Марий Эл до сих пор ежегодно проводятся моления в священных рощах, особое значение в поддержании этого процесса имеют служители культа – марийские карты. Анализ сегодняшней этнорелигиозной ситуации с позиций эволюции (традиция) или революции (New Age) требует изучения исторических нарративов. Количество работ, освещающих деятельность духовных лиц традиционной религии мари, в XX в. невелико, особенно в хронологическом отрезке нескольких десятилетий после окончания Великой Отечественной войны. Цель исследования – установить особенности развития института служителей культа марийской традиционной религии в 1950–1960-х гг.

Материалы и методы. Объектом исследования выступает обрядовая компонента этнорелигии мари, а предметом является ее институциональная комплексная единица – жречество, включающее наименование служителей культа, иерархию и функционал, специфику обрядового облачения. Исследование базируется на материалах научно-рукописного фонда научной библиотеки Марийского научно-исследовательского института языка, истории и литературы им. В. М. Васильева. В ходе работы автор опирался на принцип историзма, источниковедческий анализ документального материала, использовались общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение).

Результаты исследования и их обсуждение. В источниковом материале фиксируются нетипичные наименования жрецов, факты замены старых обычаев гражданскими праздниками и укрепления их в жизни деревни, отмечается вхождение в быт мари новых праздников и трансформация в них старых обрядовых действий. В то же время в указанный период все еще сохранялись старые религиозные обряды, однако процесс их проведения начал подвергаться трансформации, что выразилось в отсутствии обрядового облачения жрецов, сожжении ритуальных треб не служителями культа, а непосредственными участниками обряда, передаче сакральных функций женщинам. Несмотря на сохранность обрядовой практики в автохтонной религии мари в 1950–1960-е гг., все более ярко в этот период и последующие десятилетия начал проявляться кризис традиционной марийской религии, что находило выражение в том числе и в кризисном векторе развития института служителей культа

Заключение. В работе уточнены сведения об особенностях развития института служителей культа традиционной религии мари; процессах, влиявших на изменение этнорелигиозной ситуации в Марийской АССР в 1950–1960-х гг.

© Саберов Р. А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: XX в., Среднее Поволжье, Марийский научно-исследовательский институт, марийская традиционная религия, жречество

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Саберов Р.А. Поиск вектора развития института служителей культа марийской традиционной религии в 1950–1960-е гг. (по материалам Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории). *Финно-угорский мир*. 2025;17(1):90–98. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.090-098>

Exploring the Developmental Trajectory of the Institution of Clergy in the Mari Traditional Religion in the 1950s–1960s (Based on Materials from the Mari Research Institute of Language, Literature, and History)

R. A. Saberov

*National University of Science and Technology “MISIS”,
Moscow, Russian Federation*
✉ saberow@yandex.ru

Abstract

Introduction. The late 1990s and early 2000s marked a new phase in the development of the Mari traditional religion and its clergy. At present, sacred grove prayers are held annually in the Republic of Mari El, with Mari kartas (priests) playing a pivotal role in sustaining this tradition. Analyzing the current ethno-religious landscape from an evolutionary perspective (tradition) or a revolutionary one (New Age) necessitates an examination of historical narratives. Scholarly works addressing the activities of the clergy within the Mari traditional religion in the 20th century remain scarce, particularly concerning the several decades following the end of World War II. The aim of this study is to identify the distinctive features of the institutional development of the Mari traditional religious clergy in the 1950s–1960s.

Materials and Methods. The research object is the ritual component of Mari ethno-religion, while the subject is its institutional framework - the priesthood - encompassing the nomenclature of religious officiants, hierarchical structure, functional responsibilities, and the specific features of ceremonial attire. The study is based on materials from the scholarly manuscript collection of the Scientific Library of the V. M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, History, and Literature. In the course of the research, the author adhered to the principle of historicism and employed source analysis of documentary materials. The study also utilized general scientific methods, including analysis, synthesis, and comparison.

Results and Discussion. The source material documents atypical designations for priests, instances of replacing traditional customs with civil holidays and their subsequent entrenchment in village life, as well as the incorporation of new celebrations into Mari culture, accompanied by transformations of older ritual practices. At the same time, while traditional religious rites were still preserved during the studied period, their execution began to undergo significant modifications. These included the absence of ceremonial vestments among priests, the performance of ritual sacrifices not by clergy but by lay participants, and the delegation of sacred functions to women. Despite the continued presence of ritual practices within the autochthonous Mari religion in the 1950s–1960s, a pronounced crisis within the traditional religious system emerged during this period and intensified in subsequent decades. This crisis manifested in the weakening of the institutional foundations of the clergy, including the degradation of mechanisms ensuring the transmission of sacred knowledge and the partial alteration of prayer rituals.

Conclusion. The work clarified the data on the peculiarities of the development of the institute of ministers of cult of the traditional Mari religion; the processes that influenced the change of the ethno-religious situation in the Mari ASSR in 1950–1960s.

Keywords: XX century, Middle Volga region, Mari Research Institute, Mari traditional religion, priesthood

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Saberov R.A. Exploring the Developmental Trajectory of the Institution of Clergy in the Mari Traditional Religion in the 1950s–1960s (Based on Materials from the Mari Research Institute of Language, Literature, and History). *Finno-Ugric World*. 2025;17(1):90–98. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.090-098>

Введение

Изучение процессов развития института жречества в этнорелигии мари 1950–1960 х гг. расширяет общие исторические представления о религиозности советского общества, сохранении религиозных пережитков и автохтонных верований в послевоенные десятилетия XX в. на территории Среднего Поволжья.

В статье на основе материалов научно-рукописного фонда научной библиотеки Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева (МарНИИЯЛИ) рассматриваются вопросы сохранения и трансформации обрядовой практики автохтонной религии мари, жречества. Актуальность работы обусловлена важностью проведения этнографических и религиоведческих исследований обрядовых практик молений-жертвоприношений мари, определения статуса и тенденций развития институциональных форм марийской традиционной религии в условиях ее кризиса, что позволяет лучше понять современные процессы, протекающие в этнокультурной среде мари.

Период 1960–1980-х гг. характеризуется этнографом Н. С. Поповым как этап угасания марийской традиционной религии, сокращения массовости молений и в целом практики проведения обрядов в священных рощах [1]. Анализ документов научно-рукописного фонда научной библиотеки МарНИИЯЛИ с 1956 по 1980 г. показал наибольшую информативность для проводимого исследования материалов экспедиций, хронологически охватывающих период с 1956 по 1967 г., содержащих фактологическую информацию о развитии жречества мари в условиях начала общего кризиса религиозной системы (конечно, с учетом специфики анализируемых сведений). Их изучение в контексте рассматриваемой проблематики дополнит сведения по истории развития традиционных верований мари и даст стимул к проведению аналогичных исследований в других регионах страны.

Территориальные рамки исследования охватывают значительную географию компактного проживания мари, исторически активно сохраняющих автохтонную религиозность (Моркинский, Новоторьяльский, Куженерский, Сернурский, Казанский, Косолаповский, Мари-Турекский, Волжский, Параньгинский районы Марийской АССР, Советский и Уржумский районы Кировской области), в пределах которой в рассматриваемый период и проводились полевые экспедиции Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (МарНИИ).

Работа выполнялась на базе Мининского университета в рамках подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата наук по специальности 5.6.4 – этнология, антропология и этнография (исторические науки), посвященной теме определения особенностей развития института жречества этнорелигии мари Среднего Поволжья в XVIII – начале XXI в.

Целью исследования является определение вектора развития института жречества марийской традиционной религии в 1950–1960-е гг. сквозь призму полевых материалов экспедиций, позиций исследователей МарНИИ, заполнение источниковых лагун в исследовании данной проблематики советского периода.

Обзор литературы

При определении хронологических границ исследования автор опирался на подходы, предложенные Л. Г. Сахаровой и Н. С. Поповым. По мнению Л. Г. Сахаровой, период развития религиозного сознания мари Вятского региона (1930 – сер. 1980-х гг.) характеризуется скрытым сохранением традиционной марийской религии в условиях светского атеистически ориентированного государства [2]. В свою очередь исследователь Н. С. Попов выделяет период 1960–1980-х гг., в котором, по его мнению, марийская этнорелигия начала угасать [1].

Несмотря на то, что искомым хронологический отрезок крайне мал с точки зрения всего исторического контекста развития традиционной религии мари, к данному наследию в той или иной степени обращался ряд исследователей, к числу которых относятся А. Ф. Ярыгин, Н. С. Попов, Т. И. Алыбина.

В своих работах А. Ф. Ярыгин и Н. С. Попов [1] указывают на кризис традиционной марийской религии, который, с точки зрения А. Ф. Ярыгина, все более ярко стал проявляться в 1970-е гг¹. Рассматривая в своей диссертации развитие этнорелигии мари в 1960-е гг., Т. И. Алыбина сосредотачивает внимание на роли служителей культа в деле сохранения традиции, подкрепляя работу авторскими полевыми материалами². В качестве общей можно выделить позицию авторов о сохранении, хотя и скрытной, практики проведения молений в священных рощах, особенно в сельской местности, отдаленной от районных центров и городов.

В целом, в последние несколько лет наблюдается активизация интереса к исследованию марийской традиционной религии у этнографов, лингвистов, социологов и других специалистов [3; 4].

Материалы и методы

Исследование базируется на материалах научно-рукописного фонда научной библиотеки МарНИИЯЛИ. Были изучены отчеты о проводимых МарНИИ этнографических экспедициях, записи рабочих тетрадей их участников (НРФ МарНИИЯЛИ: Оп. 5. Д. 19; МЭЭ-1956. № 1; МЭЭ-1960. № 5; МЭЭ-1961. № 9 и № 10; МЭЭ-1962. № 20; МЭЭ-1967. № 28 и № 30). В них содержатся сведения, позволяющие установить тенденции в развитии жречества традиционной религии мари, определить трансформационные процессы в обрядовой практике.

Стоит подчеркнуть, что к текущему и последующему анализу рассматриваемых источников стоит подходить критически, что обуславливается природой их происхождения (возможна интерпретация фактов в искаженном виде или непредоставление сведений информантами в силу прошествия времени и табуированности религиозных тем в советский период, а по причине последнего обстоятельства – и определенная избирательность при ведении полевых записей исследователями).

В ходе исследования автор опирался на принцип историзма, источниковедческий анализ документального материала, использовались общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение). Их применение позволило определить особенности развития деятельности служителей культа традиционной религии мари в изучаемый период.

Результаты исследования и их обсуждение

Устоявшаяся и наиболее распространенная в дореволюционный период дефиниция, обозначающая священнослужителя автохтонного культа мари, – это «карт». Однако в период глобальных мировых и отечественных перемен, происходящих в 20-х гг. XX в., группа марийцев предприняла попытку официального закрепления статуса служителя культа этнорелигии, включающего в себя и наименование «должности» священнослужителя.

Так, в г. Бирск Уфимской губернии в период с 15 по 25 июля (с 28 июля по 7 августа по новому стилю) 1917 г. состоялись заседания Первого Всероссийского Съезда Мари, где в числе прочего обсуждалась также и судьба развития традиционной религии³.

Несмотря на то, что главной целью Съезда в области развития традиционной религии было сохранение ее самобытности, в тексте источников прослеживаются попытки обновления и трансформации автохтонных верований мари. Эта тенденция нашла свое выражение в попытке унификации обозначения служителей культа – *онаен*. Сам факт принятия термина говорил о том, что для народности мари представители их автохтонных верований играли значительную роль.

В 20–30-е гг. прошлого столетия исследования религии мари проводились активно. Так, этнограф Н. М. Маторин отмечал, что у жрецов-картов «выделяются “сновидцы”, “омымужшы”, которым во сне бывает “откровение”, какому богу и где и какую принести

¹ Ярыгин А. Ф. Современные проявления дохристианских верований марийцев. Йошкар-Ола, 1976. С. 64.

² Алыбина Т. И. Трансформация марийской религиозной традиции в постсоветский период : дис. ... д-ра филос. наук. Тарту, 2017. С. 56–61.

³ Протокол заседания 23 июля 1917 г. в г. Бирске Уфимской губернии. Заседание 7-е. // Первый Всероссийский Съезд Мари : протоколы и материалы. Йошкар-Ола, 2006. С. 33–39.

жертву»⁴. По мнению ученого, этимология слова «карт» является заимствованной из татарского языка, где этим словом обозначают старика. Еще один пример подобного заимствования – название представителя жречества «мулла». Очевидно, это слово пришло из ислама. Кроме того, именно Н. М. Маторин вводит в научный оборот новый термин «онаен», служащий обозначением священнослужителя традиционной марийской религии⁵.

Фиксация и анализ типичных и нетипичных жреческих наименований продолжились в 1950-е гг. В рукописи работы «Происхождение и сущность языческих культов» (1960 г.), хранящейся в НРФ МарНИИЯЛИ, ученый-философ, член Общества по распространению политических и научных знаний А. В. Краснов, рассматривая подготовку и проведение крупных молений в Моркинском (1954 г.), Ново-Торьяльском, Куженерском и других районах Марийской АССР, акцентирует внимание на служителях культа мари. Исследователь фиксирует различные наименования жрецов – «онаен», «юмын тан», «он», раскрывает специфику их происхождения (*он* ‘вождь’; *карт* ‘старый’ (служители культа обычно были людьми почтенного возраста))⁶.

Современные лингвистические исследования показывают широкий спектр номинаций, характерных для обозначения служителя культа в традиционной религии мари, большая часть из которых четко прослеживается в историческом и современном полевом материале. Проводя анализ текстов многотомного «Словаря марийского языка», в том числе рукописного дополнительного тома, и современного орфографического словаря «Марий орфографий мутер»⁸, С. С. Сибатровой удалось выявить множество номинаций, обозначающих людей, занимающихся организацией и проведением жертвоприношения [5].

В экспедиционных отчетах, дневниковых записях 60-х гг. XX в. удалось выявить ценные документы, сведения которых позволяют дополнить ряд наименований служителей культа, специфику их обрядового облачения применительно к рассматриваемому исследовательскому периоду.

В ходе сбора материала в Уржумском районе Кировской области членами экспедиции МарНИИ от информантов были получены сведения об осеннем жертвоприношении. Интерес представляют следующие данные.

Респондент Петиганов Алексей Ильич, дер. Мамашево, 67 лет: «При молении в *күсото* (священной роще – *Авт.*) бывает марийский поп – *карт*. Он надевает шерстяной белый *шовыр* [поддевку из холста]. <...> *Шовыр* вокруг всех краев обведен черной тесьмой»⁹.

Записано от Чулкова В. Н. (возраст, год рождения, место постоянного жительства не указаны): «Специальный *чоклышо* заговаривающий. Он заговаривал и в роще, и при приеме пищи»¹⁰. Приведенное наименование служителя культа встретилось нам впервые и не было выявлено в источниках XVIII–XIX вв. Согласно словарю марийского языка, «*чоклышо*, на горном наречии *цöклышшй*, является причастием от *чоклаш* – молиться, в значении существительного означает “молельщик, жрец”»¹¹.

Информант Семенова Т. К. (информация о дате рождения, этнической принадлежности респондента в отчете отсутствует): «*Картов* бывало столько, сколько огней (костров – *Авт.*). Каждому богу – отдельный огонь (ритуальный костер – *Авт.*) и отдельный *карт*. <...> При молении *карт* надевал белый *шовыр*. Но этот *шовыр* был кругом обведен [черной, красной] каймой»¹².

⁴ Маторин Н. М. Религия у народов волжско-камского края прежде и теперь: Язычество – Ислам – Православие – Сектанство. М., 1929. С. 59.

⁵ Там же. С. 56.

⁶ НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 5. Д. 19. Л. 17.

⁷ Словарь марийского языка : в 10 т. Йошкар-Ола : Марийское кн. изд-во, 1990–2005.

⁸ Марий орфографий мутер / Йылмым, литературым да историйым научным шымлыше В. М. Васильев лумеш марий институт. Йошкар-Ола, 2011. 368 с.

⁹ НРФ МарНИИЯЛИ. МЭЭ-1961. № 9 (Записи А. Ф. Степанова. Тетрадь № 1). Л. 29–31.

¹⁰ Там же. Л. 31.

¹¹ Словарь марийского языка = Марий мутер. Т. 8: У, У, Ф, Х, Ц, Ч. Йошкар-Ола, 2003. С. 378.

¹² НРФ МарНИИЯЛИ. МЭЭ-1961. № 9 (Записи А. Ф. Степанова. Тетрадь № 1). Л. 31.

В дер. Большая Пижанка Советского района Кировской области члену этнографической экспедиции МарНИИ Аркадию Федоровичу Степанову (краевед, этнограф, в рассматриваемый период – студент МГПИ им. Н. К. Крупской) также удалось зафиксировать несколько вариантов наименований руководителей молений: «Названия *карт* нет, зовут *кугурак* (старший)»; «У каждого костра был свой старший (*кугурак*). Его называли *юмын тан* (друг бога)»; «Во время моления бывает один старший (старик). Но его *картом* не зовут. Он просит бога. Говорит, говорит, как может голову (вероятно, информант указывает на импровизационный характер молитвы – *Авт.*). Другие сидят без звука, только, повторяя старика, наклоняют голову»¹³.

С учетом территории фиксации рассмотренных выше обозначений жрецов (*чоклышо*, *кугурак*, *юмын тан*) предположим, что они являются вариантами локального происхождения, в большей степени относящимися к этнографической группе горных мари. Примечательно, что дальнейший анализ работ исследователей 70–80-х гг. XX столетия не позволил выявить сведений, существенно расширяющих палитру и специфику наименований служителей культа этнорелигии мари¹⁴.

В послевоенное время (1950–1960 гг.) практика совершения крупных молений постепенно шла на спад. Однако марийские языческие богослужения этого периода все еще фиксировались участниками этнографических экспедиций, проводимых МарНИИ в различных районах Кировской области и Марийской АССР.

В записях экспедиции 1956 г. (Новоторьяльский, Сернурский, Казанский, Косолаповский и Мари-Турекский районы Марийской Автономной Советской Социалистической Республики) находим: «Языческие моления с жертвоприношениями сохранились и в настоящее время. Теперь они стали нерегулярными, но совершаются во всех районах. В жертвы приносят гусей, уток, овец»¹⁵.

1960 г. (Уржумский район Кировской области, Сернурский, Волжский, Параньгинский районы Марийской АССР): «...до настоящего времени периодически совершаются в священных рощах кровавые жертвоприношения. В жертвы языческим богам приносятся гуси, утки и овцы. <...> В 1959 г. в Сернурском районе около деревни Антоново в *кюсото* (языческое мольбище марийцев – *прим. К. И. Козловой*) Күрбел состоялось моление, на которое собрались жители из 20 деревень. <...> В 1957 г. в Сернурском районе во время моления около деревни Куприяново после жертвоприношения остались «неиспользованными» два воза обещанных в жертву гусей и уток; приносили их в жертву на второй день»; «Такие же коллективные жертвоприношения совершаются в Уржумском районе. Например, в 1958 г. около деревни Иродосола было совершено моление, в котором участвовали жители семи деревень»¹⁶.

Автор отчета Клавдия Ивановна Козлова (этнограф, в рассматриваемый период – доцент кафедры этнографии исторического факультета МГУ, руководитель Поволжской экспедиции) констатирует: «Все эти языческие обряды представляют в настоящее время исчезающее явление. Нет такой строгости в их соблюдении, допускаются различные отклонения от обычаев. До революции женщины, например, не имели права принимать участие в жертвоприношениях, теперь они стали главными действующими лицами, а часто и инициаторами молений»¹⁷. Последнее замечание исследователя крайне важно для нас, так как прямо указывает на трансформацию марийского жречества.

¹³ НРФ МарНИИЯЛИ. МЭЭ-1961. № 10 (Записи А. Ф. Степанова. Тетрадь № 2). Л. 44, 46.

¹⁴ Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М., 1986; Ярыгин А. Ф. Современные проявления дохристианских верований марийцев. Йошкар-Ола, 1976.

¹⁵ НРФ МарНИИЯЛИ. МЭЭ-1956. № 1 (Козлова К. И. Отчет. Этнографические работы в Марийской АССР в 1956 году). Л. 16.

¹⁶ НРФ МарНИИЯЛИ. МЭЭ-1960. № 5 (Козлова К. И. Отчет. Полевые этнографические работы 1960 г. по изучению марийского населения). Л. 19.

¹⁷ Там же. Л. 20.

Экспедиции 1967 г. осуществляла сбор полевого материала в Советском (дер. Б. Ашламаш, Петрушкино, Чевернур, Корак-сола, Куженер) и Моркинском районах (с. Шор-Уньжа, дер. Шлань, Ямбатор, Семи-Сола, Нурумбал, Большой Шорьял, Кучко-памаш, Алдышка) МАССР. Руководитель исследований Геннадий Андреевич Сепеев (этнограф, в рассматриваемый период – младший научный сотрудник сектора истории МарНИИ) указывает на замену старых обычаев гражданскими праздниками и укрепление их в жизни деревни, отмечает вхождение в быт мари новых праздников и трансформацию в них старых обрядовых действий. Вместе с тем новые праздники распространены пока не повсеместно и все еще сохраняются старые религиозные обряды¹⁸. В прилагающихся к отчету дневниковых записях членов экспедиции удалось обнаружить описание летнего праздника *Ага-найрем*, состоявшегося 12 июня 1967 г. в священной роще¹⁹.

Количество участников священного действия было небольшим: 15–17 женщин, дети (их точное число не уточняется), двое мужчин, исполнявших обязанности служителей культа. Последним исследователи дают крайне краткую характеристику: «Один из них *карт* – старик невысокого роста с маленькой бородкой; второй моложе, он тоже читал молитвы, но меньше, чем первый, оба одеты по-городскому»²⁰. Привлекает внимание отсутствие обрядового облачения жрецов. Возможно, такое решение было обусловлено необходимостью не привлекать внимание к проводимому молению и непосредственно к служителям культа по пути следования к священному месту.

Описание совершаемых обрядовых действий позволяет установить порядок проведения моления: «Праздник начался в 12 ч. 20 мин., окончился к 2 часам. К кушаньям, установленным под березой, подошли все присутствующие и стали ставить свечки. Каждая *имушиш* (раскрытие значения данного слова в записях не дается, подходящего по смыслу термина в словарях мари́йского языка нам найти не удалось – *Авт.*) поставили по восковой свечке, укрепив ее к посуде с напитком *пура*, зажигают. Затем *карт* начал читать молитву, встав лицом к кушаньям и к березе. Рядом с ним стоял второй мужчина. Женщины встали позади них на колени. Прочитав молитву, *карт* снимает шляпу и кланяется, остальные следуют его примеру (кланяются, ладонями касаясь земли). И таким образом несколько раз. После молитвы *карт* подает руку мужчине, а затем оба оборачиваются к женщинам и каждой подают руку. Потом они разливают пиво: кто в кружку, кто в деревянную чашку *алдыр* и ставят рядом с посудой (*бидон* или *бурак*). После этого *карт* каждой читает небольшую молитву. Потом каждая несет ковши́к с пивом и еду к костру и бросает еду в огонь и льет пиво, при этом что-то говорят негромко. Затем все садятся к березе и начинают угощаться. <...> После угощения опять молятся, встают на колени и *карт* читает молитву. После этого *карт* кладет в костер охапку веток березы. Все это стора́ет. И все, отдохнув, отправляются домой. По выходе из рощи снова становятся на колени и молятся, прося у бога теплого дождя, защиты от ветра, от огня, прося благополучия семье, приплода скота и т. д.»²¹.

В целом ход моления отвечает предшествующей исторической традиции, однако имеются и некоторые особенности проведения ритуальных действий, например сожжение бескровных жертвоприношений каждым из участников обряда. В источниках дореволюционного происхождения описание подобной практики не обнаружено. При проведении молений в XXI в., ход которых нам удалось наблюдать, части *треб* всегда сжигал служитель культа или его помощник. Объяснение подобных случаев может крыться в малочисленности участников сакрального действия или специфике локального происхождения.

¹⁸ НРФ МарНИИЯЛИ. МЭЭ-1967. № 28 (Сепеев Г. А. Отчет об этнографической экспедиции МАРНИИ 1967 года). Л. 20, 22, 25–27.

¹⁹ НРФ МарНИИЯЛИ. МЭЭ-1967. № 30 (Записи Л. В. Григорьевой и Э. Г. Чавайн. Тетрадь № 2). Л. 31–35.

²⁰ Там же. Л. 33.

²¹ Там же. Л. 33–35.

Несмотря на многочисленные сведения, подтверждающие сохранность автохтонных верований мари, полученные из материалов экспедиций МарНИИ, исследователь А. Ф. Ярыгин считает, что уже к середине 70-х гг. XX в. все ярче начал проявляться кризис традиционной марийской религии. Этот процесс, в частности, выразился в исчезновении картов в силу отсутствия преемственности между священнослужителями и их «учениками» – помощниками²².

Повышение уровня образования и атеистическая пропаганда оказывали значительное влияние на развитие общественных и религиозных процессов в деревенском социуме. Это не могло не отразиться на состоянии жреческого института, к тому же градус критики по отношению к их деятельности не снижался.

В работе «Происхождение и сущность языческих культов» Анатолий Васильевич Краснов (ученый-философ, в рассматриваемый период – член Общества по распространению политических и научных знаний) дает руководителям молений крайне негативную характеристику. Мотивы действий жрецов при подготовке к молениям автор считает исключительно корыстными: «Характерно, что бог всегда указывал карту на скотину, принадлежавшую беднякам: то жеребенка безлошадного крестьянина, купленного за последние гроши в надежде заменить лошадь и выбиться из нищеты и кабалы, то телку бедной вдовы, не имеющей коровы. И это не случайно. Карты понимали, что безлошадного крестьянина легче эксплуатировать, можно засеять половину его земли, бедную вдову за крынку жидкого молока можно заставить весь день работать на богача карта»²³. В качестве дополнительного подтверждения своей позиции автор приводит мнение председателя колхоза товарища Алметьева об организации моления в роще у дер. Нур-Сола Куженерского района: «Из 13 организаторов и ярых сторонников молений в рощах нет ни одного честного труженика, все они почти не работают в колхозе. Предпочитают ездить куда-то на заработки за длинным рублем, любят выпить и сытно покушать за счет своих односельчан. Вот почему им и нужны моления с жертвоприношениями»²⁴.

Однако подобного рода патетика, характерная для работ советского периода 30-х, 50–60-х гг., связанная с особенностями проведения государственной политики в сфере конфессиональных отношений, не всегда позволяет раскрыть истинное положение дел.

Заключение

Проведенное исследование позволило определить, что в послевоенный советский период в развитии жреческого института мари наметилось несколько критических тенденций, проявившихся в прерывании процесса передачи сакральных знаний старшими служителями культа младшим жрецам, а также в отходе от традиционного гендерного подхода в выборе руководителей молений (замена руководителей молений мужчин на женщин). Это в значительной степени обусловлено как сокращением численности священнослужителей (в 1930-х гг., в период Великой Отечественной войны), так и постепенным значительным сокращением практики проведения молений.

В силу проводимой государственной политики, изменений, происходящих в структуре советского общества, проникновения цивилизации в жизнь сельской местности в 1950–1960-е гг. и последующие десятилетия наблюдается кризисный этап в развитии жреческого института, складывание тенденции к его постепенному разрушению. Несмотря на многочисленные сведения, подтверждающие сохранность обрядовой практики автохтонной религии мари, все более явно в этот период начал проявляться кризис традиционной марийской религии, что выражалось и в сокращении числа служителей культа – *картов*, передаче сакральных функций по отправлению культа от мужчин к женщинам, деградации механизмов преемственности в процессе передачи сакрального знания.

²² Ярыгин А. Ф. Современные проявления дохристианских верований марийцев. С. 64.

²³ НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 5. Д. 19. Л. 19–20.

²⁴ Там же. Л. 22.

Таким образом, в проведенном исследовании на основании полевых материалов, представленных в фондах МарНИИЯЛИ, часть из которых впервые вводится в научный оборот, уточнены сведения об особенностях развития института священнослужителей марийской традиционной религии; определены процессы, влиявшие на изменение этно-религиозной ситуации на территории Марийской АССР в 1950–1960-х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Попов Н.С. К вопросу о становлении и развитии традиционной марийской религии. *Финно-угроведение*. 2020;(61):148–157. EDN: **RCOWJV**
Popov N.S. To the Question of Formation and Development of Mari Traditional Religion. *Finno-Ugrovedenie*. 2020;(61):148–157. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: **RCOWJV**
2. Сахарова Л.Г. Религиозная жизнь вятских марийцев в 20-е – начале 30-х годов XX века. *Финно-угроведение*. 2013;(1):70–74. EDN: **ZRKEXP**
Sakharova L.G. Religious Life of Vyatka Maris in the 1920s and Early 30s of the XX Century. *Finno-Ugrovedenie*. 2013;(1):70–74. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: **ZRKEXP**
3. Абукаева Л.А. Современный дискурс марийской традиционной религии как объект лингвистического анализа. *Вестник Марийского государственного университета*. 2022;16(2):231–237. <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2022-16-2-231-237>
Abukayeva L.A. Modern Discourse of the Mari Traditional Religion as an Object of Linguistic Analysis. *Vestnik of the Mari State University*. 2022;16(2):231–237. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2022-16-2-231-237>
4. Садиков Р.Р., Иликаев А.С. К проблеме дефиниции религиозных систем финно-угорских народов Поволжья. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2023;17(3):408–418. URL: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/8202> (дата обращения: 05.08.2024).
Sadikov R.R., Ilikaev A.S. On Issue of Defining Religious Systems of Finno-Ugric Peoples of Volga Region. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2023;17(3):408–418. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/8202> (accessed 05.08.2024).
5. Сибатрова С.С. О религиозной лексике марийского языка (по материалам современных марийских словарей). *Финно-угроведение*. 2018;(59):95–102. EDN: **LITUKE**
Sibatrova S.S. On the Religious Vocabulary of the Mari Language (Based on the Materials of Contemporary Mari Dictionaries). *Finno-Ugrovedenie*. 2018;(59):95–102. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: **LITUKE**

Информация об авторе:

Саберов Рушан Анвярович, старший преподаватель кафедры социальных наук и технологий, заместитель директора центра подготовки кадров высшей квалификации Национального исследовательского технологического университета «МИСИС» (119049, Российская Федерация, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 4, с. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1502-3718>, SPIN-код: 3600-9212, saberow@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 14.10.2024; одобрена после рецензирования 27.11.2024; принята к публикации 02.12.2024.

Information about the author:

Rushan A. Saberov, Senior Lecturer, Departments of Social Sciences and Technologies, Deputy Director of PhD Office, National University of Science and Technology “MISIS” (4 Leninsky Prospekt, Moscow 119049, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1502-3718>, SPIN-код: 3600-9212, saberow@yandex.ru

Author has read and approved the final manuscript.

Submitted 14.10.2024; revised 27.11.2024; accepted 02.12.2024.

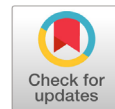
КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА CULTURAL STUDIES AND FOLKLORE STUDIES

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.099-111>

EDN: <https://elibrary.ru/tljlas>

УДК / UDC 81'25:070:811.511.1

Оригинальная статья / Original article

Мордовский переводческий процесс в контексте литературы и печатных СМИ конца XVIII – XX вв.

Е. М. Пыреськина, С. В. Пивкина, К. В. Дементьева ✉

МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Российская Федерация

✉ dementievakv@gmail.com

Аннотация

Введение. Для национальных исследователей перевод текстов СМИ и литературы представляет большой научный интерес, однако изучение вопросов переводческого мастерства не является основной стратегией в финноугроведении. В статье предметом специального рассмотрения становится переводческий процесс. Цель исследования – изучить точки зрения исследователей относительно понятия «перевод», проанализировать динамику процессов переводческой эквивалентности в Мордовии в контексте литературы и печатных СМИ конца XVIII – XX вв.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили работы отечественных исследователей, посвященные изучению этапов зарождения и развития мордовской литературы и переводческого процесса. Практическая часть статьи направлена на анализ публикаций о переводческом творчестве, воссоздание общей картины переводческого мастерства в мордовском крае. В работе использованы традиционные методы анализа: ретроспективный, текстологический, сравнительно-исторический, которые позволили выявить изменения, происходящие в литературно-переводческом процессе.

Результаты исследования и их обсуждение. Авторами впервые проведено комплексное исследование мордовского переводческого процесса в контексте литературы и печатных СМИ на стыке веков: изучены теоретические труды по проблемам перевода; выявлены этапы становления и развития мордовского переводческого процесса; проведен сравнительно-сопоставительный анализ художественно-публицистических текстов со страниц периодических изданий. Авторы приходят к выводу, что благодаря процессу перевода в информационном пространстве происходит популяризация языка.

Заключение. Практическая значимость статьи заключается в возможности ее применения в процессе преподавания дисциплин филологического профиля в вузе и в работе региональных журналистов. Перспективы дальнейшего исследования проблемы связаны с изучением современного периода и анализом методов подачи переводимой информации в разных видах СМИ.

Ключевые слова: Республика Мордовия, литература, печатные СМИ, периодическая печать, переводческая деятельность, переводческий процесс

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Пыреськина Е.М., Пивкина С.В., Дементьева К.В. Мордовский переводческий процесс в контексте литературы и печатных СМИ конца XVIII – XX вв. *Финно-угорский мир*. 2025;17(1):99–111. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.099-111>

© Пыреськина Е. М., Пивкина С. В., Дементьева К. В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

The Mordovian Translation Process in the Context of Literature and Print Media from the Late 18th to the 20th Century

E. M. Pyreskina, S. V. Pivkina, K. V. Dementieva ✉

National Research Mordovia State University,

Saransk, Russian Federation

✉ *dementievakv@gmail.com*

Abstract

Introduction. For national researchers, the translation of media and literary texts holds significant scholarly interest; however, the study of translation techniques has not been a primary focus within Finno-Ugric studies. This article specifically examines the translation process as its central subject. The objective of the study is to explore scholars' perspectives on the concept of "translation" and to analyze the dynamics of translational equivalence in Mordovia within the context of literature and printed media from the late 18th to the 20th century.

Materials and Methods. The study is based on the works of domestic researchers dedicated to examining the origins and development of Mordovian literature and the translation process. The practical section of the article focuses on analyzing publications related to translation activity, aiming to reconstruct a comprehensive picture of translation craftsmanship in the Mordovian region. The research employs traditional analytical methods, including retrospective, textological, and comparative-historical approaches, to identify transformations within the literary and translation processes.

Results and Discussion. The authors have conducted a pioneering comprehensive study of the Mordovian translation process within the context of literature and print media at the turn of the century. The research examines theoretical works on translation studies, identifies the stages of formation and development of the Mordovian translation process, and presents a comparative analysis of literary and journalistic texts from periodicals. The authors conclude that translation plays a crucial role in the dissemination and popularization of the language within the informational space.

Conclusion. The practical significance of this article lies in its potential application in the teaching of philological disciplines at the university level, as well as in the work of regional journalists. Future research prospects are associated with the study of the contemporary period and the analysis of methods for presenting translated information across various types of media.

Keywords: Republic of Mordovia, literature, print media, periodicals, translation activities, translation process

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Pyreskina E.M., Pivkina S.V., Dementieva K.V. The Mordovian Translation Process in the Context of Literature and Print Media from the Late 18th to the 20th Century. *Finno-Ugric World*. 2025;17(1):99–111. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.099-111>

Введение

В настоящее время перевод является необходимым средством коммуникации и сотрудничества между народами. Появление данного феномена в национальной культуре неслучайно и продиктовано временем, логикой его развития, традициями и опытом. Научная значимость перевода заключается в рассмотрении его как исторического явления в обществе, процесса передачи социально-значимой информации на разных языках.

Истоки мордовского переводческого процесса датируются концом XVIII – началом XIX в. и связываются с выходом переводных и религиозных текстов на мокшанском и эрзянском языках, «Сравнительного словаря всех языков и наречий», образованием переводческой комиссии при Братстве святителя Гурия в Казани¹, развитием христианско-просветительской литературы, преобразованием в письменную форму произведений устного народного творчества, публикацией художественных произведений на страницах периодических изданий.

¹ Кубанцева И. А. Переводческая комиссия Православного миссионерского общества при Братстве святителя Гурия: особенности деятельности по продвижению книг для мордвы // Румянцевские чтения – 2020 : мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. М. : Пашков дом, 2020. Ч. 1. С. 444–447.

Из русской литературы в мордовскую проникали не только темы и образы, но и изобразительные средства, творческие приемы, которые способствовали обогащению национальной культуры, приобщению ее к мировой цивилизации. Значительная роль в этом отводилась утвердившемуся в Мордовии в середине 1930-х гг. методу адекватного перевода, позволявшему при переложении содержания художественного текста на мордовский язык полностью сохранять авторский замысел и бережно доносить художественные особенности оригинала. В послевоенное время его границы расширялись, возрастало количество переводов с мордовских языков на другие. В мордовской литературе, опережая иные жанры, поднялась на высокий уровень подлинного художественного звучания и стала известна широкому кругу читателей поэзия. Стихи мордовских поэтов на русском языке стали публиковаться в издательствах Мордовии и Москвы, появляясь на страницах газет и журналов.

Начало XXI в. вносит свои коррективы в мордовский литературно-переводческий процесс, вследствие которых не все периодические издания практикуют печать публикаций литературно-художественного характера.

Цель исследования – изучить понятие перевода, рассмотреть историю зарождения, развития переводческого процесса в Республике Мордовия на материале литературы и прессы конца XVIII – XX вв.

Обзор литературы

Среди исследователей, изучающих общую теорию и этимологическое своеобразие понятия «перевод», можно выделить работы А. В. Федорова, Л. С. Бархударова, Г. Р. Гачечиладзе, И. Левого, Л. Огнянова-Ризора.

К истокам зарождения и развития мордовского переводческого процесса следует отнести лингвистический, историко-этнографический, историко-культурный материал для словарей XVIII в., над сбором которого трудились И. Г. Георги, Г. Ф. Миллер, П. С. Паллас, Ф. И. Страленберг. Они рассматривали и отображали в работах названия элементов духовной и материальной культуры представителей средневожских народов, пытались закрепить диалекты в списках слов и небольших словарях [1].

А. Альквист первым описал язык и фольклор мордовского народа, используя материалы путешествий по среднему течению Волги и устью Оби 1856–1859 гг. [1].

Х. Паасонен осуществлял сбор лингвистического материала в качестве мордовских диалектов для создания словаря и описания грамматического строя мордовского языка [2]. Во время научных экспедиций он изучал и анализировал финно-угорские (марийский, хантыйский, эрзянский и мокшанский) и тюркские языки. Результаты его исследований закрепились в «Мордовском словаре», изданном в 1990 г. в Хельсинки.

А. П. Феоктистовым проанализированы дореволюционные памятники мордовской письменности: грамматики, азбуки, словари и др. [3], которые способствовали появлению работ по сбору и систематизации материала о переводе, в монографии «Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков» (1976 г.). Рассматривая истоки возникновения мордовского перевода, исследователь акцентировал внимание на создании мордовских словарей при Екатерине II (1787 г.), переводе профессиональной литературы комиссией при Братстве святителя Гурия (1874 г.).

В развитии мордовского переводческого процесса велика заслуга М. Е. Евсевьева. В 1892 г. он опубликовал «Букварь для мордвы-мокши» и «Букварь для мордвы-эрзи», где попытался привести орфографию к определенной форме с учетом фонетических особенностей эрзянского языка [3].

Отдельные образцы произведений устного народного творчества о жизни мордовского народа включены в «Мордовский этнографический сборник» А. А. Шахматова, в котором он приводит затранскрибированный эрзянский материал и его перевод на русский язык [4].

А. М. Каторова исследует мордовскую литературу как явление культуры в современном финно-угорском мире, анализируя личный опыт мордовских авторов через перевод [5]; варианты перевода произведений А. С. Пушкина, изданные отдельными книгами и напечатанные на страницах периодических изданий [6]; значимость национальных журналов «Сятко» («Искра») и «Мокша» в развитии духовной культуры мордовского народа; художественный перевод и его роль в диалоге литератур народов России на современном этапе развития [7].

Эволюция практики перевода – от художественного текста к медийному – частично представлены в исследованиях Е. М. Пыреськиной, С. В. Пивкиной [8; 9], в которых теория о переводе соприкасается с практическими примерами использования переводческого мастерства в процессе передачи информации в разных видах мордовских СМИ, позволяющими лучше понять передаваемый текст, провести сравнительно-сопоставительный анализ.

Исследователи Пакшина И. А., Маскаева Е. Н. считают, что «трансформация информационного пространства влечет за собой изменения в коммуникационных практиках носителей этнической культуры. Интернет-ресурсы в сочетании с традиционными медиа предоставляют новые возможности презентации и трансляции культурных ценностей, уникальных особенностей этносов. Данное обстоятельство актуализирует необходимость изучения уровня потребления медиапродукции на национальных языках» [10].

Анализ литературы свидетельствует о том, что вопросы, касающиеся истории и развития мордовского переводческого процесса в контексте литературы и печатных СМИ, являются актуальными в научных кругах.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков А. П. Феоктистова; статьи по мордовской этнографии из сборника А. А. Шахматова, по истории развития мордовской литературы из учебного пособия Е. И. Чернова. Была изучена информация о переводе как акте межъязыковой коммуникации, содержащаяся в монографии Е. М. Пыреськиной, В. И. Антоновой, С. А. Ржановой. Рассмотрены некоторые аспекты и проблемы языка, литературы и перевода, обозначенные в научных трудах Н. А. Агафоновой, О. Е. Полякова, А. М. Каторовой и др. Публикации в переводе на страницах «Од урожай» («Новый урожай»), «Ёфкс, кона ульсь» («Сказка-быль») и иных газет и журналов позволили проследить особенности языка оригинала и текста перевода.

В ходе работы использовались различные методы анализа: сравнительно-исторический метод позволил проследить тенденции литературного движения конца XVIII – XX вв., а также глубже изучить тексты газетных и журнальных изданий, переведенные с русского языка на мордовские, с национальных языков – на русский; с помощью ретроспективного метода удалось изучить проблемы перевода в динамике, сравнивая текущее положение с его более ранним состоянием; текстологический метод помог проследить изменения текста в процессе перевода.

Результаты исследования и их обсуждение

Чтобы понять основу переводческого процесса, следует обратиться к работам, представляющим общую теорию перевода. А. В. Федоров в своем исследовании акцентирует внимание на средствах языка – оригинале и переводе. По его мнению, переводчик должен стремиться к тому, чтобы верно передать смысл оригинала на переводящем языке².

Л. С. Бархударов под переводом понимает процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении содержания³.

² Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). М. : Издат. дом «Филология Три», 2002. С. 15.

³ Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М. : Международные отношения, 1975. С. 11.

В свою очередь, Г. Р. Гачечиладзе обращает внимание на специфику художественного перевода, определяя его как вид творчества, позволяющий переводчику передавать действительность так, как он видит ее в единстве с оригиналом⁴.

И. Левый считает, что перевод – это процесс, при котором переводчик дешифрует информацию оригинального автора, содержащуюся в тексте его произведения, пере-выражая ее в системе своего языка, а информацию, содержащуюся в его тексте, вновь декодирует читатель перевода⁵.

Л. Огнянов-Ризор выделяет при переводе два различных языка и две литературы, которые не только претерпевают взаимное уравнивание (в области содержания и индивидуальной формы), но и обнаруживают существенное различие (в отношении языковой формы)⁶.

Опираясь на приведенные точки зрения, мы понимаем, что полного и исчерпывающего определения понятия «перевод» нет. Чтобы изучить и познать общие законы перевода как специфической деятельности, возникшей в процессе исторического развития и исторической практики общества и человека, открыть новые пути и возможности ее совершенствования, необходимо исследовать истоки его развития, разновидности и систему появившихся на практике видов переводческой деятельности.

В этом контексте важно подчеркнуть, что мордва – древнейший народ средней полосы Европейской низменности, проживавший в бассейне р. Оки и Волги, – была расселена по всей территории Российской империи (1721–1917 гг.), что привело к потере единого языка, резкому упадку мордовской культуры.

Переводческие явления обнаруживаются со времени, когда весомый вклад в развитие переводческого дела с русского языка на мордовские начал вносить епископ Нижегородский и Алатырский Дамаскин. Им был составлен «Словарь языков разных народов, в Нижегородской епархии обитающих, именно россиян, татар, чувашей, мордвы и черемис» (1785 г.), а позже издан «Примерный словарь собирания слов с переводами» (1786 г.) и передан П. С. Палласу для создания «Сравнительного словаря всех языков и наречий» (1787, 1789 гг.). Перед составителями была поставлена задача подобрать из более чем двухсот языков такие соответствия, которые бы точно отражали семантику русских слов⁷ [3].

Расширение переводческих возможностей проявляется в изданиях православной литературы на эрзянском языке: издание «Краткого Катехизиса» («Киртязь Катехизис», 1804 г.), «Евангелия» (1821 г.); «Мордовской грамматики, составленной на наречии мордвы мокши» П. П. Орнатова (Москва, 1838 г.); «Эрзянской грамматики» Ф. И. Видеманна (1865 г.)⁸.

До образования переводческой комиссии на мордовских языках в XIX в. было издано несколько православных книг, а регулярное издание мордовской переводной литературы христианского просвещения началось с открытием в Казани в 1867 г. Братства святителя Гурия⁹, имевшего свою типографскую базу. Представители комиссии должны были сделать инородцев христианами не только по имени, но и по духу, а издание переводов на языки народов Поволжья осуществлялось посредством русского алфавита.

⁴ Гачечиладзе Г. Р. Введение в теорию художественного перевода. Тбилиси, 1970. 148 с.

⁵ Левый И. Искусство перевода. М. : Прогресс, 1974. С. 49.

⁶ Огнянов-Ризор Л. Основы на переводческого искусство. София : Камера на народната култура, 1947. С. 15–16.

⁷ Феоктистов А. П. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков. М. : Наука, 1976. С. 89; Поляков О. Е. А. П. Феоктистов и зарождение мордовских литературных языков // Проблемы изучения и функционирования финно-угорских языков в Российской Федерации : мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 55–60.

⁸ Чернов Е. И. История мордовской литературы : учеб. пособие. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1993. С. 4.

⁹ Мокшин Н. Ф. Вклад Братства святителя Гурия в духовную культуру мордвы // Этноистория и этнокультура восточных финно-угров : мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. «Функционирование языков и состояние этнокультуры восточных финно-угорских народов: проблемы и перспективы развития» : в 2 ч. Ч. 1 / МГУ им. Н. П. Огарёва; Межрегион. движение мордовского народа; редкол. В. К. Абрамов (отв. ред.) [и др.]. Саранск : Красный Октябрь, 2003. С. 113–119.

Большой вклад в теорию переводов на восточно-русские языки внес Н. И. Ильминский, являющийся автором оригинальной концепции просвещения нерусских народов, основанной на элементах ортодоксально-православной воспитательной традиции и на новейших достижениях педагогической науки. Н. И. Ильминский считал, что переводная православная литература может стать противодействием распространению среди народов Поволжья ислама. Приобщение к православию следовало осуществлять с использованием местного наречия и говора [11].

Открытие в 1872 г. в Казани русско-иностранной учительской семинарии позволило выпускать учителей, обученных по системе Н. И. Ильминского, которые могли не только работать в школах, преподавая язык иноверцев, но и составлять алфавиты, о чем свидетельствует существование «Букваря для мордвы-эрзи» (А. Ф. Юртов, 1884 г.; М. Е. Евсевьев, 1892 г.) [3]. На базе данного учреждения активно переводилась литература церковно-миссионерского характера. Следует отметить: к началу XX в. было создано более ста разного рода книг и брошюр на мордовских языках¹⁰.

Возникающая письменность помогала мордовскому народу посредством фольклора, теперь закрепленного в письменном виде, и перевода текстов в разные эпохи передавать новым поколениям житейскую мудрость. Первые издания мордовских устно-поэтических произведений русскими и зарубежными учеными приурочены ко второй половине XIX в., что позволяет констатировать новый этап в развитии национальной литературы, межнациональных культурных связей, в основе которых лежит переводческий процесс. Так, известным финским ученым, языковедом и фольклористом Х. Паасоненом в Хельсинки были изданы «Образцы мордовской народной литературы» (1883 г.).

Целый ряд публикаций посвящен деятельности Х. Паасонена и его вкладу в исследование языков, фольклора и этнографии мордовского народа¹¹. Переводческой комиссией во главе с А. Ф. Юртовым в Казани были изданы «Образцы мордовской народной словесности на русском и мордовском языках» (1882–1883 гг.), «Мокшэрзянь валонь ёвтавксонь невтевкст. Эрзянь ёвкст ды содамоёвкст рузонь кельсэ» («Сказки и загадки на эрзянском наречии мордовского языка с русским переводом», 1882–1883 гг.) с той целью, чтобы «помочь открыть читателю неповторимое своеобразное богатство живой мордовской речи через слова и формы языка, на который нужно было переводить»¹². Эти материалы заменяли собой грамматику и словарь.

Х. Паасонен провел среди мордвы около двух лет и собрал за это время богатый фольклорный материал, но из-за преждевременной кончины ученого многолетняя серия «Mordwinische Volkedichtung» («Мордовская народная поэзия») была опубликована в трудах Финно-угорского общества только в 1938–1981 гг.

Научное наследие Х. Паасонена представляет собой значительный вклад в исследование языков, фольклора и этнографии мордовского народа, а также других финно-угорских и тюркских этносов [12]. Материалы, собранные Х. Паасоненом, разнообразны, в них представлены многие жанры мордовского фольклора: эпические песни, баллады, молитвы и заговоры, причитания, пословицы, загадки. Отсутствуют лишь прозаические жанры [13].

Произведения эрзянского устного народного творчества разных жанров (исторические песни, свадебные причитания, сказки, загадки, пословицы, поговорки, бытовые рассказы, предания) вошли в «Мордовский этнографический сборник» А. А. Шахматова (1910 г.), имеющий форму дословного перевода [4].

¹⁰ Мокшин Н. Ф. Вклад Братства святителя Гурия в духовную культуру мордвы. С. 5.

¹¹ Мосина Н. М. Вклад Хейки Паасонена в развитие мордовского языкознания // Финно-угорские языки народов России в условиях взаимодействия с языками разных систем : мат-лы Междунар. симпозиума, посвященного юбилеям финно-угроведов Хейки Паасонена (150 лет), Пауля Аристэ (110 лет) и Б. А. Серебренникова (100 лет). Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 5–11. EDN: XSPVGL

¹² Феоктистов А. П. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков. С. 31.

Таким образом, истоки мордовской письменной художественной литературы заложены в устном народном творчестве, где переводческий процесс занимал важное место и был направлен на взаимообмен информацией и расширение границ сотрудничества, позволившего размыть рамки национальной замкнутости. При этом необходимо подчеркнуть, что до 1917 г. на мордовских языках издавалась главным образом профессиональная литература. Индивидуальное творчество авторов ни издательскими, ни какими-либо другими официальными мерами не поддерживалось. Первые представители национальной литературы к художественному творчеству приобщались через перевод, и поэтому «на этапе становления профессиональной литературы первоначальный писательский опыт мордовские авторы приобретали в первую очередь благодаря переводам произведений русской литературы на родной язык» [5].

В контексте исследуемой темы большой интерес представляет учебное пособие Ю. Г. Антонова, В. И. Демина «Эрзянь литературась ды печатесь» («Эрзянская литература и печать»), на страницах которого представлена информация об истории эрзянской литературы и печати как неотъемлемой части этнокультурного пространства народов Мордовии и России¹³.

Мордовская литература как часть национальной культуры, средство отражения национального менталитета, этносознания и этнофилософии может оцениваться как эволюционирующий социокультурный и художественно-эстетический феномен [14].

В популяризации мордовской культуры неопределима роль национальной периодической печати начала 20-х г. XX в., выходящей в других городах и областях страны: «Чинь стямю» («Восход солнца», 1920 г.) – Симбирск; «Якстере теште» («Красная звезда», 1921 г.) – Москва; «Якстере сокиця» («Красный пахарь», 1921 г.) – Саратов; «Од веле» («Новая деревня», 1924 г.), «Валда ян» («Светлый путь», 1927 г.) – Пенза; «Сятко» («Искра», 1929 г.) – Самара. Страницы газет и журналов систематически отводили полосы для произведений начинающих писателей и поэтов на родном языке и в переводе, что способствовало раскрытию творческого потенциала авторов.

С середины 1920-х гг. в зарождающейся мордовской литературе ведущим жанром стала поэзия, были сделаны первые попытки освещения жанра поэмы, о чем свидетельствует произведение М. Безбородова «Ёфкс, кона ульсь» («Сказка-быль»), опубликованное на страницах газеты «Од веле»¹⁴. Стала развиваться и мордовская проза. Исторически между мокшанской и эрзянской речью народа сложились весьма существенные расхождения, в связи с этим единую письменность и единый литературный язык создать было невозможно, поэтому начали складываться нормы двух мордовских литературных языков, что диктовалось необходимостью создать письменность, максимально близкую для живого языка мордвы-мокши и мордвы-эрзи. Таким образом, в силу сложившихся условий стали функционировать два литературных языка, произведения публиковались на языках тех диалектов, носителями которых были авторы.

Ведущим жанром в мордовской литературе 20-х гг. была поэзия, а идейной зацепкой, определившей гражданский пафос мордовской лирики этих лет, был «Интернационал», переведенный на эрзянский язык М. Е. Евсевьевым, а на мокшанский – З. Ф. Дорофеевым. Именно этим гимном революционного пролетариата газета «Якстере теште» открыла свои страницы для поэзии¹⁵. Мордовская проза начала свое формирование с корреспондентской записи и публицистического очерка, в 20-е гг. освоив жанр рассказа и художественного фельетона (произведения Ф. Чеснокова, А. Куторкина, А. Мокшони, П. Глухова и др.). Общая художественная культура авторов воспитывалась под воздействием творчества А. П. Чехова и А. М. Горького, ставшими для них своеобразными наставниками.

¹³ Антонов Ю. Г., Демина В. И. Эрзянь литературась ды печатесь (Эрзянская литература и печать), Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2013.

¹⁴ Безбородов М. Ёфкс, кона ульсь (Сказка-быль) // Од веле (Новая деревня). 7 июня 1929.

¹⁵ Чернов Е. И. История мордовской литературы. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1993. С. 9.

Многие из начинающих мордовских литераторов пробовали свои силы в создании оригинальных драматических произведений, стремились переводить русские пьесы на родной язык. Первым печатным произведением была драматическая сценка «Буржуй ды генерал» («Буржуй и генерал»), опубликованная в газете «Чинь стямо» («Восход солнца») в 1920 г. Впоследствии мордовские газеты и журналы систематически публиковали художественно-публицистические тексты в переводе¹⁶.

В годы довоенных пятилеток (1929–1940 гг.) складываются нормы эрзя-мордовского и мокша-мордовского литературных языков, критика начинает придавать большое значение освоению традиций русской классической литературы и устно-поэтического творчества мордовского народа, а периодическая печать отображает вышеобозначенные процессы: в журналах выходят статьи о технике художественного перевода; на страницах газет печатают публикации о переводческом мастерстве и о переводах произведений русских писателей на мордовские языки; отражается авторизированный перевод; публикуются материалы, взятые со страниц русскоязычных изданий¹⁷. Развивается детская литература: произведения мордовских авторов в оригинале и переводе находят место в журналах «Пионерэнь вайгель» («Голос пионера»), «Якстерь галстук» («Красный галстук») ¹⁸.

В годы Великой Отечественной войны многонациональная литература показала себя единой. Находившиеся на фронте писатели и поэты были востребованными в армейской периодической печати, поспособствовавшей развитию в республике русскоязычной публицистики и поэзии, переводческого мастерства. Высокой художественной выразительности достигла поэзия П. Кириллова, А. Моро, С. Вечканова, П. Гайни, А. Мартынова, Н. Эркая, И. Прончатова, М. Бебана, И. Девина, А. Малькина. Мордовская военно-патриотическая лирика поднялась на уровень эстетических запросов своего народа по идейно-художественному звучанию и по праву может считаться художественной летописью военных лет, которую впоследствии начали переводить на русский язык и публиковать в сборниках и на страницах русскоязычных газет¹⁹.

Послевоенные годы стали началом нового этапа в развитии литературы, языка, перевода, а также СМИ. Руководящие партийные органы республики рассматривали их как важный фактор мобилизации духовных и физических сил человека, строящего послевоенную мирную жизнь страны. Идеино-тематический диапазон литературных прозаических произведений расширялся. Большое число произведений мордовских писателей опубликовано на русском языке – романы «Келей Мокша» («Широкая Мокша») Т. Кирдяшкина, «Вейке семьясо» («В семье единой») И. Антонова, «Валдо ки» («Светлый путь») А. Лукьянова; рассказы Н. Эркая, С. Ларионова, В. Радина и др.

Возобновление литературно-художественных альманахов «Литературная Мордовия» (1946 г.) – на русском, «Сяскома» («Победа», 1947 г.) – мокшанском, «Изнямо» («Победа», 1947 г.) – эрзянском языках позволило публиковать произведения писателей, поэтов на языке оригинала и в переводе²⁰.

В первое послевоенное десятилетие мордовская переводческая работа была направлена на произведения А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого,

¹⁶ Горбунов В. В. Литература, рожденная октябрём : сб. лит.-критич. ст. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1969. С. 13.

¹⁷ Звездин К. Д. Паролгавтомс рузонь кельстэ эрзянь кельс ютавтоманть (Улучшить качество перевода с русского языка на эрзянский язык) // Сятко (Искра). 1932. № 21. С. 14; Переводной тевть колга (О проблемах перевода) // Колхозонь эряф (Жизнь колхоза). 1936. № 4. С. 82–85; Виард «Классической» пасквиль (О переводах А. Мокшони и Я. Пинясова) // Колхозонь эряф (Жизнь колхоза). 1936. № 3. С. 91–96; Григошин Я. Слушай мир! (Кунсолук, мастор!) // Красная Мордовия, 1936. С. 2; Боронина Е. Путешествие академика Н. И. Вавилова : очерк // ЁЖ. 1933. № 6. С. 3–4.

¹⁸ Куз чувтыне (Елочка) / пер. П. Кономанина // Пионерэнь вайгель (Голос пионера). 1940. № 12. С. 17; Йофкс калонь кунасить и калнят колга (Сказка о рыбаке и рыбке) / А. С. Пушкин; пер. П. Левчаева. 1933. № 7. С. 3–4.

¹⁹ Никул Эркай. Паксянь гайть (Над полями шум, перевод П. Карабана) // Священная война. М. : Худ. лит., 1966. С. 789; Прончатов И. Ве ванстома таркасо (Ночь в блиндаже) // Советская Мордовия. 9 мая 1968.

²⁰ Поэты Мордовии : сб. стихов / пер. под ред. Н. Смирнова. М. : Советский писатель, 1947. 138 с.

А. М. Горького, А. П. Гайдара и др. Авторы, заинтересованные творчеством русских классиков, переводили на мокшанский и эрзянский языки их стихотворные и прозаические тексты. Передавали их в республиканские газеты, которые обогащали ими публикации на полосах изданий, рассказывающих о творчестве русских писателей и поэтов на национальном языке, дополняя печатный материал отрывками из произведений. Примером может послужить статья доктора филологических наук, профессора С. Дурылина в газете «Эрзянь коммуна» («Эрзянская коммуна»), содержащая анализ творчества М. Лермонтова и два его стихотворения – «Туян эйтэть, каргоць Россия» («Прощай, немытая Россия»), «Гётеень коряс» («По Гете»), переведенные П. Гайни²¹.

Следует отметить, что переводы произведений А. С. Пушкина, опубликованные в литературно-художественных журналах и газетах на мордовских языках, проанализировала А. М. Каторова в исследовании «Пушкинское слово на мордовских языках: история публикаций, переводчики, варианты переводов». Акцентируя внимание на мордовском переводческом процессе, она выясняет, что «на этапе становления национальной литературы мордовские писатели постигали азы художественного творчества через переводы произведений А. С. Пушкина и других знаменитых русских писателей на родной язык» [6].

Республиканские газеты «Красная Мордовия», «Эрзянь коммуна», «Мокшань коммуна» («Мокшанская коммуна») стали выходить на четырех полосах (вместо двух в военное время), отведя место литературной странице²², на которой публиковались переведенные с русского языка на национальные тексты с указанием авторства – «эрзяк сёрмадызе» («написал на эрзянском языке») ²³; стихотворные строчки на двух языках: М. Найдин «Од урожай» («Новый урожай») с обозначением «эрзяк ютавтыз» («перевел на эрзянский язык» П. Гайни)²⁴.

Мордовская литература и переводческое мастерство претерпевают изменения. В 60–80-е гг. прошлого столетия было положено начало освоению новых для мордовской литературы жанровых особенностей, таких как прозаический роман-трагедия эпического типа или сонет (в творчестве М. Бебана, А. Моро, И. Калинкина и др.).

Существует мнение о том, что одновременно с наметившимся подъемом в мордовском литературном процессе обнаружились и серьезные проблемы, проявились негативные тенденции, причиной острого проявления которых были годы застоя с их нереализованными возможностями и сложившимися традициями. На многих поэтических и прозаических произведениях сказываются явления эстетической и художественной вторичности, легковесность и парадность. В 60–80-е гг. заметно ослабли, а порой стали нивелироваться национальные начала изобразительной выразительности²⁵.

В этом контексте важно подчеркнуть особую значимость перестройки 1985–1991 гг., которая скорректировала не только политическое мышление, но и научные и художественные взгляды на духовные ценности.

Мордовская литература, социалистическая по содержанию, многообразная по национальным формам и интернационалистическая по своему духу, была признана создавать произведения, способствующие воспитанию в советских людях высоких моральных качеств, творческой активности, одухотворенной революционностью перестройки общества. Это позволило ей активно участвовать в процессе взаимного обогащения многонациональной советской литературы и тем самым подняться на новые эстетические и художественные высоты²⁶.

²¹ Дурылин С. Минек народонть славазо (Слава нашего народа) // Эрзянь коммуна (Эрзянская коммуна). 7 окт. 1949. С. 3.

²² Литературная страница // Эрзянь коммуна (Эрзянская коммуна). 13 апр. 1947. С. 3.

²³ Мартынов А. Игорень полконтонь вал (Слово о полку Игорева) // Эрзянь коммуна (Эрзянская коммуна). 9 дек. 1950. С. 2.

²⁴ Гайни П. Од урожай // Эрзянь коммуна (Эрзянская коммуна). 27 авг. 1949. С. 3.

²⁵ Ключагин П. А. Мордовская периодическая печать и литература (1917–1941 гг.). Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1989. С. 66–87.

²⁶ Там же. С. 67.

При этом важно подчеркнуть, что период с 1955 г. и до конца XX в. характеризуется количественным ростом и значительными повышениями идейно-художественных достоинств, форм. В Мордовии, как и в других национальных республиках страны, произошло раннее восстановление литературного движения, чему способствовало открытие в 1956 г. журналов «Мокша» и «Сурань толт» («Сурские огни»), возобновление выхода национальных газет «Мокшень правда» («Мокшанская правда») и «Эрзянь правда» («Эрзянская правда»), на страницах которых периодически публиковали информацию о творчестве писателей и поэтов, дополняя ее отрывками из произведений в переводе на мордовский язык²⁷.

Исследователи отмечают, что журналы способствовали развитию духовной культуры мордовского народа, переводческой деятельности, формированию нормированных литературных мокшанского и эрзянского языков, жанровой системы мордовской литературы, воспитанию молодых писателей, укреплению национального литературоведения и методической науки [8].

Переводы-заимствования облегчали знакомство с литературным творчеством русской классики, раскрывали традиции братской литературы в области создания художественных образов. С укреплением творческих связей возрастало количество переводов с мордовских языков на другие – сборники стихов издавались в разных типографиях страны, а газеты и журналы публиковали познавательную информацию: А. Маскаев «Переводы с мордовского на украинский язык»²⁸; А. Самошкин «Мокшэрзянь книгать ётафтозь рузкс...» («Мордовскую книгу перевели на русский язык...»)²⁹, «Книгать эсколксонза» («Шаги книги», о переводе произведений мордовских писателей на языки народов СССР)³⁰. Региональная газета «Советская Мордовия» периодически затрагивала проблемы перевода. Об этом свидетельствуют публикации Н. Илюхина, Н. Эркая, Р. Заводовой, П. Матюшкина, Н. Черапкина и др.³¹

Отметим, что это явление вытекает из объективных условий действительности и эстетической потребности народов, совершивших огромный скачок в своем культурном развитии. Во-первых, преобладающая часть населения, в том числе и мордовского, чувашского и марийского, поднялась на такой уровень культурного развития, когда может не только свободно изъясняться и читать на русском языке, но и понимать самые сложные его особенности (обороты, идиомы, нюансы художественной речи). Во-вторых, значительно выросли национальные кадры писателей, которые способны создавать произведения, представляющие глубокий интерес как для своего народа, так и для всесоюзного читателя³².

Таким образом, для передачи наиболее полной характеристики переводческого процесса авторы выбрали исторический принцип исследования, с помощью которого наглядным образом представили картину переводческого искусства в контексте литературного движения. В ходе работы удалось выявить истоки развития мордовского переводческого процесса, проследить взаимосвязь перевода с литературным движением, увидеть проявление перевода в периодической печати конца XVIII–XX вв.

²⁷ Самошкин А. Поэзиянь ошо мастер: А Блоконь шачема чистонза 100 кизонь топодемати (Великий мастер поэзии: к 100-летию со дня рождения А. Блока) // Мокша. 1980. № 5. С. 9–12.

²⁸ Маскаев А. Переводы с мордовского на украинский язык // Советская Мордовия. 28 мая 1966.

²⁹ Самошкин А. Мокшэрзянь книгать ётафтозь рузкс... (Мордовскую книгу перевели на русский язык...) // Мокша. 1978. № 1. С. 64–68.

³⁰ Самошкин А. Книгать эсколксонза (Шаги книги) // Мокшень правда (Мокшанская правда). 31 янв. 1974. С. 3.

³¹ Илюхин Н. Поэт и переводчик // Советская Мордовия. 4 авг. 1969. С. 2; Эркая Н. Автор и переводчик // Советская Мордовия. 3 апр. 1963. С. 2; Заводова Р., Матюшкин П. Выше культуру художественного перевода // Советская Мордовия. 18 авг. 1954. С. 3; Черапкин Н. Выше качество литературных переводов // Советская Мордовия. 9 сентября 1951. С. 2.

³² История мордовской литературы / А. В. Алешкин, Л. Г. Васильев, В. В. Горбунов и др. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1981. 360 с.

Заключение

Мордовский переводческий процесс имеет глубокие корни и представляет большую научную значимость. Особенности перевода прослеживаются не только в православных книгах и литературе христианского просвещения XVIII в., но и в художественных произведениях, изданных отдельными сборниками и опубликованных на страницах газет и журналов XX в., научных статьях [9].

Переводческое мастерство в разные этапы становления усложняется, расширяя или утрачивая имевшиеся возможности. Анализируя историко-литературное движение и работу периодических изданий, видим, что печатные СМИ сегодня претерпевают изменения в данном направлении. Если до конца XX в. они регулярно знакомили аудиторию с литературно-художественными произведениями в оригинале и переводе, то в начале XXI столетия отводят полосы для подобных публикаций только литературно-художественные и общественно-политические ежемесячные журналы – «Сятко», «Мокша»; независимая общественно-политическая газета «Эрзянь Мастор» («Страна эрзян»); детско-юношеские журналы «Чилисема» («Восход»), «Ястерь тяштенья» («Красная звездочка»). То есть недостатком современной переводческой деятельности является отсутствие масштабных площадок для публикации художественно-публицистических текстов в переводе или на языке оригинала для массовой аудитории и, возможно, отсутствие аудиторной потребности на большие текстовые форматы.

Огромный вклад в сохранение и развитие родных языков, национальной культуры, традиций, в укрепление межнациональных отношений вносят республиканские национальные газеты. На страницах изданий «Эрзянь правда», «Мокшень правда», «Юлдаш» («Спутник»), республиканской общественно-политической газеты «Известия Мордовии» элементы художественного перевода частично прослеживаются только при переводе информации социально-значимого характера с русского языка на мордовские и наоборот. Предполагаем, что «основные причины создавшегося положения кроются в отсутствии должного интереса государственных структур к литературе и подготовке кадров профессиональных переводчиков с языков народов» [7]. Несмотря на это, в настоящее время печатные СМИ стремятся сохранить и развивать язык народа, пропагандируя ценности и достижения его культуры через каналы передачи информации, разнообразно показывая, что «для каждого этноса журналистика так или иначе является средством переосмысления различных национальных проблем, рычагом поиска» [10].

Отметим, что работа рассматривает лишь один из аспектов проблемы: динамику процессов переводческой эквивалентности в Мордовии в контексте литературы и печатных СМИ (конца XVIII – XX вв.). Исследования в этом направлении могут быть продолжены посредством изучения не только взаимосвязи перевода, литературы и СМИ, но и публикаций современного периода.

Не подвергали специальному исследованию и проблему проявления переводного текста в СМИ. Данная статья послужит частью будущего разнопланового изучения переводческого мастерства в республике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Ваганова Е.Н., Лаптева И.В. Мордовский диалектологический словарь как лингвистический, этнографический и фольклорный источник. *Финно-угорский мир*. 2024;16(3):284–297. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.03.284-297>
Vaganova E.N., Lapteva I.V. The Mordovian Dialectological Dictionary as a Linguistic, Ethnographic and Folklore Source. *Finno-Ugric World*. 2024;16(3):284–297. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.03.284-297>
2. Сааринен С. Хейкки Паасонен – выдающийся исследователь мордовских языков и культур. *Финно-угорский мир*. 2009;(1):32–35. URL: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2009/1/32-35.pdf> (дата обращения: 20.08.2024).

- Saarinen S. [Heikki Paasonen is an Outstanding Researcher of Mordovian Languages and Cultures]. *Finn-Ugric World*. 2009;(1):32–35. (In Russ.) Available at: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2009/1/32-35.pdf> (accessed 20.08.2024)
3. Поляков О.Е., Седова П.Е. Страницы истории развития мордовского языкознания (XVII – начало XXI в.). *Финно-угорский мир*. 2017;(4):46–55. URL: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2017/4/46-55.pdf> (дата обращения: 20.08.2024).
Polyakov O.E., Sedova P.E. Pages of the History of Development of Mordovian Linguistics (XVII – Beginning of the XXI Century). *Finn-Ugric World*. 2017;(4):46–55. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2017/4/46-55.pdf> (accessed 20.08.2024).
  4. Антонов Ю.Г., Шеянова С.В. Современная мордовская литература: синтез традиций и новаторства (на материале изданий 2016 г.). *Финно-угорский мир*. 2017;(2):20–29. URL: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2017/2/20-29.pdf> (дата обращения: 20.08.2024).
Antonov Yu.G., Sheianova S.V. Modern Mordovian Literature: Synthesis of Traditions and Innovation (on the Material of the Editions of 2016). *Finn-Ugric World*. 2017;(2):20–29. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2017/2/20-29.pdf> (accessed 20.08.2024).
  5. Каторова А.М. Пушкинское слово на мордовских языках: история публикаций, переводчики, варианты переводов. *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*. 2024;16(4):181–200. URL: <https://vestnikniign.ru/V-4-2024-st14> (дата обращения: 20.08.2024).
Katorova A.M. Pushkin's Word in the Mordovian Languages: Publication History, Translators, Translation Options. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(4):181–200. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://vestnikniign.ru/V-4-2024-st14> (accessed 20.08.2024).
  6. Каторова А.М. Литературно-художественные журналы «Мокша» и «Сятко»: их история и роль в формировании словесного искусства мордовского народа. *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*. 2023;15(4):195–204. URL: <https://vestnikniign.ru/V-4-2023-st16> (дата обращения: 20.08.2024).
Katorova A.M. Literary and Art Magazines “Moksha” and “Syatko”: Their History and Role in the Formation of the Verbal Art of the Mordovian People. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2023;15(4):195–204. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://vestnikniign.ru/V-4-2023-st16> (accessed 20.08.2024).
  7. Каторова А.М. Художественные переводы и их роль в диалоге литератур народов России на современном этапе развития. *Oriental Studies*. 2019;12(3):552–560. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-43-3-552-560>
Katorova A.M. The Present-Day Communication between Russia's National Literatures: Literary Translations and Their Impact. *Oriental Studies*. 2019;12(3):552–560. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-43-3-552-560>
  8. Пыреськина Е.М. Перевод как межъязыковая единица (на примере медиатекстов Республики Мордовия). *Вестник Марийского государственного университета*. 2021;15(1):105–110. EDN: **KJJQPJ**
Pyreskina E.M. Translation as an Interlanguage Unit (on the Example of Media Texts of the Republic of Mordovia). *Bulletin of the Mari State University*. 2021;15(1):105–110. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: **KJJQPJ**
  9. Пивкина С.В., Пыреськина Е.М. СМИ в парадигме популяризации языка этноса. *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*. 2022;(1):176–179. EDN: **SDTYKI**
Pivkina S.V., Pyreskina E.M. Mass Media in the Paradigm of Popularization of the Language of the Ethnos. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2022;(1):176–179. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: **SDTYKI**
  10. Пакшина И.А., Маскаева Е.Н. Этноязыки в медиапространстве Республики Мордовия. *Финно-угорский мир*. 2024;16(3):334–347. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.03.334-347>
Pakhshina I.A., Maskayeva E.N. Ethnolanguages in the Media Space of the Republic of Mordovia. *Finn-Ugric World*. 2024;16(3):334–347. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.03.334-347>
  11. Агафонова Н.А. «Мордовский этнографический сборник» А. А. Шахматова как источник изучения эрзянских диалектов. *Финно-угорский мир*. 2016;(1):12–18. URL: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2016/1/12-18.pdf> (дата обращения: 20.08.2024).
Agafonova N.A. [“Mordovian Ethnographic Collection” by A. A. Shakhmatov as a Source of Study of Erzya Dialects]. *Finn-Ugric World*. 2016;(1):12–18. (In Russ.) Available at: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2016/1/12-18.pdf> (accessed 20.08.2024).
  12. Шахов П.С., Тельминов В.Г., Зубов И.В. Исследования Хейкки Паасонена по мордовским языкам и фольклору: «О строю стиха мордовских народных песен» (перевод с немецкого языка, I часть). *Вестник музыкальной науки*. 2023;11(2):138–162. <https://doi.org/10.24412/2308-1031-2023-2-138-162>
Shakhov P.S., Telminov V.G., Zubov I.V. Heikki Paasonen's Studies in Mordvin Languages and Folklore: “On the Verse Structure of the Mordovian Folk Songs” (Translation from German, First Part). *Journal of Musical Science*. 2023;11(2):138–162. (In Russ., abstract. in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2308-1031-2023-2-138-162>
  13. Хакамизс П. Изучение мордовского фольклора в Финляндии. *Вестник Мордовского университета*. 1995;(1):16–20. URL: <https://clck.ru/3GKQxA> (дата обращения: 20.08.2024).

Hakamies P. [The Study of Mordovian Folklore in Finland]. *Vestnik Mordovskogo universiteta*. 1995;(1):16–20. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3GKQxA> (accessed 20.08.2024).

14. Каторова А.М. Мордовская литература как явление культуры в современном финно-угорском мире. *Центр и периферия*. 2020;15(3):42–47. EDN: QOZFDO
Katorova A.M. [Mordovian Literature as a Cultural Phenomenon in the Modern Finno-Ugric]. *Center and Periphery*. 2020;15(3):42–47. (In Russ.) EDN: QOZFDO

Информация об авторах:

Пырескина Елена Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики МГУ им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4371-7450>, SPIN-код: 9405-9602, pireskina.elena@yandex.ru

Пивкина Светлана Васильевна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры журналистики МГУ им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-5221-0017>, SPIN-код: 4559-2441, sve-pivkina@yandex.ru

Дементьева Ксения Владимировна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой журналистики МГУ им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6484-9594>, SPIN-код: 9365-4480, dementievakv@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

Е. М. Пырескина – формулирование идеи исследования, целей и задач; создание и подготовка рукописи: написание черновика рукописи, включая его перевод на иностранный язык; контроль, лидерство и наставничество в процессе планирования и проведения исследования.

С. В. Пивкина – разработка методологии исследования; осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных.

К. В. Дементьева – создание и подготовка рукописи: критический анализ черновика рукописи, внесение замечаний и исправлений членами исследовательской группы, в том числе на этапах до и после публикации.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 22.09.2024; одобрена после рецензирования 19.11.2024; принята к публикации 27.11.2024.

Information about the authors:

Elena M. Pyreskina, Cand.Sci. (Philol.), Associate Professor of the Department of Journalism, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4371-7450>, SPIN-code: 9405-9602, pireskina.elena@yandex.ru

Svetlana V. Pivkina, Cand.Sci. (Philol.), Lecturer, Department of Journalism, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-5221-0017>, SPIN-code: 4559-2441, sve-pivkina@yandex.ru

Kseniya V. Dementieva, Dr.Sci. (Philol.), Head of the Department of Journalism, National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6484-9594>, SPIN-code: 9365-4480, dementievakv@gmail.com

Authors' contribution:

E. M. Pyreskina – ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims; preparation and creation of the published work, specifically writing the initial draft (including substantive translation); oversight and leadership responsibility for the research activity planning and execution, including mentorship external to the core team.

S. V. Pivkina – development of methodology; conducting a research and investigation process, specifically performing the data.

K. V. Dementieva – preparation and creation of the published work by those from the original research group, specifically critical review, commentary or revision – including pre- or post-publication stages.

All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 22.09.2024; revised 19.11.2024; accepted 27.11.2024.

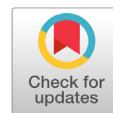
КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА CULTURAL STUDIES AND FOLKLORE STUDIES

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.112-125>

EDN: <https://elibrary.ru/qflgds>

УДК / UDC 52:392

Оригинальная статья / Original article

Почему есть пятна на луне, или К вопросу об астрономических кодах удмуртского народа

Т. Р. Душенкова, Н. В. Кондратьева ✉

Удмуртский федеральный исследовательский центр

Уральского отделения РАН,

г. Ижевск, Российская Федерация

✉ nataljakondratjeva@yandex.ru

Аннотация

Введение. Лексическая единица толэзь ‘луна’ является одним из важнейших элементов космологической системы удмуртского народа. Между тем в научной литературе представлено недостаточное количество научных работ, посвященных изучению особенностей функционирования указанного семиотического знака. Цель исследования – выявление конвенциональных и неконвенциональных характеристик культурного кода толэзь ‘луна/месяц’ в традиционной и современной культуре удмуртов.

Материалы и методы. Эмпирическую базу исследования составили прозаические тексты малых жанров фольклора, художественные произведения, лексикографические труды, лингвистические данные, извлеченные из Национального корпуса удмуртского языка, а также альбомы по декоративно-прикладному искусству удмуртского народа. В качестве методологической базы исследования выступили метод сплошной выборки, контекстного анализа, лексикографический, описательный, которые позволили выявить контексты употребления исследуемого знака в традиционной и современной культуре удмуртов.

Результаты исследования и их обсуждение. В структуре малых жанров удмуртского фольклора особое место занимает астрономический код толэзь ‘луна’. Он широко представлен в текстах заговорно-заклинательного и фидеистического характера, приметах и поверьях, загадках. Как показывают материалы исследования, астрономический код толэзь ‘луна’ сохранился прежде всего в тех фольклорных жанрах и формах, которые напрямую были связаны с ритуальными действиями; он характеризуется конвенциональными признаками, участвующими в реализации мифопоэтического представления народа об устройстве мира и Вселенной. В современной ситуации происходит трансформация семиотического наполнения и условий функционирования исследуемого кода.

Заключение. Использование исследуемого культурного кода в современных условиях стимулирует появление новой сложной системы неконвенциональных отношений, ведущей к приумножению ценности нового предмета «договора» (художественного произведения, бренда или идеологии) и стиранию архаичных представлений семиотического знака. Исследование контекстов использования астрономического кода толэзь ‘луна’ позволит использовать полученные знания в исследовании широкого круга вопросов в области фольклористики, этнографии, культурологии.

Ключевые слова: вербальная культура удмуртского народа, астрономический код, удмуртские загадки, удмуртские приметы и поверья, заговорно-заклинательные традиции

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Душенкова Т. Р., Кондратьева Н. В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Душенкова Т.Р., Кондратьева Н.В. Почему есть пятна на Луне, или К вопросу об астрономических кодах удмуртского народа. *Финно-угорский мир*. 2025;17(1):112–125. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.112-125>

Why Are There Spots on the Moon? – On the Issue of the Astronomical Codes of the Udmurt People

T. R. Dushenkova, N. V. Kondratieva ✉

*Udmurt Federal Research Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk, Russian Federation*
✉ nataljakondratjeva@yandex.ru

Abstract

Introduction. The term *toléz* ‘moon’ is one of the key elements in the cosmological system of the Udmurt people. However, there is a lack of sufficient scholarly work in the literature addressing the specifics of the functioning of this semiotic sign. The aim of this study is to identify the conventional and unconventional characteristics of the cultural code of *toléz* (‘moon/month’) in both traditional and contemporary Udmurt culture.

Materials and Methods. The empirical foundation of the study consists of prose texts from minor folklore genres, literary works, lexicographic studies, linguistic data extracted from the National Corpus of the Udmurt Language, as well as albums on the decorative and applied arts of the Udmurt people. The methodological basis of the research includes the methods of random sampling, contextual analysis, lexicographic, and descriptive approaches, which facilitated the identification of contexts in which the examined symbol is used in both traditional and contemporary Udmurt culture.

Results and Discussion. The astronomical code *toléz* ‘moon’ occupies a special place in the structure of the small genres of Udmurt folklore. It is widely represented in texts of a spell-binding and fideistic nature, as well as in superstitions, beliefs, and riddles. As the research materials demonstrate, the astronomical code *toléz* ‘moon’ has been preserved primarily in those folkloric genres and forms that were directly associated with ritual practices. It is characterized by conventional features that contribute to the realization of the mythopoetic representation of the people regarding the structure of the world and the universe. In the modern context, there is a transformation in both the semiotic content and the conditions under which the examined code functions.

Conclusion. The use of the studied cultural code in contemporary contexts stimulates the emergence of a new, complex system of unconventional relationships, leading to the enhancement of the value of the new subject of the “contract” (artistic work, brand, or ideology) and the erasure of archaic representations of the semiotic sign. The investigation of the contexts in which the astronomical code *toléz* ‘moon’ is used will enable the application of the acquired knowledge to the study of a wide range of issues in folklore studies, ethnography, and cultural studies.

Keywords: verbal culture of the Udmurts, astronomical code, Udmurt riddles, Udmurt signs and beliefs, incantatory traditions

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Dushenkova T.R., Kondratieva N.V. Why Are There Spots on the Moon? – On the Issue of the Astronomical Codes of the Udmurt People *Finno-Ugric World*. 2025;17(1):112–125. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.112-125>

Введение

Астрономический код является одним из самых архаичных кодов культуры. С момента возникновения человечества люди наблюдали за небесными светилами и пытались понять их природу. Астрономические знания использовались для навигации, предсказания сезонов и создания календарей. Они нашли отражение в мифах и легендах, обрядовых действиях и различных жанрах фольклора. В частности, у многих народов широко представлены астральные мифы – древние повествования о созвездиях, звездах, планетах. Так, согласно эпосу «Урал батыр», из мрака водного хаоса появляется небо, а потом и его

жены – Солнце и Луна [1]. Пятна на луне у башкир – это волк, бесконечно гонящийся за косулей¹, тогда как у некоторых финно-угорских народов (марийцев, удмуртов), чувашей они ассоциируются с девушкой с коромыслом. Созвездие Большая Медведица – это семь девушек-красавиц, которые вознеслись на небо, убегая от преследовавшего их Дия². В татарском фольклоре представлен мотив превращения людей в звезды [2].

Небесные тела наделялись сакральным значением: считалось, что исчезновение Утренней звезды, появление кометы являются предвестниками беды; падение звезды повсеместно означало чью-то смерть³ и др. Вышеперечисленное позволяет утверждать, что у древнего населения Приуралья существовали свои символические знаки, обозначавшие небесную сферу и ее обитателей.

По мнению ученых, в удмуртской культуре в средние века маркерами высшего яруса Вселенной выступали образы коня, лося, птицы, змеи, солнечные лики, солярные и лунарные знаки (животные-созвездия). В поздней удмуртской традиции связь с небесами обнаруживают у особых небесных или громовых камней (*ин кӧльы, гудыри кӧльы*), которые использовали для высекания огня [3]. Часть этих представлений в той или иной степени сохранилась в мифологической картине мира удмуртов.

В современном обществе астрономические символы и образы продолжают играть важную роль: они используются в литературе, дизайне, моде, рекламе и других сферах массовой культуры.

Основной целью исследования является определение роли лексической единицы *толэзь* ‘луна/месяц’ как культурного кода в традиционной и современной культуре удмуртов. Вслед за Е. П. Каргаполовым, культурный код мы рассматриваем как «сформированную на протяжении многих тысячелетий систему сигналов, высвечивающих “коридор/канал” пути жизни и творчества этноса, нации, народа, человека, и проявляющуюся в разных формах как на биологическом, так и на культурно-историческом и цивилизационном уровнях» [4].

Актуальность статьи обусловлена недостаточной изученностью культуремы, прежде всего – с точки зрения функционирования исследуемого кода в малых жанрах фольклора, а также его отражения в современной культуре. Между тем выявление традиций и новаций исследуемого астрономического кода позволит определить творческий потенциал для его использования в современных условиях.

Обзор литературы

В современном удмуртском языке лексема общепермского происхождения *толэзь* ‘луна/месяц’ имеет несколько значений: 1) небесное светило; 2) календарный месяц; 3) мифологизированный космический объект, требующий особого почитания⁴. Учитывая последнее определение, исследуемый астроним является объектом изучения специалистов в области фольклористики, этнографии, археологии, литературоведения и искусствоведения.

Т. Г. Владыкина образ *Толэзь-Мумы* ‘Матери-Луны’ относит к числу главных среди природных праматерей: *Шунды-Мумы* ‘Матери-Солнца’, *Ву-Мумы* ‘Матери-Воды’, *Гудыри-Мумы* ‘Матери-Грома’ и др. По мнению ученого, «предшествование почитания луны солнцу в религиозной и мифопоэтической картине мира удмуртов отражено в отдельных явлениях языка, фольклора, религиозных культов, декоративно-прикладном искусстве»⁵.

¹ Фольклор народов Башкортостана : энциклопедия / гл. ред. Ф. А. Надришина, отв. ред. У. Г. Сайтов. Уфа : Башкирская энциклопедия, 2020. 664 с.

² Дию (див, дэв, дейеу) в башкирской мифологии – многоголовый великан, владеющий большими богатствами. Он способен перевоплощаться в бурю, старуху, иголку и др. Пожирает людей или держит их в плену, уносит скот, похищает девушек и женится на них.

³ Фольклор народов Башкортостана : энциклопедия. С. 309

⁴ Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Ар-год берган: обряды и праздники удмуртского календаря. Ижевск : Удмурт. ун-т, 2011. С. 128.

⁵ Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклорный миротекст: образ, символ, ритуал : моногр. Ижевск : МонПоражён, 2018. С. 36.

Становление удмуртского народного календаря, в том числе и влияние лунных фаз на формирование аграрного культа удмуртов, подробно описано Т. Г. Владыкиной, Г. А. Глуховой и Т. И. Паниной в статье «Удмуртский народный календарь и сельский социум» [5].

В работах Т. И. Паниной и Т. Миннихметовой рассматривается влияние лунных циклов на проведение лечебных обрядов. Исследователи отмечают, что наиболее подходящим временем для их проведения считались периоды убывающей луны: «верили, что болезнь, как и луна, будет постепенно “убывать”/исчезать»⁶. Последние дни убывающей луны и несколько дней после полнолуния воспринимались как временной рубеж, который способствовал успешному лечению болезней с помощью заговоров⁷.

Структурно-семантические особенности фразеологических единиц, относящихся к тематической группе «Небесная сфера», в том числе и с компонентом *толзэ* ‘луна/месяц’, рассмотрены в трудах удмуртских лингвистов [6].

Отдельный цикл работ посвящен изучению узора *толзэ* ‘лунный узор’ в декоративно-прикладном творчестве удмуртов⁸.

Важную роль при изучении астрономических кодов играют исследования в области археологии и этнографии. Как подчеркивает Н. И. Шутова, самое раннее изображение восьмиконечной звезды (*толзэ* ‘лунный узор’) в Волго-Камском регионе относится к IX–XIII вв. Обнаружено оно на костяном пряслице из раскопок А. П. Смирнова на Кушманском городище в бассейне р. Чепцы [3]. Учитывая, что с VII до середины XVI в. южная часть современных удмуртов находилась под властью волжских булгар и казанских ханов, появление данного узора в удмуртской культуре А. Карпава рассматривает как результат тюркского влияния [7].

В области литературоведения также имеются научные труды, посвященные изучению образов Луны и Солнца в произведениях удмуртских писателей и поэтов⁹. В частности, Е. В. Пантелеева на материале поэтического творчества В. Ар-Серги делает вывод о том, что образы небесных светил «становятся элементом эмоционального параллелизма, отражают события не только внутреннего (экзистенциально-психологического, этноментального), но и внешнего (физического, социального) пространства» [8].

Астрономический код *толзэ* играет важную роль в формировании религиозно-мифологической картины мира удмуртов и широко представлен в современном обществе. Однако отсутствие комплексных подходов к исследованию указанного культурного кода способствует возникновению культурного дисбаланса: с одной стороны, *толзэ* как архаичный семиотический знак с его конвенциональными характеристиками, с другой – как элемент современной культуры, характеризующийся неконвенциональными признаками.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили тексты малых жанров удмуртского фольклора, произведения художественной литературы, лингвистические материалы, извлеченные из Национального корпуса удмуртского языка (НКУЯ), лексикографические труды и альбомы по декоративно-прикладному искусству.

В работе был использован комплекс исследовательских методов: метод контекстного анализа и метод сплошной выборки, которые позволили определить структурно-содержательную сторону исследуемого астрономического кода; благодаря лексикографическому методу

⁶ Панина Т. И. Слово и ритуал в народной медицине удмуртов : моногр. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2014. С. 103.

⁷ Minniakhmetova T. The Impact of the Parameters of Time On the Success of Treatment: On the Folk Medicine of the Udmurts // Folklore. 1999. Vol. 11. P. 173.

⁸ Виноградов С. Н. Удмуртские народные узоры и значение их названий // Удмурты: тайна тамги / Сост. Г. Г. Грязев. Ижевск : Удмуртия, 2018. С. 61–78; Климов К. Удмуртское народное искусство. Ижевск : Удмуртия, 1988. 200 с.

⁹ Камитова А. В. Образы небесных светил в поэзии Кузубая Герда // Финно-угорский мир. 2010. № 1. С. 6–12.

были уточнены значения базовых лексем, используемых в статье; применение описательного метода способствовало систематизации полученных результатов. Использование перечисленных методов позволяет на конкретных примерах рассмотреть особенности репрезентации астрономического кода *толзъ* 'луна/месяц' в социокультурном пространстве удмуртского народа.

Результаты исследования и их обсуждение

Луна – естественный спутник Земли, который можно увидеть невооруженным глазом – обладает рядом особенностей, которые замечал даже первобытный человек, пытавшийся постичь ее тайны. Прежде всего, ночное светило всегда обращено к нашей планете одной и той же стороной вне зависимости от времени наблюдения. Причина – его вытянутая траектория [9]. Еще одна особенность Луны – наличие темных пятен, которые стали источником зарождения многих мифов и легенд. Миф о девушке на Луне – один из самых распространенных астральных мифов. В удмуртской традиции известны его варианты. У девушки умерла мать, а ее отец вскоре взял себе в жены другую женщину. Девушке пришлось испытать много страданий. Однажды, в лютые рождественские морозы, мачеха отправила падчерицу к проруби за водой. По пути девушка не могла сдерживать слез и попросила Луну забрать ее к себе. Она прыгнула в прорубь, и Луна забрала ее вместе с ведрами¹⁰.

Исследователь Г. Рохейм, ссылаясь на мифологические традиции разных народов Европы, Азии, Австралии, выделил более 40 сюжетов о девушке на Луне¹¹. Подобные представления есть и у народов Волго-Камья. Так, в марийском фольклоре существует мотив о Месяце, который влюбляется в идущую за водой девушку и приглашает ее к себе. Другой вариант легенды – невестка, повидавшая много зла от свекрови, была взята к себе Луной. По мнению исследователей, в этом повествовании показано единство космической и земной жизни, а небо всегда защищает того, кто страдает на земле¹².

В коми традиции защитником людей, претерпевших много горя в земной жизни, является месяц. Сюжет о девушке-сироте аналогичен. Мачеха выгоняет падчерицу ночью за водой. Месяц, вняв ее просьбам, забирает девушку к себе вместе с ведрами и коромыслом. По мнению коми исследователей, легенда перекликается с образами свадебной поэзии (*месяц – жених*)¹³.

Интересно заметить, что в сербском фольклоре мотив *месяц – жених* также является частотным; широко распространены тексты о женитьбе месяца на утренней звезде или земной девушке¹⁴. И хотя в удмуртской легенде не говорится о женитьбе (вероятно, этот момент утрачен), данный контекст имплицитно допустим.

Помимо мифологических сюжетов, астрономический код *толзъ* 'луна/месяц' представлен во многих малых жанрах удмуртского фольклора. Рассмотрим их подробнее.

Космогонические загадки. Космогонические загадки удмуртского народа свидетельствуют о влиянии архаичных мифологем на выбор вторичной номинации денотата. Так, Луна может быть представлена в следующих ипостасях:

а) репрезентация родственных отношений: например, луна и солнце, персонифицируясь, создают оппозицию *брат – сестра*: *Сузрез братэз доры куное мынэ, нош братэз ватійське*¹⁵ 'Сестра к брату в гости идет, а брат прячется'; или *брат – брат*: *Кык братъёс озэс оззы сутыны туртто но уг быгато*¹⁶ 'Два брата друг друга догнать пытаются, да не могут'. В подобных загадках гендерная принадлежность луны и солнца неустойчива,

¹⁰ Munkácsi V. *Votják népköltészeti hagyományok*. Budapest, 1887. Ol. 57

¹¹ Рохейм Г. Мифология и религия луны. Психоаналитическое исследование. Ижевск : Эрго, 2011. С. 11.

¹² Тойдыбекова Л. С. Марийская мифология : этнографический справочник. Йошкар-Ола, 2007. С. 237.

¹³ Уляшев О. И. Хроматизм в фольклоре и мифологических представлениях пермских и обско-угорских народов. Екатеринбург : УрО РАН, 2011. С. 68.

¹⁴ Чёха О. В. Новогреческая лексика народной астрономии в сопоставлении с балканославянской: луна и лунное время (этнолингвистический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. С. 13.

¹⁵ Удмуртский фольклор : загадки / Сост. Т. Г. Перевозчикова. Ижевск : Удмуртия, 1982. С. 217.

¹⁶ Там же. С. 216.

так как они представлены и женскими, и мужскими образами: *Кык кышноос озгы чукна султо, озгы жытазе султо*¹⁷ ‘Из двух женщин одна утром встает, другая вечером встает’ и др. Интересно, что в контактирующем татарском языке для загадок также характерно наличие вторичной номинации с использованием терминов родства, однако в рамках мифологии татарского народа луна и солнце воспринимаются как муж и жена [10];

б) отражение социальных ролей: луна может играть роль пастуха: *Одйг пастух сюрс ыжжэсты возьма (толэзь но кизилиос)*¹⁸ ‘Один пастух тысячи овец пасет’ (месяц и звезды); *Бусы мертамтэ, ыжжэс лыдьямтэ, пастухез суро (инбам, толэзь но кизилиос)*¹⁹ ‘Поле не меряно, овцы не считаны, пастух рогат’ (небо, звезды, месяц);

в) сравнение с отдельными пищевыми продуктами: небо может выступать в роли небесной печки, а луна и звезды – в роли различной выпечки: *табаней* (толстый блин из кислого теста, подают с соусом-подливкой *зыретом*), *шекера* (удмуртское национальное блюдо, маленькие шарики, прожаренные в говяжьем жире; один из видов обрядовых блюд осенне-зимнего календаря²⁰), *юача* (сдобная коврижка, приготовленная из овсяной муки и выпеченная на сковородке; пряженец, пряженик²¹), шанежек, перепечей, пирогов и др.: *Гур шорын табань/юача, котыраз шекера (толэзь но кизилиос)*²² ‘Посреди печи блин (юача), а вокруг – шекера’ (луна и звезды); *Гур тыр перепеч/пирог, шораз одйг колды (шаньгиез) (толэзь но кизилиос)*²³ ‘Полна печь перепечей (пирогов), посредине каравай (шанежка)’ (луна и звезды) и др.

Также луна может сопоставляться с караваем: *Корка сигын палэс нянь (пал сукури) (толэзь)*²⁴ ‘На чердаке (початый) каравай’ (луна); *Пересь кышнолэн корка йылаз нянь сукури ошкеш. Пуныос уто, уто но – уг сузё (толэзь)*²⁵ ‘Над домом старушки висит каравай. Собаки лают, лают, достать не могут’ (луна); *Корка йылын пияла нянь (толэзь)*²⁶ ‘Над избой стеклянный хлеб’; или маслом: *Корка сигын чыжтэм вöй но аръян вöй*²⁷ ‘На чердаке топленое масло и свежесбитое масло’;

г) использование в качестве объекта замещения отдельных предметов быта: *Корка йылын ыргон нетак (толэзь)*²⁸ ‘Над домом медный пятак’; *Корка сигын йö тусь. Со ма луоз? (толэзь)*²⁹ ‘На чердаке корыто со льдом (ледяное корыто). Что это будет?’ (луна) и др.

Отметим, что сравнение луны с корытом с разным наполнением характерно и для других родственных народов³⁰, что, по-видимому, отражало бытовые особенности хранения продуктов: *Корка сигын кык тусь: йöлын но, вирен но*³¹ ‘На чердаке два корыта: с молоком и кровью’; *Вир тусен йö тусен ваче пумит*³² ‘Друг против друга корыто с кровью и корыто со льдом’.

Во многих древних культурах и религиях присутствует так называемый лежащий полумесяц, когда новая луна всходит на небе рожками вверх. Такой символ считается божественным знаком, который обычно означает начало и зарождение жизни. Его можно заметить и на египетских статуях, и в изображении индийских божеств, и в старославянской мифологии [11];

¹⁷ Удмуртский фольклор : загадки / Сост. Т. Г. Перевозчикова. С. 216.

¹⁸ Там же. С. 219.

¹⁹ Там же. С. 219.

²⁰ Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Ар-год-берган: обряды и праздники удмуртского календаря. С. 142.

²¹ Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ; Сост. Т. Р. Душенкова, [и др.]; отв. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008. 925 с.

²² Удмуртский фольклор : загадки. С. 216.

²³ Там же. С. 219.

²⁴ Там же. С. 217.

²⁵ Там же. С. 217.

²⁶ Там же. С. 217.

²⁷ Там же. С. 216.

²⁸ Там же. С. 218.

²⁹ Там же. С. 216.

³⁰ Уляшев О. И. Хроматизм в фольклоре и мифологических представлениях пермских и обско-угорских народов. Екатеринбург : УрО РАН, 2011. С. 69.

³¹ Удмуртский фольклор : загадки / Сост. Т. Г. Перевозчикова. С. 216.

³² Там же. С. 216.

д) представления о луне как о небесном глазе: *Учкоз, учкоз – уз куареты (толэзь)*³³ ‘Смотрит, смотрит – ничего не говорит’; *Котькытчы мын – весь учкоз (толэзь)*³⁴ ‘Куда ни пойдешь – всюду подсматривает’.

Удмуртские загадки отражают и изменения фаз луны: *Вордскыкуз – сюрло, будыкуз – сяртчынъянь/сяртчы, кулыкуз – бискыли*³⁵ [сдобная коврижка – Авт.] (толэзь) ‘Рождается – серп, растет – пирог с репой (репа), умирает – бискыли’ (луна); *Огез аралоз, мукетыз юмшало*³⁶ ‘Один жнет, другой гуляет’ (серп и месяц).

Наши предки замечали, что луна может «двоиться»: *Инбамын уялоз, ву вылын чиллялоз*³⁷ ‘В небе плавает, на воде блестит’; *Инмысен но ву вылысен огкадь*³⁸ ‘В небе и на воде одинаково’.

Можно утверждать, что удмуртские загадки о луне при вторичной номинации характеризуются разнообразием типичных признаков, которые встречаются и в других контактирующих языках и культурах.

Приметы и поверья. Среди малых фольклорных жанров, содержащих в своей структуре астрономический код *толэзь* ‘луна/месяц’, отдельное место занимают приметы, раскрывающие соотношение между происходящими помимо человеческой воли явлениями и будущими событиями. В основе этих представлений чаще всего лежат фазы луны³⁹ [3].

Для определения предстоящей погоды важными оказывались такие характеристики луны, как:

а) расположение растущей луны (нарождающегося месяца): *Толэзь жужакуз шонерке, шулдыр, пе, луоз, гаёло ке, соку жобало*⁴⁰ ‘Если месяц всходит прямо, погода будет ясной, если рожками вверх (букв. ‘навзничь’), погода будет ненастной’; *Вордскем толэзь мынчырак (сэзь) луэ ке, со толэзе куазь чебер луоз*⁴¹ ‘Если нарождающийся месяц ясный, календарный месяц будет безоблачным, ясным’; *Выль толэзь первой адскыкуз чонь ке луэ, та толэзь зоро луоз*⁴² ‘Если нарождающийся месяц прямой, этот календарный месяц будет дождливым’;

б) размеры светила: *Толэзь вордйськыкуз бадъым луэ ке, куазь жобало*⁴³ ‘Если нарождающийся месяц большой, погода будет ненастной’;

в) цвет (сияние) светила: *Толалтэ уйин толэзь горд ке луэ, куазь кезьыт луоз*⁴⁴ ‘Луна зимой красная – к холоду’;

г) наличие/отсутствие колец вокруг луны – гало: *Толэзь котырын кык кульчо ке жусатскиз – вить кезьытэз*⁴⁵ ‘Если вокруг луны два кольца светятся – жди морозы’; *Шунды но толэзь котыре вуюись кадь кульчоос кылдо – кезьытскоз, лымыялоз*⁴⁶ ‘Вокруг солнца и луны образуются радужные круги – к похолоданию, снегу’.

Луна позволяла предсказывать не только погоду, но и особенности предстоящего месяца или года. В этом случае важным критерием являлись особенности местоположения месяца: *Выль толэзь гаёло ке потйз, пересьёс улон секыт луоз, шуо. Чошкыт ке луэ, капчи улон луоз, шуо*⁴⁷ ‘Если зарождающийся месяц рожками вверх, жизнь будет тяжелой.’

³³ Удмуртский фольклор : загадки / Сост. Т. Г. Перевозчикова. С. 218.

³⁴ Там же. С. 218.

³⁵ Там же. С. 218.

³⁶ Там же. С. 21.

³⁷ Там же. С. 217.

³⁸ Там же. С. 217.

³⁹ Попова Е. В. Культовые памятники и сакральные объекты бесермян: монография / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2011. С. 37–38.

⁴⁰ Перевозчикова Т. Г. Приметы и поверья удмуртов о погоде // Фольклор и этнография удмуртов: обряды, обычаи, поверья. Ижевск, 1989. С. 58.

⁴¹ Там же. С. 58.

⁴² Там же. С. 58.

⁴³ Там же. С. 58.

⁴⁴ Там же. С. 60.

⁴⁵ Там же. С. 61.

⁴⁶ Там же. С. 61.

⁴⁷ Перевозчикова Т. Г. Приметы и поверья удмуртов о погоде. С. 58.

Если месяц прямой, жизнь будет легкой, говорят'. *Толэзэ йыльёсыныз вылэ учке ке, секыт толэзэ луоз, нылти висёз*⁴⁸ 'Если месяц смотрит рожками вверх, календарный месяц будет тяжелым, дети будут много болеть'; ср. у коми: *Выль төлысь вылө сюра – төлысьысь лөнь лоё* 'Новый месяц рогами вверх – месяц тихий будет'; *Төлысь мыш сайё сайёдчө-ма – лёкмас* 'За спину месяца спряталась – погода испортится'. Луна определяет погоду на месяц вперед: *Төлысь буалё – бушкола төлысь лоё* 'Месяц буйствует – метельный месяц будет'⁴⁹).

Другая примета строится на определении положения светила слева или справа от видящего: *Жужась пинал толэзез бур паласен ке адзид, умой луоз; паллян паласен ке адзид – урод луоз*⁵⁰ 'Если восходящий молодой месяц увидишь справа, это к добру, слева – к худу'.

Отдельное внимание следует уделить бытовым приметам, которые чаще всего определялись фазами луны. В частности, с луной связывали здоровье детей, приплод скотины, урожаи хлебов и овощных культур. Она определяет ритмику времени в жизни людей [12]. В традиционной культуре удмуртов при виде новой луны принято молиться: *Выль толэзез адзыса вёсяськы: ужд азылань луоз* 'Увидишь молодой месяц – помолись: в делах твоих спорина будет'.

У удмуртов действовал запрет начинать новое дело в новолуние, поскольку этот период считался неблагоприятным: *Выль толэзе кыед но куяны, котьмар уж но ужаны уг яра – дыр секыт*⁵¹ 'На новолуние нельзя разбрасывать навоз и делать ничего не надо – время тяжелое'. Подобные табу существовали и у соседних народов: чувашам запрещалось рубить лес⁵²; марийцам – вставать спиной к новой луне⁵³.

Растущая луна, то есть полумесяц, направленный рогами влево, – добрый знак для начала сева зерновых культур. *Толэзэ жужакуз шонер ке, шулдыр, пе, луоз, гаçоло ке, соку жобалоз*⁵⁴ 'Если месяц всходит прямо, погода будет ясной, если рожками вверх (на-взничь), погода будет ненастной'.

Новолуние удмурты называли *тусьты-пуньы миськон толэзэ/нунал* (букв. 'месяц очищения посуды'). Этот период символизировал завершение старого и начало нового лунного цикла. Он выпадал на конец февраля – начало марта, совпадая с Масленицей. В это время было принято проводить очистительные обряды перед началом Великого поста, чтобы «мыть посуду увидела и старая, и молодая луна». Также существовал специальный День очищения посуды, связанный с фазой луны, который отмечали в первый день новолуния (*Чистый понедельник; Крень/кирень нунал*)⁵⁵.

Фидеистические речевые жанры. К ним относятся:

а) заговорно-заклинательные традиции. Еще одним малым жанром фольклора, в котором ярко представлен рассматриваемый астрономический код, является жанр заговора. Как и в других текстах заговоров, в исследуемой группе применяются специальные языковые формулы и клише, большинство из которых – это формулы невозможного: *Шунды бертэм, нунал бертэм, толэзэ бертэм; солэсь бертэмзэ куке адзид, соку сыны быгатод мынэсьтым сюлэмме*⁵⁶ букв. 'Солнце вернулось, день вернулся, месяц вернулся; когда увидишь их возвращение, только тогда сможешь съесть мое сердце'; *Тыр шундыез, тыр толэзез огнала берыктэмед луиз ке, инмысь кизилилэсь лыдзэ-чотсэ тодйид ке, кырымад*

⁴⁸ Перевозчикова Т. Г. Приметы и поверья удмуртов о погоде. С. 58.

⁴⁹ Уляшев О. И. Хроматизм в фольклоре и мифологических представлениях пермских и обско-угорских народов. С. 69.

⁵⁰ Перевозчикова Т. Г. Приметы и поверья удмуртов о погоде. С. 58.

⁵¹ Munkácsi B. Votják népköltészeti hagyományok. Ol. 9.

⁵² Чувашская мифология : этнографический справочник. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2018. С. 122.

⁵³ Тойдыбекова Л. С. Марийская мифология : этнографический справочник. С. 230–237.

⁵⁴ Перевозчикова Т. Г. Приметы и поверья удмуртов о погоде. С. 58.

⁵⁵ Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Ар-год-берган: обряды и праздники удмуртского календаря. С. 133.

⁵⁶ Munkácsi B. Volksbräuche und Volksdichtung der Votjaken / Herausgegeben von D. R. Fuchs // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 1952. Vol. 102. P. 160.

*кырмед луиз ке, тон соку сиса ветлы та висисез*⁵⁷ ‘Полное солнце, полную луну вспять повернуть если сможешь, небесным звездам число-счет если узнаешь, их в горсть сжать если сможешь, тогда съешь этого больного’.

Обращение к духу болезни чаще всего выражено формами 3-го лица: *Шундыез-толэ-зез мыдлань берыктыны куке вормоз, соку мед вормоз та муртэ сёрыны*!⁵⁸ ‘Когда осилит солнце-луну вспять повернуть, тогда только осилит испортить этого человека’.

Как подчеркивает Т. Г. Владыкина, подобные сакральные тексты являются архаичными комплексами, которые сохранили древние мифологемы. Они законсервировали древние представления народа и его мышление. Указанные выше формулы констатируют присутствие космических объектов на небосклоне, движение которых проецируется на болезнь. Они движутся от состояния видимого объекта к невидимому, т. е. обнулению-умиранию, и снова – к видимому. Происходит процесс самовозрождения, или восстановления целостности космических объектов через возвращение. Задача формулы вечности – удалить болезнь в пространство чужого мира. Удмуртская формула вечности – это версия мифа о вечном возвращении⁵⁹;

б) клятвы. Среди речевых жанров, которые реализуют фидеистическую коммуникацию, важное место занимают также клятвы, основанные на вере в магическую силу слова, отражающие архаическое мировосприятие древнего человека [13]. Традиционно клялись солнцем, луной и именем бога Инмара, чтобы подтвердить свою искренность и убедить собеседника в правдивости слов:

*Шунды понна,
Толэзь понна,
Нянь понна,
Тыл понна,
Лёгоно музьем понна,
Азь улонэ понна –
та ужез ой кар!*⁶⁰

Солнцем клянусь,
Луной клянусь,
Хлебом клянусь,
Огнем клянусь,
Землей, по которой ступаю, клянусь,
Днями, отведенными мне, клянусь –
этого я не делал!

Как показывают примеры, среди малых жанров фольклора исследуемый астрономический код сохранился прежде всего в тех жанрах и формах, которые максимально были связаны с ритуальными действиями. В других малых жанрах они представлены гораздо меньше. В частности, единично встречается образ луны в пословицах и поговорках: *Толэзь пиштэ ке но, уг шунты* ‘Луна хоть и светит, да не греет’; *Шунды ке потэ, толэзь но кысэ* ‘Если солнце всходит, даже луна гаснет’.

Интересно, что устойчивыми эпитетами астронома *толэзь* в системе исследуемого языка, как свидетельствуют материалы НКУЯ, являются *тыр толэзь* ‘полная луна’, *югыт толэзь* ‘светлая луна’⁶¹.

Отдельного изучения требует обрядовая поэзия удмуртов. Комплексное изучение астронома *толэзь* позволяет определить не только семиотические характеристики знака, но и выявить психологосемиотические механизмы конвенционального и неконвенционального восприятия языковых знаков.

Как отмечалось выше, *толэзь* ‘луна / месяц’ как культурный код находит отражение не

⁵⁷ Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики : моногр. Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. С. 80.

⁵⁸ Там же. С. 80.

⁵⁹ Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклорный миротекст: образ, символ, ритуал : моногр. С. 46–56.

⁶⁰ Зарни крезь = Золотые гусли: Из сокровищницы народной мудрости удмуртов / Сост. Т. Г. Владыкина-Перевозчикова. Ижевск : Удмуртия, 2015. С. 96.

⁶¹ Национальный корпус удмуртского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://udmcorpus.udman.ru/body> (дата обращения: 13.12.2024).

только в вербальной культуре удмуртского народа, но и широко представлен в декоративно-прикладном искусстве. Его графическое отражение – это восьмиконечная звезда *толэзе* ‘лунный знак’. Следует также отметить, что символический знак имеется на официальных флаге и гербе Удмуртской Республики. Восьмиконечный солярный знак – знак-оберег, по преданию, охраняет человека от несчастий. На гербе изображена птица, на груди которой расположен *толэзе* красного цвета, над каждым крылом лебедя – солярный знак белого цвета. Они являются земным и космическим воплощением оберегающих сил.

Историки указывают на то, что изображение *толэзе* впервые было найдено на городище Иднакар на костяном пряслице IX–XIII вв. [3]. С XIX в. узор стал одним из ключевых и широко используемых мотивов в удмуртском искусстве. Графически *толэзе* делит пространство на четыре лунных фазы. Вышитый знак на *кабачи* невесты – это показатель того, что девушка достигла детородного возраста и теперь от нее зависит рождение здорового потомства. Совпадение продолжительности лунных циклов и женских физиологических ритмов способствовало возникновению представлений о взаимосвязи между ними (*солэн толэез потэм*⁶²). Цвет вышивки красный, символика цвета связана с новой жизнью.

Шитье узором *толэзе* являлось основным и центральным элементом свадебного нагрудника *кабачи* у удмуртов-ватка. Он надевался невестой по прибытии в дом жениха. Проведение свадьбы без этого элемента было невозможно [3]. Нагрудник вышивали отдельно на прямоугольном куске холста и носили поверх рубашки, закрепляя при помощи завязок. По свидетельству этнографов, удмуртский нагрудник *кабачи* произошел от металлических нагрудников VIII–III вв. до н.э. в Прикамье (ананьинская эпоха). Они существовали долгое время, а в XVI–XVIII вв. полностью были заменены на матерчатый. Свадебные *кабачи* с *толэзе* вышиваются в виде восьмилучевой звезды, выполняются шелковыми нитями кирпично-красного цвета⁶³. Известны случаи вышивки на глубоком черном фоне серебряными нитями [3].

В современном искусстве узор *толэзе* используется в дизайне одежды ЗАО «Шаркантрикотаж», который выпускает северные и южные варианты этнического костюма.

В традициях современных мастериц лунный орнамент имеет отношение к женской сфере деятельности, в частности к свадебной аритутике, рождению и воспитанию детей. Он присутствует в виде вышивки или ткачества на концах женских головных полотенец *чалма*, *весьяккышет*, *куиньсэрго*, девичьих колпаков, нагрудников, тканых поясов, краев рукавов и передников, ковров, детских покрывал для люльки, тканых заплечных люлек *ныпъет* и др. Мотив лунного знака выявлен также в рисунках вышитого ворота праздничной мужской рубахи, в резных узорах на прялках и деревянных подголовниках/изголовьях кроватей *йыразьлу*. В современной жизни его можно встретить в виде резьбы на хозяйственных предметах, палисадниках, наличниках и др. Н. Тарасова-Седова делает из соломы обереги-подвески, браслеты, серьги; Г. Е. Сидоров, скульптор и резчик по дереву, широко использует в своих работах удмуртские образы и мифологию⁶⁴.

Удмуртские писатели и поэты также обращаются к образу Луны. Он встречается в творчестве Н. Байтерякова, М. Федотова, С. Матвеева, Рафита Мина и др. В поэзии Р. Мина образ девушки на Луне (связан с легендой «Пятна на Луне») занимает ведущее место. Она становится для лирического героя-скитальца Эвридикой. В начале своего творческого пути поэт обращается к ней с просьбой, чтобы та забрала его к себе (тем самым актуализируются архетипические представления удмуртов о женский ипостаси светила). Сам же герой выступает в роли Орфея, который исполняет песню скитальца с просьбой спуститься на землю для совершения брачного союза, от которого родился

⁶² Из устного сообщения. Кукморский район Республики Татарстан.

⁶³ Молчанова Л. А. Удмуртский народный костюм (история и символика). Ижевск, 2006. С. 71.

⁶⁴ Сидоров Г. Е. Возрожденные ремесла рода Тукля. Ижевск : Удмуртия, 2020. 96 с.

бы новый народ. В конце жизни мифическая героиня зовет и забирает (поэт совершает суицид) его к себе.

С точки зрения изучения астронимического кода интерес представляет роман О. Четкарева «Пиртэш толэзэ» («Расколота луна», т. е. ‘убывающая луна’). Роман близок к жанру научной фантастики. Удмуртскому читателю предоставляется любопытная информация об истории возникновения Вселенной и Земли, о законах движения планет по своим орбитам, о законе притяжения. «В романе особо оттенена мысль о том, что в бесконечном потоке человеческого существования, неуклонном движении истории земная человеческая жизнь – это лишь краткий миг, но историю творит именно каждая отдельная личность, поэтому важен каждый шаг и поступок отдельного человека. Грозящую миру катастрофу от падающей хвостатой звезды или страшного взрыва на заводе может предотвратить человек, будь то президент или рядовой заводской рабочий» [14].

Важно подчеркнуть, что с течением времени сакральная семантика лунного знака стирается. Сегодня данный узор можно встретить и на подоле платьев, он используется для украшения носочно-чулочных изделий, варежек. Т. Н. Москвина, известный удмуртский дизайнер и реставратор одежды, считает, что изображение узора не допустимо на носках или чулках, подоле платьев, так как *толэзэ* относится к верхней космической сфере.

Еще один из видов использования знака *толэзэ* – его распространение в современном интернет-пространстве, а также в брендировании региона. Интерес представляет толкование Юсь Падма⁶⁵ (Павел Лебедев – автор переводов отдельных памятников древнеиндийской религиозно-философской мысли) знака *ошмескирос* (соответствует знаку *толэзэ*). Ссылаясь на каноны восточной философии, Юсь Падма рассматривает данный знак как вращение Вселенной Оси, Колеса Времени: смену четырех времен года, четырех периодов существования Вселенной. Он акцентирует внимание на безостановочном циклическом развитии и обновлении жизни; призывает идти вперед и выше – к постижению вершин сокровенного духовного знания. По его мнению, эмблема означает четыре ноги *Муоша* (букв. ‘Земной Бык’) – символа сострадания, аскезы, чистоты, правдивости. Предлагаемый им термин *ошмескирос* вызывает устойчивые ассоциации с распространенным определением Удмуртии как родникового края, а также может быть соотнесен с лексемами *ошмес* ‘родник, источник; ручей’ и *ош* ‘бык’ + *мес* ‘корова’. С точки зрения этимологии это созвучие – случайность, однако если воспринимать быка и корову как священных животных в ведической традиции, то название символа приобретает особый смысл. Многие моменты этого описания могут быть поняты только с учетом философских воззрений П. Лебедева и игры слов.

Орнамент *толэзэ* активно используется в брендировании региона. Имеется специальный товарный знак «Сделано в Удмуртии», разработанный для производителей республики, что дает возможность выделить региональную продукцию как на внутреннем, так и на внешнем рынке. На сегодняшний день более 150 предприятий республики используют указанный товарный знак. Среди них – предприятия пищевой (мясо, молочная продукция, чай, кофе, кондитерские изделия, хлеб) и легкой промышленности (верхняя одежда, обувь, спортивная одежда), производители строительных материалов.

Первоочередная задача символических репрезентаций – не популяризация знаний, а продвижение конкретных коммерческих продуктов [15]. Становится очевидным, что для указанных случаев характерна трансформация архетипического образа, утрата накопленного веками культурного опыта, приобретение новых смыслов. Таким образом актуализируются неконвенциональные признаки астронимического кода.

⁶⁵ Воршудмылэн нимыз но дэмдорез [Электронный ресурс]. URL: <https://oshmesdin.narod.ru/demdor.html> (дата обращения: 12.01.2025).

Заключение

Астронимический код *толэзь* ‘луна/месяц’ является важным элементом культуры удмуртского народа, имеющим исторические корни, но открытым к трансформационным процессам с течением времени. Лунный цикл оказал влияние на формирование удмуртского календаря, он находит отражение в обрядовой поэзии и произведениях народной словесности малых жанров. Исследуемый код присутствует в костюмном комплексе удмуртов и государственной геральдике Удмуртской Республики. Все это является проявлением конвенциональных признаков мифопоэтического представления народа о строении мира и Вселенной.

Применение архаического кода в новых культурных контекстах приводит к возникновению инновационных систем неконвенционального типа, способствующих увеличению ценности предлагаемых объектов (например, литературных произведений, брендов, идеологических концепций) в ущерб традиционному восприятию языковых знаков.

Изучение культурных кодов удмуртского языка позволяет выявить тесную взаимосвязь языка и культуры, что востребовано разными отраслями гуманитарного знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Аминев З.Г. Эпос «Урал-Батыр» как источник по изучению космогонических воззрений древних башкир. *Проблемы востоковедения*. 2012;(2):90–94. URL: http://www.pvanrb.ru/2012_2.htm (дата обращения: 13.12.2024).
Aminev Z.G. The Epic «Ural-Batyr» as a Source for Studying Cosmogonical Views of Ancient Bashkirs. *The Problems of Oriental Studies*. 2012;(2):90–94. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: URL: http://www.pvanrb.ru/2012_2.htm (accessed 13.12.2024).
2. Закирова И.Г. Космогонические мифы и легенды татарского народа. *Вестник Чувашского университета*. 2010;(4):249–255. EDN: **NBYFOH**
Zakirova I.G. Cosmogonic Myths and Legends of Tatar People. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta*. 2010;(4):249–255. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: **NBYFOH**
3. Шутова Н.И. История происхождения и семантика лунного знака *ТОЛЭЗЬ*. *Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология*. 2015;25(4):82–94. URL: <https://clck.ru/3GYVra> (дата обращения: 13.12.2024).
Shutova N.I. The Origin and Semantics of the Lunar Sign *TOLEZYO*. *Bulletin of Udmurt University. Ser. History and Philology*. 2015;25(4):82–94. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3GYVra> (accessed 13.12.2024).
4. Каргаполов Е.П. Культурный и цивилизационный коды: актуальные вопросы теории. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2022;(2):27–35. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10204>
Kargapolov E.P. Cultural and Civilization Codes: Topical Issues of Theory. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(2):27–35. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10204>
5. Владыкина Т.Г., Глухова Г.А., Панина Т.И. Удмуртский народный календарь и сельский социум. *Научный диалог*. 2017;(10):149–169. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-10-149-169>
Vladykina T.G., Glukhova G.A., Panina T.I. Udmurt Folk Calendar and Rural Society. *Nauchnyy dialog*. 2017;(10):149–169. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-10-149-169>
6. Кондратьева Н.В., Краснова Т.А. Отражение языковой картины мира в удмуртской фразеологии (на материале тематической группы «Небесная сфера»). *Финно-угорский мир*. 2020;12(4):389–399. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.012.2020.04.389-399>
Kondratieva N.V., Krasnova T.A. Reflection of the Linguistic Picture of the World in Udmurt Phraseology (on the Material of the “Celestial Sphere” Theme Group). *Finno-Ugric World*. 2020;12(4):389–399. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.012.2020.04.389-399>
7. Карпава А. Знак «Солнца» в отображении анцестральных культур Эквадора и Удмуртии. *Вестник Удмуртского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2016;26(1):42–46. EDN: **VTNXUX**
Karpava A. The Sign of “Sun” in the Image of Ancestral Cultures of Ecuador and Udmurtia. *Bulletin of Udmurt University. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. (In Russ., abstract in Eng.) 2016;26(1):42–46. EDN: **VTNXUX**

8. Пантелеева Е.В. Солнце vs Луна в мифопоэтической картине мира удмуртского поэта-билингва Вячеслава Ар-Серги. *Полилингвальность и транскультурные практики*. 2023;20(2):368–378. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-2-368-378>
Panteleeva E.V. Sun vs Moon in the Mythopoetic Picture of the World of the Udmurt Bilingual Poet Vyacheslav Ar-Sergi. *Polylinguality and Transcultural Practices*. 2023;20(2):368–378. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-2-368-378>
9. Рыбкин В.В. Теория замедления вращения Земли на основе данных геологии, геофизики и астрономии. *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2019;(11):110–125. <https://doi.org/10.17513/mjpf.12942>
Rybkin V.V. The Theory of Slowing the Earth's Rotation Based on Data Geology, Geophysics and Astronomy. *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2019;(11):110–125. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17513/mjpf.12942>
10. Замалетдинов Р.Р., Файзуллина Н.И. Космогонические загадки в лингвокультурологическом аспекте (на материале русских и татарских народных загадок). *Филологические науки в МГИМО*. 2019;18(2):106–112. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2019-2-18-106-112>
Zamaletdinov R.R., Faizullina N.I. The Cosmogonic Riddles in the Linguocultural Aspect (on the Material of Russian and Tatar Folk Riddles). *Filologicheskie nauki v MGIMO*. 2019;18(2):106–112. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2019-2-18-106-112>
11. Стаценко С.А. Об известных, малоизвестных и забытых фактах взаимовлияния исламской и христианской цивилизаций. *Христианство на Ближнем Востоке*. 2022;6(2):148–204. <https://doi.org/10.24412/2587-9316-2022-10145>
Statsenko S.A. About Known, Little-Known and Forgotten Facts Mutual Influence of Islamic and Christian Civilizations. *Christianity in the Middle East*. 2022;6(2):148–204. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2587-9316-2022-10145>
12. Захарова Т.В. Фольклорно-символические ментальные образования (на примере концептов *Луна* и *Mond*). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016;(9–3):97–100. URL: <https://clck.ru/3GYZVB> (дата обращения: 13.12.2024).
Zakharova T.V. Folklore Symbolic Mental Entities (by the Example of the Concepts *Luna* and *Mond*). *Philology. Theory & Practice*. 2016;(9–3):97–100. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3GYZVB> (accessed 13.12.2024).
13. Рабенко Т.Г. Клятва как фидеистический жанр. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2010;(13):122–126. URL: <https://clck.ru/3GYaLf> (дата обращения: 16.12.2024).
Rabenko T.G. The Oath as a Fideistic Genre. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2010;(13):122–126. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3GYaLf> (accessed 16.12.2024).
14. Зайцева Т.И. Маргинальный герой Олега Четкарева: традиционная основа и изменение эстетического кода. *Вестник Удмуртского университета*. 2007;(1):115–122. EDN: IAPZVP
Zaitseva T.I. Marginal Character by Oleg Chetkarev: Traditional Background and Change of the Esthetic Code. *Bulletin of Udmurt University*. 2007;(1):115–122. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: IAPZVP
15. Казакова К.А., Горунович А.Н. Влияние исторического развития территории на характер регионального брендинга (на примере Республики Коми). *Manuskript*. 2019;12(5):42–46. <https://doi.org/10.30853/manuskript.2019.5.7>
Kazakova K.A., Gorunovich A.N. Influence of Historical Development of Territory on Regional Branding Nature (by the Example of the Komi Republic). *Manuskript*. 2019;12(5):42–46. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30853/manuskript.2019.5.7>

Информация об авторах:

Душенкова Татьяна Рудольфовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (426034, Российская Федерация, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4), ORCID: <https://orcid.org/0000-002-2514-7143>, SPIN-код: 6447-5384, dushenkovatr@mail.ru

Кондратьева Наталья Владимировна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (426034, Российская Федерация, Республика Удмуртия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3632-503X>, SPIN-код: 5206-9109, nataljakondratjeva@yandex.ru

Information about the authors:

Tatiana R. Dushenkova, Cand.Sci. (Philol.), Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (4 Lomonosov St., Izhevsk 426034, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-002-2514-7143>, SPIN-код: 6447-5384, dushenkovatr@mail.ru

Natalia V. Kondratieva, Dr.Sci. (Philol.), Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (4 Lomonosov St., Izhevsk 426034, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3632-503X>, SPIN-code: 5206-9109, nataljakondratjeva@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Т. Р. Душенкова – формулирование идеи исследования, целей и задач; создание и подготовка рукописи: написание черновика рукописи, включая его перевод на иностранный язык; проверка воспроизводимости результатов исследования в рамках основных или дополнительных задач работы.

Н. В. Кондратьева – формулирование идеи исследования, целей и задач; создание и подготовка рукописи: критический анализ черновика рукописи, внесение замечаний и исправлений членами исследовательской группы, в том числе на этапах до и после публикации.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 27.01.2025; одобрена после рецензирования 10.02.2025; принята к публикации 17.02.2025.

Authors' contribution:

T. R. Dushenkova – ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims; preparation and creation of the published work, specifically writing the initial draft (including substantive translation); verification, whether as a part of the activity or separate, of the reproducibility of results and other research outputs and other research outputs.

N. V. Kondratyeva – ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims; preparation and creation of the published work by those from the original research group, specifically critical review, commentary or revision – including pre- or post-publication stages.

All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 27.01.2025; revised 10.20.2025; accepted 17.02.2025.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Научный журнал «Финно-угорский мир» публикует оригинальные научные статьи на русском и английском языках, ранее не публиковавшиеся в других изданиях. Цель издания – пропаганда фундаментальных и прикладных достижений в области гуманитарных наук и финно-угроведения на территории Российской Федерации и за рубежом. В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати). Журнал приветствует статьи, содержащие материал о значительных достижениях в указанных направлениях. Особое внимание следует уделить качеству перевода. Желательно, чтобы он был выполнен носителем английского языка.

При подготовке статьи к публикации в журнале «Финно-угорский мир» необходимо учесть следующие пункты:

1. Указать **УДК**.

2. **Заголовок статьи** должен кратко (не более 10 слов) и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования. *Приводится на русском и английском языках.*

3. **Аннотация** (250–300 слов.) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. В ней должны быть четко обозначены следующие составные части:

- 1) Введение (Introduction);
- 2) Материалы и методы (Materials and Methods);
- 3) Результаты исследования (Results);
- 4) Обсуждение и заключение (Discussion and Conclusion).

Приводится на русском и английском языках.

4. **Ключевые слова** (5–10) являются поисковым образом научной статьи. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. *Приводятся на русском и английском языках.*

5. **Благодарности**. В этом разделе следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, организации, оказавшие финансовую поддержку. Хорошим тоном считается выражение благодарности анонимным рецензентам. *Приводятся на русском и английском языках.*

6. **Основной текст** статьи излагается на русском или английском языках.

1) Введение – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности.

2) Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделение нерешенных вопросов в пределах общей проблемы, которым посвящена статья. Важно провести сравнительный анализ с зарубежными исследованиями по заявленной проблематике.

3) Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт и т. д.).

4) Результаты исследования. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты исследования должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные.

Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках. Рисунки могут быть представлены в растровом или векторном формате с разрешением не ниже 300 dpi. Они должны допускать редактирование текста и возможность изменения размеров. Все графические данные помещаются в текст статьи, а также высылаются дополнительно в виде отдельных файлов. Разнохарактерные иллюстрации необходимо приводить к единому стилю графического исполнения, соблюдая единообразие их оформления. Графики, схемы и диаграммы необходимо оформлять в Microsoft Excel.

5) Обсуждение и заключение. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

7. **Список литературы** оформляется в формате Vancouver в версии AMA. В него включаются только рецензируемые источники (статьи из научных журналов), включенные в глобальные индексы цитирования. Следует указать DOI или адрес доступа в сети Интернет. *Оформляется на русском и английском языках.*

8. **Информация об авторе**. Ф.И.О., ученое звание и должность, организация(и), адрес организации(й) (желательно указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, ме-

сто выполнения проекта и др.)), ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, SPIN-код, электронная почта, телефон, почтовый адрес для отправки авторского экземпляра. *Приводится на русском и английском языках.*

9. Вклад соавторов. Для формулировки фактического вклада каждого соавтора в выполненную работу необходимо использовать таксономию CRediT (Contributor Roles Taxonomy) – стандарт, разработанный Национальной организацией по информационным стандартам (National Information Standards Organization, NISO) (<https://credit.niso.org/>). Порядок указания авторов и соавторов статьи согласуется ими самостоятельно. *Приводится на русском и английском языках.*

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Важным этапом в процессе отбора статьи является рецензирование. В журнале «Финно-угорский мир» принято «двойное слепое» (рецензент и автор не знают имен друг друга) рецензирование статей (срок действия рецензии – 1 год).

Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации (без доработки или с доработкой) или о ее отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензента его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Политика редакционной коллегии журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала и Кодексе поведения для издателя журнала, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE).

Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Журнал распространяется по подписке, заявкам высших учебных заведений, учреждений образования и отдельных лиц.

Макаркин Николай Петрович – главный редактор.

Мосина Наталья Михайловна – заместитель главного редактора, научный редактор.

Никонова Юлия Николаевна – ответственный секретарь. Тел.: +7 (8342) 48-14-24.

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS

The Finno-Ugric World journal publishes original scientific articles (Full Articles) in Russian and English, previously not published in other editions. The purpose of the publication is to promote fundamental and applied achievements in the field of humanities and Finno-Ugric studies in the Russian Federation and abroad. Duplicate publications are subject to retraction (withdrawal from press) in case of detection. Submission to the editorial office of previously published articles or articles sent for publication to other journals is not allowed. In the event of simultaneous submission of a manuscript to different journals, the published article will be retracted (withdrawn from print).

The journal gives preference to the articles with potentially high impact factor or containing significant advances in considered areas of science. Particular attention should be paid to the quality of translation.

It is desirable that this be performed by a native speaker of English.

To submit an article in the journal Finno-Ugric World you should know:

1. It is necessary to indicate the **UDC code**.

2. **The title of the article** should briefly (no more than 10 words) and accurately reflect the content of the article, the subject matter and the results of the conducted research. *The title is to be provided in Russian and English.*

3. **The abstract** performs the function of an expanded title and informs readers about the article's content. It should comprise the following sections:

- 1) Introduction;
- 2) Materials and Methods;
- 3) Results;
- 4) Discussion and Conclusion.

The recommended abstract volume is 250–300 words. **The abstract is to be provided in Russian and English.**

4. **Keywords** consist of the search terms used by all bibliographic databases to search for scientific articles by keyword. For this reason, the keywords should reflect the main statements, achievements, results and terminology of scientific research. The recommended number of keywords is 5–10. *The keywords are to be provided in Russian and English.*

5. **Acknowledgements.** In this section, mention should be made of people who helped the author to prepare the article and any organisations that provided financial support. Expressing gratitude to anonymous reviewers is considered good form. *The acknowledgements are to be provided in Russian and English.*

6. **The main** text of the article is to be presented in Russian or English according to a specific sequence:

1) The Introduction must contain the formulation of a scientific problem, stating its relevance, connection with the most important tasks that need to be solved and its importance for the development of a particular branch of science or practice.

2) Literature Review. Here it is necessary to outline the principal contemporary studies and publications on which the argument relies, state current views on the problem, underline difficulties in developing the topic and highlight unresolved issues within the main problem to which the article is devoted. It is important to carry out a comparative analysis that cites existing publications on the stated issues.

3) Materials and Methods. This section describes the process of organising the experiment, the methods applied and any equipment used (including software). It should provide detailed information about the object of study, indicate the sequence of research and justify the choice of methods used (observation, survey, testing, experiment, laboratory experience, analysis, modelling, etc.).

4) Results. In this part of the article, analytical and statistical materials should be systematised. The results of the study should be described with sufficient degree of completeness so that the reader can trace its stages and assess the validity of the conclusions made by the author. This is the main section, the purpose of which is to confirm or repudiate the working hypothesis (hypotheses).

If necessary, the results should be confirmed by illustrations (tables, graphs, drawings) that represent the source material or evidence in a compact form. It is important that the visual information does not duplicate information already given in the text. The results presented in the article should be compared with previous works in this area both by the author and other researchers. Such a comparison will additionally reveal the novelty of the work carried out and give it objectivity. The results of the study should be summarised, but at the same time contain enough information to assess the findings. The decision to select the particular data for analysis must also be justified. All titles, captions and structural elements of graphs, tables, charts, etc., are to be provided in Russian and English. Figures, which can either be presented in vector or raster format (at least 300 dpi resolution), should permit editing of text elements and resizability. All graphic data placed in the text of the article should additionally be sent as separate files. Diverse illustrations should conform to a single style of graphic presentation ensuring the uniformity of their design. Graphs, charts and diagrams should be drawn up in Microsoft Excel.

5) Discussion and Conclusion. In the conclusion, the results of the understanding of the topic should be summarised along with conclusions, generalisations and recommendations arising from the work. In addition, the practical significance of the results should be emphasised along with a discussion of the main directions for further research. It is desirable to include in the final part of the article attempts to forecast the development of the issues considered.

7. **List of references.** The bibliographic description of the documents should conform to the requirements of the Vancouver Citation Style. It is necessary to refer first of all to original sources from scientific journals included in the major global citation indices. It is essential that the link to the source be correctly formatted. The authors' names, journal (e-mail), year of publication, volume (issue), number, pages where the cited information may be found, as well as DOI or URL should be indicated. *The list of references is to be provided in Russian and English.*

8. **Information about authors.** Full surname, first name and any second names or patronymics of the authors; detailed information about the authors: scientific degree, title, position, official name of institution without abbreviations, address of institution (it is necessary to indicate all author workplaces where the research was carried out (permanent address, place of project implementation, etc.)); ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, Author ID in the Russian Science Citation Index; e-mail, phone, postal address for the author's copy. *Information about authors is to be provided in Russian and English.*

9. **Authors' contribution.** To formulate the actual contribution of each co-author to the completed work, it is necessary to use CRediT (Contributor Roles Taxonomy) – a standard developed by the National Information Standards Organization (NISO) (<https://credit.niso.org/>). The order of citation of authors and co-authors of the article is agreed by them independently. *Information is provided in Russian and English.*

The author agrees to the terms of the enclosed license agreement by submission of the article.

As part of the submission, the journal will peer review your article before deciding whether to publish it.

The journal Finno-Ugric World uses double-blind review, which means that both the reviewer and author identities are concealed from the reviewers, and vice versa, throughout the review process. Validity of reviews is one year. A reviewer analyses an article and decides recommending it for publication (after revision of without it), additional reviewing or refusing of it. In case of noncompliance of an author with the comment of a reviewer, they can address a motivated statement to Editorial Board.

The editorial policy is based on modern legal requirements concerning libel, copyright, legitimacy, plagiarism, ethical principles, kept in community of leading scientific issues publishers. The editorial policy is based upon traditional ethical principles of Russian academic periodicals; it supports Academic Periodicals Ethical Codex, stated by Committee on Publication Ethics (Russia, Moscow) and it is formed in account of standards of ethics of editors' and publishers' work confirmed by Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors and Code of Conduct for Journal Publishers, developed by Committee on Publication Ethics (COPE).

Free reproduction of the Journal's materials is allowed for personal, information, research, academic or cultural purposes in accordance with Articles 1273 and 1274, Chapter 70, Part IV of the Civil Code of the Russian Federation. When quoting, a link to the Journal is required. Other types of reproduction are only possible following the written agreement of the copyright holder.

The journal is distributed by subscription, requests of universities, educational institutions and individuals.

Nikolay P. Makarkin – Editor-in-Chief.

Natalya M. Mosina – Deputy Editor-in-Chief, Scientific Editor.

Yuliya N. Nikonova – Executive Editor. Tel.: +7 8342 481424.

Главный редактор Н. П. Макаркин

Редактор Е. Н. Ширшикова

Верстка и дизайн А. А. Куркина

Перевод О. С. Сафонкина

Информационная поддержка сайта журнала А. А. Парамонова

Дизайн обложки Е. А. Климкина

Адрес редакции: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия,
г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68.

Тел./факс: (8342) 48-14-24.

E-mail: finno-ugric.world@mail.ru

<https://csfu.mrsu.ru>

<https://journals.rcsi.science/2076-2577>

Адрес учредителя и издателя: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия,
г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68

Адрес типографии: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24
(Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»)

Editor-in-Chief N. P. Makarkin

Editor E. N. Shirshikova

Layout design A. A. Kurkina

Translation by O. S. Safonkina

Informational support of the Journal's website by A. A. Paramonov

Cover design E. A. Klimkin

Editorial office: 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Tel/Fax: +7 8342 481424

E-mail: finno-ugric.world@mail.ru

<https://csfu.mrsu.ru>

<https://journals.rcsi.science/2076-2577>

Address of the Founder and Publisher: 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005,
Republic of Mordovia, Russian Federation

Address of the Printing House: 24 Sovetskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation
(Publishing House of National Research Mordovia State University)

Редакция журнала «Финно-угорский мир» заключила соглашение с Федеральным государственным бюджетным учреждением «Российский центр научной информации» (РЦНИ) о размещении контента журнала на сайте «Национальная платформа периодических научных изданий» (<https://journals.rcsi.science/2076-2577>).

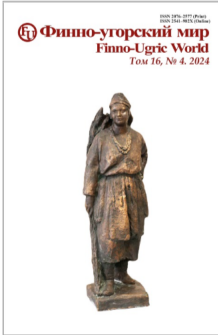
Российский центр научной информации

ФИННО-УГОРСКИЙ МИР

ISSN 2076-2577 (Print)
ISSN 2541-982X (Online)

ГЛАВНАЯ О ЖУРНАЛЕ ВЫПУСКИ КОНТАКТЫ АРХИВ ДО 2025 Г. ВСЕ ЖУРНАЛЫ

Главная > Финно-угорский мир

Финно-угорский мир
ISSN (print): 2076-2577, ISSN (online): 2541-982X
Учредитель и издатель: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева
Главный редактор: Макарина Николай Петрович, д-р экон. наук, профессор
Периодичность / доступ: 4 выпуска в год / открытый
Входит в: [Белый список \(3 уровень\)](#), перечень ВАК, [РиФТИ](#)

Рецензируемый научный журнал «Финно-угорский мир Fino-Ugric World» основан в 2008 г. и считает своей миссией всемерное распространение знаний о финно-угорских народах, популяризацию языков, литературы, народной культуры и искусства, истории родного края. На его страницах публикуются материалы, посвященные проблемам изучения языков и литературы, культуры и искусства, истории и этнографии финно-угорских народов.

Распространение – Российская Федерация, зарубежные страны.

Журнал предоставляет открытый доступ к полным текстам публикаций, исходя из следующего принципа: открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки.

- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
- 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки)
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (финно-угорские и самодийские) (филологические науки)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология)

Реестровая запись: [ПИ № ФС 77 – 70644 от 03.08.2017](#)

ОТПРАВИТЬ РУКОПИСЬ

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ

Имя пользователя

Пароль

Запомнить меня

ВХОД

[Забудли пароль?](#) [Регистрация](#)

УВЕДОМЛЕНИЯ

- [Посмотреть](#)
- [Подписаться](#)

ТЕКУЩИЙ ВЫПУСК

Том 16, № 4 (2024)